

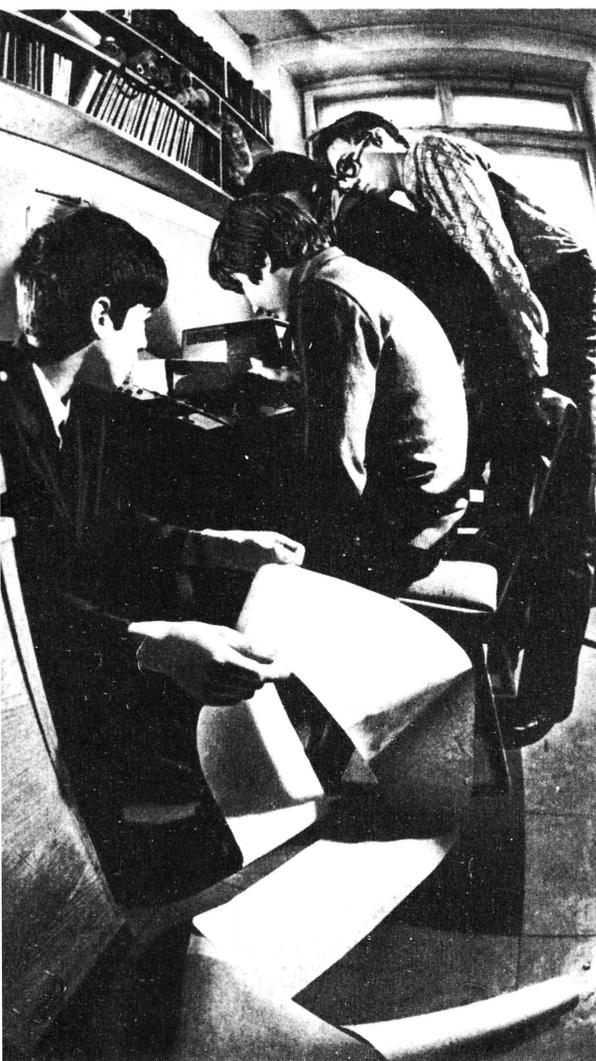
УРАЛЬСКИЙ

**Следопыт****1 '86***Главные рубрики журнала:***Люди подвига****Следопытский телеграф****Страницы прозы и поэзии****Адреса романтики****Человек и природа****Путешествия и экспедиции****Музеи, коллекции****Краеведческая копилка****Приключения и фантастика**

## ЗВОНОК В БУДУЩЕЕ, ИЛИ УРОК ИНФОРМАТИКИ

Что за этим фотокадром [сделанным несколько экстравагантно свердловчанином Анатолием Череем], какие конкретные события произошли в стране компьютеризации школы?

В селе Грязновском Свердловской области — наверное, в первом селе Урала — создан кабинет информатики и вычислительной техники.



На станции юных техников Новосибирского академгородка в течение многих лет ребята работают на ЭВМ.

Фото В. Новикова

На рабочих местах — школьники Нижнего Тагила.



Фото И. Горачева

— Сначала был организован межвузовский комплексный творческий коллектив, — рассказывает начальник вычислительного зала радиотехнического факультета Уральского политехнического института Сергей Карасев. — Он-то и взялся за подготовку компьютерного класса в селе Грязновском. Техника! Студенты установили в школе электронно-вычислительную машину «Электроника-ДЗ-28» с дисплеем. Приобрела ее Богдановичская племптицефабрика, потратив 12 тысяч рублей. Но сразу же надо думать и о завтрашнем дне... Наш институт взял «Электронику» на гарантийное обслуживание и ремонт. Иначе с блеском начатое дело может с треском провалиться... Ведь и надежные ЭВМ не вечны, тем более — в школе.

Готовимся в этом учебном году к рейду по сельским школам. Да, своего рода десант — компьютерный. Его вооружение! Мобильный комплекс с тремя персональными компьютерами и блоком управления. Все это смонтировано в автобусе...

Первые шаги компьютеров в уральские села... И это не менее значимо, чем приезд первых тракторов в деревню двадцатых годов, это — тоже веха истории...

Читайте на стр. 6—11 подборку материалов о компьютеризации школы под заголовком «Звонок в будущее, или Урок информатики».

УРАЛЬСКИЙ

# СЛЕДОПЫТ



# 1 '86

ЛИТЕРАТУРНО-  
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ  
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ  
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ  
ЖУРНАЛ  
ДЛЯ ДЕТЕЙ  
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА  
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР  
СВЕРДЛОВСКОЙ  
ПИСАТЕЛЬСКОЙ  
ОРГАНИЗАЦИИ  
И СВЕРДЛОВСКОГО  
ОБКОМА ВЛКСМ

## В НОМЕРЕ:

- 2/ ЗВОНК В БУДУЩЕЕ,  
ИЛИ УРОК ИНФОРМАТИКИ
- 6/ Б. Игошев  
ЧТО МОЖЕТ МИКРОКАЛЬКУЛЯТОР!
- 9/ Л. Сергеева  
С КОМПЬЮТЕРОМ НАЕДИНЕ
- 10/ О. Поскребышев  
...НАДО ХЛЕБ ПОКРУЧЕ ПОСОЛИТЬ. Стихи
- 12/ В. Нечволода  
ДЕНЬ ПЕРВЫЙ. Рассказ
- 25/ Л. Дорохова  
У РОДНОГО ПОРОГА
- 30/ СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ
- 32/ Ю. Орлицкий  
ТИГР — КАКОГО ЦВЕТА!
- 33/ В. Данилов  
ВРЕМЕННО ИСПОЛНЯЮЩИЙ. Повесть. Начало
- 56/ В. Новоселов  
У РОЯЛЯ — МИХАИЛ КЕДРОВ
- 59/ Г. Цаур  
СОКРОВИЩА В ПЕСКЕ
- 62/ МОЙ ДРУГ ФАНТАСТИКА. КАЛЕЙДОСКОП
- 64/ А. Ромов  
РОТМИСТР АВИАЦИИ. Повесть. Продолжение
- 67/ В. Стахеев  
НАЙДЕН ДОМИК ДЕКАБРИСТОВ
- 69/ Б. Зеличенко  
РЯДОМ С НЕТТЕ
- 71/ А. Хлебников  
ПИСАЛ ЛИ АЙВАЗОВСКИЙ ЗИМУ!
- 73/ А. Походов  
КУПЕЦ НАБЛЮДАЕТ КОМЕТУ
- 73/ В. Ермаков  
ПАМЯТНИК ДОРОГЕ
- 75/ В. Курбатов  
СЕРЫЙ РЫЦАРЬ
- 77/ А. Барков  
«КЛАДОВКИ» СТРАННИЦЫ-КЕДРОВКИ
- 78/ МИР НА ЛАДОНИ

ИЗДАЕТСЯ  
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК  
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ  
КНИЖНОЕ  
ИЗДАТЕЛЬСТВО

На 1-й стр. обложки — рисунок С. Копылова

НАВСТРЕЧУ  
XXVII СЪЕЗДУ КПСС

# ЗВОНОК или Урок

**ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА, ЛАУРЕАТ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ АКАДЕМИК НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ КРАСОВСКИЙ, ОТВЕЧАЯ НА ВОПРОСЫ ОТДЕЛА НАУКИ И ТЕХНИКИ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА» О ПРОБЛЕМАХ КОМПЬЮТЕРИЗАЦИИ ШКОЛЫ, ДЕЛИТСЯ СООБРАЖЕНИЯМИ О ТОМ, КАК ПОМОЧЬ УЧИТЕЛЮ И УЧЕНИКУ, КАКИМ ОБРАЗОМ БЫСТРЕЕ ОСНАСТИТЬ ШКОЛЫ ТЕХНИКОЙ, ГДЕ ВЗЯТЬ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ ОБСЛУЖИВАНИЯ ШКОЛЬНЫХ ЭВМ...**

— Запомнилось, вы однажды рассказывали, что в международном языке бейсик, созданном для общения с компьютером, есть короткое, как щелчок тумблера, энергичное слово «ран» — беги! Это команда вычислительной машине начинать работу. Кажется, мы и себе теперь горячо говорим: ран — беги! Да ведь и надо спешить, если установлено, что массовое применение компьютеров может сделать работу основных отраслей народного хозяйства гораздо эффективнее. И предстать трудно, какие перемены произойдут, когда наступит технологическая эра.

— Спешить с компьютеризацией надо, но спешить — по-своему... ЭВМ с каждым годом раскрывают во всем мире свои полезные возможности с нарастающей масштабностью. Нельзя не признать, что в технологически развитых странах достигнуты впечатляющие результаты применения ЭВМ в науке, в промышленности, в экономике. И особенно надо отметить, что компьютеры, войдя в область образования, оказывают на эту важнейшую сферу жизни благотворное, преобразующее воздействие.

Однако в бурно компьютеризирующихся странах уже видны и некоторые тревожные симптомы. Например, в Америке уже проявляются симптомы так называемой компьютерной наркомании. ЭВМ (машина для труда) стала также сильным и весьма популярным средством развлечения; подчас не безобидного. Возник даже новый вид

бизнеса — среди детей. Математически одаренные подростки, используя свежесть воображения, составляют развлекательные программы и продают их промышленным фирмам. Те немедленно тиражируют какую-нибудь электронную игру, особенно манящую молодежь, и предлагают рынку как развлечение. Так новые и новые дозы электронного наркотика, изготовляемого не только взрослыми, но, как видим, и самими детьми, попадают в общественное сознание. Западные психологи обнаруживают у некоторых людей и такую форму отклонения в поведении, как компьютерный нарциссизм. Да, персональная ЭВМ в руках молодого (а порой и не столь молодого) человека превращается в то волшебное зеркальце, в которое он беспрерывно глядится, упиваясь в игре достоинствами своего «я». А чрезмерное увлечение электронным хоккеем и футболом, фильмами (развитием сюжета может управлять по своему хотению и велению владелец компьютера), военизированными играми может оказаться еще пагубнее. Замечено также, что у юных неразумных поклонников компьютера иногда снижается способность к интеллектуальной деятельности. Почему? В том числе и потому, что безудержное общение с дьявольски услужливой и быстродействующей машиной детренирует память, снижает аналитические способности. Так могут утрачиваться существенные качества человека!

Но пора вернуться на отечественную почву... Повторю: спешить

с компьютеризацией надо, но спешить без суесть и с оглядкой на возможные негативные стороны дела. Нам пока не грозит компьютерная наркомания или нарциссизм. Нам бы дать в ближайшее время персональные компьютеры в школу. Нам бы научить с помощью ЭВМ работать молодых людей более производительнее. Для этого необходимо показывать преимущества работы, опирающейся на ЭВМ, и жизни, включающей компьютерную грамотность как непреложный элемент общей культуры личности. А при этом и интеллектуальные игры с компьютером в разумных количествах были бы тоже полезны.

— Возможно, и ошибочное, но такое ощущение возникает, что хотя минувшим летом — перед первым уроком информатики — наша пресса со всех сторон показала общественную необходимость компьютеризации, но вот до всеобщей веры в неизбежность массового применения компьютера мы дойдем еще, видимо, не скоро. И тут, наверное, простым умножением примеров, убеждающих токаря, администратора гостиницы, закройщика, что в его деле электронная машина делает переворот, компьютерную неосведомленность не ликвидировать! Когда еще дойдет очередь до какой-нибудь специальности или профессии, ведь их около сорока тысяч!

— Слов нет, важно показывать представителю каждой профессии, какую дверь в будущее открывает ему компьютер. И ниже о таких примерах будет сказано. Но все же следует чаще говорить о компьютерной грамотности как и о признаке образованного человека. В двадцатые — тридцатые годы в школах начали изучать то, как устроен и работает двигатель внутреннего сгорания. И дискуссий как будто бы не было, а зачем, мол, нужно знать, как функционирует этот двигатель, будущей балерине или пекарю? Нужно знать, потому что

# В БУДУЩЕЕ, ИНФОРМАТИКИ

может потребовать будущая работа. И нужно знать, чтобы чувствовать себя цивилизованным! Точно так же школьники постигают то, как работает телефон, телевизор, электродвигатель, и то, как происходит пищеварение. Все это — первичные знания современного человека. Но почему-то есть еще сомнения: всем ли надо обретать компьютерную грамотность? Наверное, все-таки всем! Не сразу, но постепенно — всем.

За время своего существования (с конца сороковых годов нашего столетия) электронные вычислительные машины зарекомендовали себя как полезный и сильный инструмент для решения важных задач. Известные успехи атомной энергетики, космонавтики, авиации, радио и телевидения были бы невозможны без систематического использования ЭВМ. Развитие в последние годы техники отличалось большим разнообразием конструируемых и используемых систем. От суперкомпьютеров до персональных миниЭВМ.

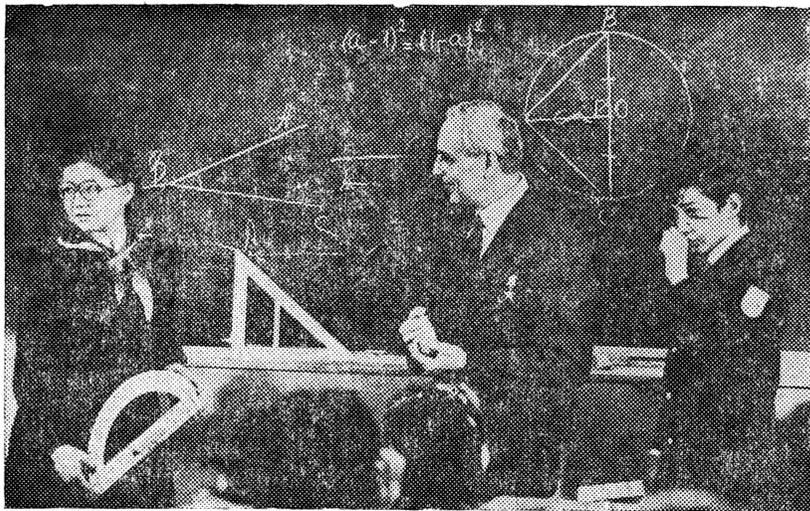
Говоря о современной вычислительной технике, можно выделить следующие основные сферы ее применения. Решение сложных математических задач, возникающих в технике, в экономике, в природоведении. Накопление и переработка информации. Автоматизация и управление технологическими и организационными процессами. Речь идет как о расчетах планов выполнения какой-либо работы, так и об оперативном контроле и коррекции выполнения этих планов. Компьютеры используются непосредственно в технологическом оборудовании (например, в станке с программным управлением). И ЭВМ служит также базой вычислительных экспериментов, которые в науке и технике начали играть все большую роль, дополняя и иногда даже заменяя дорогостоящие или просто неосуществимые натурные эксперименты. Допустим, требуется изучить то, как обтекает воздух крыло самолета при чрезвычайно высоких скоростях.

Можно, разумеется, попытаться проделать все это в аэродинамической трубе. Но скорее всего это будет дорого, хлопотно, а возможно, и неосуществимо. Однако нынешняя аэродинамика и вычислительное дело развиты настолько, что можно с большой достоверностью заменить натурные эксперименты их компьютерным моделированием. К тому же, моделируя на ЭВМ обтекание самолетного крыла, можно быстрее перебрать много вариантов.

Или, скажем, проектируется сложнейшая электронная схема устройства, назначение коего управлять системой жизнеобеспечения в некотором замкнутом пространстве. Пусть в нем надо создавать различные природные условия. Сотни сигналов должно перерабатывать это электронное устройство. Усилить освещенность. Убавить количество углекислого газа. Понизить температуру. Выровнять давление. И так

далее. Так вот, начиная с принципиальной схемы такого электронного устройства, кончая проработкой всех деталей, вплоть до рабочих чертежей, — все это точно, в согласии с техническим заданием делает компьютер-проектировщик. Он ускоряет проектирование. Месяцы сжимаются в недели, а порой — в дни. И нет ошибок. Надежность превосходная. И машина способна неутомимо и зорко еще и еще раз проверить и перепроверить проект. И выдать всю документацию, не требующую доделок. Таковы возможности ЭВМ в делах, в которых заняты сотни тысяч людей различных специальностей.

А в теоретической механике есть множество задач, вообще не решаемых без ЭВМ... Например, как рассчитать возмущения движений в космическом пространстве большого количества тел, вблизи которых проходит сверхтяжелое



Академик Николай Николаевич Красовский — среди свердловских школьников. Научное творчество у известного ученого, внесшего крупный вклад в математическую теорию управления движением, сочетается с широкой и щедрой педагогической деятельностью.

Фото В. Степанова

тело? С арифмометром такие гигантские явления материального мира пришлось бы обчислять астрономический отрезок времени...

И более будничные заботы. Скажем, обучение профессиям. Летчики, операторы прокатных станков, водители... Тренажеры с компьютером уыстриают овладение этими профессиями. На экране дисплея со всей убедительностью имитируется тренировочный полет, и навыки приобретаются как бы в живом действии...

Но, как показывает опыт, все эти известные достоинства компьютеров и компьютеризации проявляют себя только в руках знающих и умеющих работников. Кажется, это — очевидность, но трудность в том, чтобы внедрить ее в жизнь. Для того, чтобы стать таким работником, надо учиться вычислительному делу. И, как говорит практика, основы знания и умения в области вычислительного дела усваиваются лучше всего в молодости. Этот объективный факт нашел отражение в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР о введении с нынешнего учебного года во всех учебных заведениях страны нового предмета «Основы информатики и вычислительной техники». Он должен уточнить для учащегося понятия математической модели и алгоритма, обучить основам программирования и диалога с ЭВМ. Таким образом, этот курс должен обеспечить ту начальную компьютерную грамотность, на основе которой в дальнейшем каждый сможет совершенствоваться так, как этого потребует его жизнь и работа.

— Вы сказали просто и ясно, как об отбойном молотке: компьютер — полезный и сильный инструмент. Думается, было бы полезно в таком вот духе — без излишней эмоциональности — подробнее поговорить о компьютере как об инструменте. ЭВМ иногда очеловечивают, наделяют чуть ли не мистической сущностью, ну по крайней мере, работа с машиной представляется порой слишком интригующе, загадочно. Это, надо полагать, отделяет для иных людей деловой контакт с ней. Может, и действительно нужны какие-то врожденные способности, чтобы свободно с ней общаться!

— Вы, вижу, вновь поворачиваете разговор на обсуждение психологии восприятия компьютера...

— Хотелось бы возлечь, Николай Николаевич, в беседу и того

читателя, который еще не задавал себе вопроса: «Не пора ли и мне подумать о своей компьютерной грамотности!»

— Конечно, искусство общения с ЭВМ, то есть умение решать на ней новые трудные задачи, писать для нее сложные программы из большого числа команд, так сказать, на высшем уровне, не столь уж доступно. Как всякое искусство. Музицируют многие, а со сцены выступают мастера, таланты. Да и в математике, в том числе и в компьютерном деле, нужны таланты. Вот, очевидно, рассказы о них, о профессионалах, и воспринимаются, вероятно, кое-кем так: нет, я никогда не смогу постичь все эти математические премудрости, — не дано! Скорее всего, и псевдоромантические описания того, как вундеркинды-математики взбираются на математический Олимп, овладевают тарбарским языком сложных алгоритмов и программ для общения с таинственными машинами, тоже, вероятно, охлаждают нематематиков.

Однако уже давным-давно поколение школьников изучают арифметику, алгебру, геометрию, изучают по сути дела начала математических моделей. Они также давным-давно знакомы с понятием алгоритма. Последовательность вопросов в арифметической задаче — это же по сути дела алгоритм. И такое обучение математике никто не путал с высоким уровнем математической работы профессионала. То же самое и работа с компьютером. Школьник должен научиться делать простые программы. Прежде всего для тех задач по физике или, скажем, по химии, которые ему предлагаются на уроках. Далее: школьник должен работать с готовыми программами, доступными ему. И еще: он должен уметь вести не слишком сложный диалог с ЭВМ. Повторим. Важно понимание: основа работы с компьютером — создание математической модели того реального объекта или процесса, что нас интересует. Построить хорошую модель может только тот, кто имеет глубокие математические знания и умение их использовать. И эта работа для математика-профессионала. Следующий этап — построение алгоритма, основанного на этой модели. И это также работа для профессионала. Она завершается составлением программы для ЭВМ. И создание сложной программы, чтобы решить трудную задачу, тоже работа профессионала. Так получается продукт, именуемый сейчас математическим обеспечением. Как правило, его создают

люди со склонностью к математике и соответственно обученные. А школьник должен научиться делать все это при решении посильных для него задач.

И этот минимум обучения компьютерному делу не следует путать с профессиональной подготовкой. Надо четко отделить тех, кто обучается, готовясь к моделированию и программированию как к профессии. Таких ребят немного, они выбрали этот вид деятельности, и работа с ними шла и идет в специальных классах, в учебно-производственных комбинатах.

Вернемся к мысли о том, что образованность без компьютеризации будет немыслима. Согласимся, что цивилизованное общество не может идти по пути прогресса (идти в хоршем темпе!) без ЭВМ. Компьютер — инструмент ума, советчик, помощник. Конечно, нельзя думать, что во всем следует полагаться на него. Так из властелина вычислительных машин можно превратиться в их иждивенца и замедлить свое развитие. И, думаю, у родителей и школьных педагогов в первом учебном году с компьютерами появится проблема: не допустить срыва детей в электронные игры, в этот своего рода психологический штопор, из которого самому подростку выйти трудно.

Народное образование в Свердловской области, как и во всей стране, оказалось перед лицом новой и трудной задачи. Серьезное отношение к делу требует, чтобы она решалась без горячки и с учетом реальных обстоятельств. Сегодня эти обстоятельства таковы. В школах печально мало вычислительной техники. Далеко не везде есть комплекты микрокалькуляторов. ЭВМ эксплуатируется пока, по сути дела, в УПК Ленинского и Кировского районов города Свердловска. Хорошая перспектива у 43-й школы. Оснащаются ЭВМ школы № 103, № 121, № 40... Нелегко решать и вопрос по технике безопасности в компьютеризируемых школах.

Правда, в Свердловске уже в течение десяти — пятнадцати лет ведется работа в УПК, в Малой академии наук, пединституте и других вузах с небольшими группами школьников, с теми, кто интересуется математикой. Однако, как уже сказано, сейчас у нас с вами речь идет о всеобщей компьютерной грамотности. И нести ее молодежи должна масса школьных учителей. От того, насколько эти учителя сами будут вооружены знаниями, методикой преподавания, в немалой степени будет зависеть успех дела.

Вот главные проблемы. Как учить? Кто будет учить? На чем будет учиться школьник? Нужно скорее идти к вычислительной технике, нужно преодолевать безмашинную компьютеризацию. Курс информатики (в хорошей школе!) впишется как органическая часть общего образования. То, что теперь называют информатикой, как сказано выше, не отменяет математику. Информатика, по существу, была всегда. Разве древнеегипетские иероглифы — не способ кодирования информации? А расшифровка их — не есть ли глубокое исследование в области информатики? Однако в последнее время, благодаря применению вычислительной техники, наука о переработке информации существенно преобразуется. Я бы вообще предпочел термин «вычислительное дело», когда речь идет о работе с компьютером. Не стоит наделять термин «информатика» мифическим всемогуществом: дескать, нету бога кроме информатики, а алгоритм — пророк ее... Нет, как мы уже говорили, ЭВМ — только инструмент. И он очень ценен и в решении задач информатики...

Информатика одна из сторон вычислительного дела, а вычислительное дело — один из инструментов информатики... И не стоит думать о ней как о сверхнауке, как о панацее от всех бед школьного образования.

— Николай Николаевич, компьютеризация школы — понятно, не агрономическая, а инженерно-педагогическая задача, но все же нельзя не учитывать особенности «микrokлимата» разных районов России. Немало городов, где поменьше и вузов, и высококвалифицированных математиков, чем в Свердловске, а потому хотелось, чтобы читатель поближе познакомился с уральским вариантом компьютеризации.

— Свердловские ученые и вузовские педагоги стараются помочь создать в школе деловую, рабочую атмосферу. В этих условиях потребовалось объединить усилия областного отдела народного образования, института усовершенствования учителей, свердловских высших учебных заведений, Уральского научного центра Академии наук СССР для обучения учителей школы, преподавателей техникумов и ПТУ основам информатики и вычислительной техники. Был создан временный коллектив энтузиастов. И, надо сказать, он организовался до официального постановления о новом курсе. Позднее его назвали научно-методиче-

ским советом и утвердили в облисполкоме. Действующий при совете семинар рекомендовал программу подготовки учителей, исходящую из государственной программы и учитывающую реальные особенности нашей обстановки. Весь учебный материал, предназначенный для изложения учителям, был обсужден. Преподаватели высших учебных заведений, участвующие в работе семинара и преподающие учителям, получили возможность действовать более или менее единообразно и согласованно. Одновременно были подготовлены четыре методических пособия. Они изданы к началу учебного года.

Уральский политехнический институт, университет, инженерно-педагогический и педагогический институты, институт математики и механики УНЦ представили классы, оборудованные микроЭВМ. Таким образом, каждый учитель, прошедший подготовку, получил возможность лично упражняться в диалоге с ЭВМ по шестнадцать-двадцать часов. Это важно, словами нельзя заменить практическую работу на вычислительной машине. Пусть из-за трудностей в тех или иных классах дело сведется лишь к минимуму компьютерных знаний, но зато подкрепленных упражнениями, которые будут увязаны с другими жизненно важными знаниями и навыками. Согласимся вновь, что это лучше, чем модный абстрактный курс, оторванный от жизни и от других предметов. Опыт работы, пусть пока с немногочисленными группами ребят, показал, что общение с ЭВМ способствует умению концентрировать мысль, воспитанию добросовестности и аккуратности, а красивые рассуждения о компьютеризации и алгоритмизации только развивают снобизм, а порой и разгильдяйство в мыслях и делах.

Пусть не всюду одинаковая математическая культура. Может быть, не везде для обучения учителей есть такая возможность, как в Свердловске. Но даже если бы и повсюду было бы очень много даже и очень ученых математиков, они не предоставили бы школе вычислительную технику... Кто может ее дать? Кто должен пойти на вынужденные материальные расходы (а их не миновать)? У школы и фондов и таких денег нет. Не будем на это закрывать глаза. В Свердловске у многих школ серьезные базовые предприятия. А скептикам, которые говорят, что далеко не у всех школ такие шефы, ответим так. Давайте сосчитаем количество школ и число научно-исследовательских ин-

ституты, вузов, конструкторских бюро, предприятий... Их окажется не меньше, чем школ. Они вполне могут компьютеризировать школы. Представляется, что это самый реальный путь...

#### — А сельские школы!

— В этом номере «Уральского следопыта» публикуется снимок из села Грязновского, где студенты Уральского политехнического института оборудовали школьный вычислительный кабинет. Посмотрим на этот факт шире... В Свердловске тысячи студентов, техническая квалификация которых позволяет ждать от них действительной помощи. Студенты работают летом в строительных отрядах. Воздвигают фермы, клубы, магазины, бани. Это важно. Но также общественно важна и компьютеризация школ. Итак, будем ждать движения, столь естественного движения студентов технических вузов на село в роли электронщиков... Это для них интересная и полезная работа. Другого способа более или менее массовой компьютеризации сельских школ Среднего Урала сейчас не вижу! Пока это начало. Организация первого компьютерного десанта показала — тут масса организационных и финансовых трудностей.

— И опять думается о подростке и его родителях, о школьном учителе... Вот он, урок информатики, уже идет... Сколько проблем! Даже учебник, оказывается, надо изучать с оглядкой. На семинарах научно-методического совета пришлось слышать, как остро его критикуют специалисты...

— Попытаюсь представить критику фрагментарно. В учебном пособии «Основы информатики и вычислительной техники», которое пока предложено, изложен довольно искусственный алгоритмический язык. Второе. Пособие не учит переходу от данного алгоритмического языка к одному из наиболее распространенных языков программирования. А выученный сам по себе язык без перехода на программу для ЭВМ и без тренировки общения с ЭВМ, пожалуй, может забыться в течение ближайших летних каникул. Поэтому представляется важным при создании стабильного учебника максимально оживить алгоритмический язык и связать его с одним из практических языков программирования. Например, с бейсиком. Он принят широко, в том числе в образовании.

А получилось так, что в посо-

бии описан только один из возможных языков, на котором можно писать алгоритм. У детей может возникнуть впечатление, что это единственный на свете, что это самый универсальный алгоритмический язык. И сложится заблуждение, что готовить задачу для машины можно только таким образом. На самом же деле можно учить писать алгоритмы и на других языках, более близких к живой речи.

Мы на курсах подготовки учителей взяли на себя смелость сказать педагогам: не обязательно жестко следовать языку из учебного пособия. Надо относиться к нему свободнее, объясняя, что существуют и другие способы записи алгоритмов. Важно только, чтобы язык записи не допускал двусмысленности и различного толкования тем, кто пишет, и тем, кто читает...

— Ситуация малопонятная: выходит, подростки изучат за год язык как бы ради... самого языка! Не похоже ли это на то, когда в гимназиях дети до изнеможения зубрили холодную латынь? Впрочем, она нужна была хотя бы тем, кто стал медиком. И вообще прекрасные частицы латыни рассеяны во всех европейских языках...

— Пожалуй, мне трудно оспорить это суждение... Если язык изучать по новому учебному пособию буквалистски, зашоренно. Но хочется надеяться: школьные педагоги будут учить не столько буквам языка, сколько пониманию того, что такое алгоритм и его в меру точная запись. Умению составлять алгоритм (последовательность целенаправленных действий) и передавать его машине для исполнения. То есть учить азам общения с ЭВМ и объяснять, что такое алгоритм, а не слагать его бездумно из слов формального языка. Вот что главное, вот о чем следует помнить семье и школе: задача в том, чтобы научить молодых людей думать, когда это надо, и только тогда, когда это надо, алгоритмически. Этого можно добиваться успешнее, если обучение вести, включая в дело работу на ЭВМ, а не только с помощью мелка и школьной доски, и тогда такое знание не забудется.

Еще у нового учебника виден и такой недостаток: недооценка того, что — не информатика.

— Что-то от информационного гегемонизма!

— Именно... Вот предлагается задача по механике или по физике,

но ее механическое или физическое содержание обескровлено, лишено жизни, а порой задача разбирается и неправильно, например с точки зрения механики. А ведь по сути-то это задача по механике, она решается на основе математической модели, построенной в согласии с законами механики. Информатика может лишь грамотно обслуживать это решение и помогать довести дело до вычислений. Школьник на уроках информатики не должен портить свои знания по другим предметам...

Выход из таких и других трудных педагогических ситуаций один: больше, больше привлекать знаний по другим предметам во время общения с компьютером и больше самого общения с ним!

Разумеется, в плановом порядке предусматривается компьютерное оснащение школ, в том числе и в Свердловске, однако далеко не всех. Поэтому, если мы хотим, чтобы наши

дети и внуки получили полноценные знания и трудовые навыки в вычислительном деле, необходимо сделать все, чтобы как можно скорее и в возможно большем числе промышленных предприятия, научные учреждения и вузы помогли школе вычислительной техникой.

Это может быть передача вычислительной техники и помощь в оборудовании компьютерного класса. Или это может быть создание подобного класса на предприятии. Или — выделение машинного времени и рабочих мест в вычислительных центрах.

Наконец, это может быть хотя бы то или иное материальное подкрепление. Вычислительная техника стоит очень недешево. Но если скупой урезывать ее для школы, кто же завтра создаст общедоступную, надежную и эффективную технику, достойную страны, борющейся за ускоренное развитие научно-технического прогресса?

## ЧТО МОЖЕТ МИКРОКАЛЬКУЛЯТОР?

Борис ИГОШЕВ,  
старший преподаватель  
Свердловского педагогического института

Мир, полный машин, бесшумно производящих все, что нужно человеку. Мир, обслуживаемый роботоподобными существами, обладающими искусственным интеллектом. Таким представлялось будущее Земли лишь авторам фантастических романов и рассказов всего два-три десятилетия назад. Даже авторитетное заявление известного специалиста в области вычислительной техники академика В. М. Глушкова, сделанное десять лет назад, воспринималось как чрезмерный оптимизм влюбленного в свою науку ученого: «Можно ли создать полноценный искусственный разум — уже не вопрос. Безусловно, можно. Причем человеческого он не только не уступит, но во всех отношениях опередит его. Это произойдет, видимо, еще до начала XXI века...» Однако сейчас все это перестает представляться только порождением чрезмерно разыгравшейся фантазии. И виноват в этом крохотный микропроцессор, появившийся в 1973 году как результат совместных усилий физиков, технологов и программистов.

Вся история развития компьютерной техники насчитывает чуть больше сорока лет (сравните с тысячелетней историей развития таких наук, как физика и математика). Действительно, первая электронно-вычислительная машина появилась в 1943 году в Пенсильванском университете в США и называлась ЭНИАК (электронный численный интегратор и автоматический вычислитель). Весил ЭНИАК около 30 тонн, занимал зал площадью около 200 квадратных метров. В машине было около 18 тысяч электронных ламп, полторы тысячи электронных реле, мощные вентиляционные установки для отвода выделявшегося при работе тепла. Из соображений секретности (шла война) был пущен слух, что в помещении содержатся гигантские белые слоны.

За одну секунду ЭНИАК мог выполнять до 5000 арифметических операций, однако надежность этого вычислительного гиганта оставляла желать много лучшего. Машину держали под напряжением круглые сутки, потому что чаще всего лам-

пы перегорали в момент включения питания. И все равно примерно каждые пять минут одна из ламп перегорала. Американский математик Герда Эванс так рассказывала о работе этой ЭВМ: «ЭНИАК, на котором мы работали, оказался довольно деликатной и, я бы сказала, капризной машиной. То и дело выходили из строя какие-нибудь лампы или контуры, и нам приходилось сидеть сложа руки».

ЭНИАК был типичным представителем первого поколения электронных вычислительных машин, поразивших мир своими возможностями. Но вместе с тем он раскрыл перед людьми свои ограниченность и несовершенство. Значительные размеры, низкая надежность, использование сложного языка программирования — все это резко ограничивало применение вычислительных машин.

Причем самый основной недостаток как ЭНИАКА, так и последующих поколений ЭВМ состоял в том, что работа на них была доступна только узкому кругу специалистов в области ЭВМ и программирования. Специалисты из других областей не имели возможности постоянно пользоваться услугами компьютерной техники из-за ее малочисленности и, в основном, из-за сложности программирования.

Диалог специалиста-неэвэмщика с машиной весьма смахивал на известную игру в испорченный телефон. Сначала задача растолковывалась программисту, затем он ее программировал и вводил в машину, а потом передавал полученные и истолкованные результаты заказчику. Легко представить, насколько это было неудобно и неэффективно.

Однако начало семидесятых годов знаменовалось резким изменением ситуации: на компьютерную сцену выступил чудо-прибор, который назвали микропроцессором. Кремниевая пластинка толщиной 0,5 миллиметра и площадью меньше квадратного сантиметра произвела настоящую революцию — теперь вычислительную машину можно было унести под мышкой.

Такие, почти фантастические свойства придают микропроцессору сотни тысяч транзисторов, размещенных с помощью специальной технологии в приповерхностном слое кристалла кремния площадью чуть меньше копейки. В готовом виде микропроцессор, заключенный в миниатюрный пластиковый корпус, похож на насекомое с многочисленными лапками-контактами...

Самой значительной особенностью микропроцессора является его универсальность, поскольку выполня-

емые им функции зависят от программы, составленной человеком. Обычно программа записывается на схему и присоединяется к микропроцессору. Для демонстрации гибкости этого принципа одна фирма создала устройство, которое в первоначальном виде представляет собой электронные часы. Если же сменить микросхему с программой, то устройство исполнит популярную мелодию. Еще одна замена — и готов простейший электромузыкальный инструмент.

Универсальность микропроцессоров позволяет выпускать их массово. Они стали дешевыми. Применение микропроцессора? Это возможность использования микроЭВМ покупателями, не имеющими опыта работы с вычислительной техникой. Это разнообразная работа в промышленности, деловой сфере, образовании, быту. Это и способность работать, по крайней мере, с одним языком высокого уровня типа бейсик, фортран, кобол.

Как видим, требования весьма жесткие, но персональные ЭВМ (ПЭВМ), можно сказать, завоевали мир. Сейчас каждый год их продается несколько миллионов, и спрос на них продолжает расти.

Ввод данных и программ для решения каких-либо задач осуществляется в ПЭВМ очень просто, с помощью устройства наподобие пишущей машинки, а результаты выводятся на экран обычного телевизора или специального терминала, называемого дисплеем. Иногда результаты вычислений выводятся на печатающее устройство и пользователь получает «бумажный» экземпляр выполненных машиной операций.

В быту, помимо различных хозяйственных расчетов, ПЭВМ оказались оригинальным средством развлечения, поскольку на них легко реализуются так называемые компьютерные игры. В этих играх на экране дисплея моделируется какая-то игровая ситуация, и человек (игрок) принимает в ней участие, управляя компьютером с помощью клавиатуры.

Например, в игре «Лидер» нужно провести человечка на экране через лабиринт. Если по дороге он встречает фруктовые деревья, то подкрепляется плодами, получает силы (и условные баллы) и может следовать дальше. Если же на пути ему встречается злодей, то человек должен с ним сражаться, при этом теряя силы, побеждая или погибая. По правилам игры человек может два раза воскресать и продолжать свой путь...

Очень широко ПЭВМ стали при-

меняться в сфере образования, в основном для индивидуального обучения и профессионального самоподготовки. В память ПЭВМ уже сейчас можно «загнать» около 16 тысяч страниц текста, больше тысячи графиков, схем. Запрограммированная соответствующим образом, имеющая в своей памяти значительный объем информации ПЭВМ становится серьезным помощником учителя, который вынужден ориентироваться на «среднего» ученика. А что же делать «сильным» учащимся, которые уже успели схватить и понять то, что говорит учитель, а тот все еще «разжевывает», ориентируясь на «среднего» школьника? И как быть тем, кто соображает и усваивает медленнее «среднего», или просто подзабыл, или не повторял предыдущий материал? Вывод — и сильные, и слабые обучаются достаточно эффективно.

Вторая проблема традиционного обучения — отсутствие полноценной обратной связи между учеником и учителем. «Поняли или не поняли?» — вот основной вопрос практического обучения. Можно ли спросить всех на одном уроке, да еще и не один раз? Ведь в идеальном случае нужно контролировать усвоение знаний непрерывно на протяжении всего урока и у всех школьников.

В решении обеих проблем не оценимую помощь может оказать персональный компьютер. Представим себе такую картинку: на дисплее ПЭВМ перед учеником появляется кусочек текста с графиками, схемами и т. п. Школьник не торопясь, в присущем ему ритме (сильный — быстро, слабый — медленно) вчитывается, усваивает материал, а затем отвечает на контрольный вопрос, который тоже появляется на экране дисплея. В наиболее простых обучающих программах, реализуемых на ПЭВМ, учащийся должен выбрать правильный ответ из нескольких ему предлагаемых. Ответил правильно — на дисплее появится надпись «Верно» или улыбающееся лицо. И сразу же на экране — следующая порция знаний: снова читай, смотри, вдумывайся.

Ошибся — и надпись на экране другая, да и лицо хмурое, расстроенное. Но ситуация не становится безнадежной — на экран выводится разъясняющий текст, «подсказка» и — снова контрольный вопрос. И так до тех пор, пока ученик не усвоит материал. Никто не торопит ученика и не нужно участие учителя — каждый ученик работает так, как ему удобно, усваивая при этом весь учебный материал. Можно ли переоценить значение такого помощника?

Усвоение знаний при этом повышается чуть ли не вдвое!

...Современный мир — мир компьютеров. Без них нельзя ступить и шагу не только в переносном, но и в самом прямом смысле. Фирмы «Пума» и «Адидас» выпустили на рынок кроссовки, в язычок которых вмонтирован микрокомпьютер. На миниатюрном экране высвечивается скорость хода или бега и пройденное расстояние.

Можно было бы еще и еще приводить примеры применения компьютеров в жизни, но и так очевидно: без так называемой компьютерной грамотности в современном мире прожить просто нельзя. Преодоление компьютерной неграмотности — одна из коренных общественных проблем. Вице-президент АН СССР Е. П. Велихов сказал об этом так: «Учиться предстоит всем — от академика до школьника». Особую важность имеет для развития экономики и общества компьютерная образованность молодежи. Ей предстоит решать многочисленные проблемы наджавшейся компьютеризации.

Государство приняло беспрецедентные меры в области педагогики и народного образования по обеспечению компьютерного обучения молодежи. В рамках реализации практических мероприятий «Основных направлений реформы общеобразовательной и профессиональной школы» с 1 сентября 1985 года в средних учебных заведениях введен новый учебный курс «Основы информатики и вычислительной техники». Понятие об алгоритмах, алгоритмический язык, элементы программирования, устройство и применение ЭВМ, понятие о микропроцессоре и технологии его производства — вот основные темы двухгодичного курса, изучать который начнут учащиеся девятых классов школ, ПТУ и техникумов. В средних учебных заведениях к 1 сентября 1985 года создавались кабинеты информатики и вычислительной техники, которые по мере возможности будут оснащаться персональными ЭВМ. Уже начато их производство — это «Агат». Кроме того, школам поставляют микрокомпьютеры ДВК-1 и ДВК-2, «Электроника НЦ-Тимур», «Электроника БК-0010». Однако для оснащения кабинетов информатики потребуются немалые средства. Очень велики масштабы страны. Одних только школ — около 170 тысяч. Во время переходного периода оснащения школ компьютерной техникой планируется использовать и различные типы микрокалькуляторов. Микрокалькуляторы — один из самых распространенных и

доступных видов вычислительной техники. Они продаются в магазинах по очень умеренной цене. Каждая школа с помощью шефов может приобрести их, обслуживание их достаточно просто. Вместе с тем работа с МК дает учащимся возможность приобрести навыки алгоритмической и вычислительной культуры, умение составлять простейшие программы и многое другое, что позволит сделать реальные шаги на пути к всеобщей компьютерной грамотности.

Безусловно, курсом «Основы информатики» не исчерпываются возможности школы в компьютерном образовании. Значительный объем знаний по электронно-вычислительной технике и микропроцессорной технике может дать школьникам, например, курс физики.

В общественной лаборатории технического творчества школьников Академии педагогических наук при Свердловском пединституте выработаны рекомендации по ознакомлению школьников с автоматизацией производства и микропроцессорной техникой. Проводить такую работу можно начиная с шестого класса (первый год обучения физике) и вести ее на протяжении пяти лет, до окончания школы. Предлагаемая методика ценна еще и тем, что изучение автоматизации и микропроцессорной техники проводится в рамках существующих программ и с использованием оборудования кабинета физики.

В ряде свердловских школ уже проводится экспериментальное обучение ребят на уроках физики, и накопленный опыт позволяет говорить об эффективности этого пути компьютерного всеобуча.

Еще один путь изучения в школе вычислительной и микропроцессорной техники — активное участие во внеклассной работе по технике.

Общественная лаборатория технического творчества школьников более двух десятилетий занимается также вопросами изучения и выработки рекомендаций по содержанию и методике внеклассной работы с учащимися по электронике, автоматике, вычислительной и микропроцессорной технике. Сотрудники лаборатории разработали цикл программ технических кружков, в которых ребята изучают технику (в том числе компьютерную). Эти программы утверждены как типовые, и по ним начнут работать технические кружки по всей стране.

В кружковой работе по технике один из самых важных моментов — практическая работа по конструированию. И если типовые объекты тру-

да для ребят младшего и среднего звена школы в общем разработаны, для старшеклассников этот вопрос еще далеко не решен. Нужно же иметь в виду, что в ближайшее время микропроцессор в школу в массовом масштабе не поступит. Как же быть юным техникам?

Есть подход, при котором учащиеся смогут использовать в своем творчестве самую современную элементную базу. Для этого нужно творчески взглянуть на микрокалькулятор. Действительно, «коэффициент использования» МК не так уж велик и его великодушная электронная начинка много времени простаивает без дела. Между тем можно значительно расширить сферу его применения.

Микрокалькулятор предназначен для выполнения определенных вычислительных операций, причем ввод различных чисел и команд осуществляется клавишами. Возьмем один из самых простых и дешевых МК-БЗ-23 (цена 25 руб.). Наберем на индикаторе цифру «1» и будем нажимать на клавишу «+». После первого нажатия показания на индикаторе не изменятся, а с каждым последующим нажатием будут увеличиваться на единицу. Представим себе, что человек нажимает на клавишу «+» один раз в секунду. Что будет показывать индикатор микрокалькулятора? Конечно же, число секунд, прошедших с начала первого нажатия на клавишу «+», то есть МК будет играть роль секундомера.

Остается только сконструировать приставку, которая бы осуществляла нажатие на клавишу «+» с частотой один раз в секунду. Для этого к контактам этой клавиши припаиваются два проводника и выводятся наружу (никаких вредных последствий для МК эта операция не принесет). После этого собирается генератор секундных импульсов (описание подобных генераторов можно найти на страницах радиолокационных журналов и книг), подключается к выведенным проводам — и секундомер готов.

Безусловно, можно придумать множество других приставок, позволяющих разнообразно использовать микрокалькулятор. При этом ребята (этому есть немало примеров) творчески подходят к вычислительной технике, преодолевают боязнь (шутка ли — припасть к внутренностям МК). И можно быть уверенными, что они не спасуют в будущем перед какой-либо сложной компьютерной новинкой, подойдут к ее использованию и обслуживанию по-деловому и по-хозяйски.

# С КОМПЬЮТЕРОМ НА ЕДИНЕ

Людмила СЕРГЕЕВА

По своей воле вряд ли бы я зашла сюда...

Хорошо усвоила с детства — к технике не стоит подходить, если не знаешь ее языка.

Но тут редакторская сила толкнула меня не просто к машинам, а в темный компьютерный лес. И раз уж вошла в зал научно-методического центра «Диалог», созданного при Уральском университете, придется подойти к компьютеру.

Не укусят же он в самом деле! Да и Павел Феокистов только что тут сидел. Едва коснулась стула, машина уже командует: «Введите слово». Ищу в памяти технический термин (машина все-таки спрашивает!), но пальцы сами набирают на клавишах: «Лю-би-мый».

— Сейчас машина разберет заданное слово, — объясняет Павел. — Программа работает так: машина проверяет, насколько звуковой образ слова соответствует содержанию. Например, слова «тетя», «мама», «папа», «баба», «деда» и по звучанию, и по содержанию хорошие, они долго будут жить в языке... А вот, простите, слово «женщина» какое-то шипящее и, видимо, оттого оно не очень-то в ходу в разговорной речи...

Тем временем на экране (видать, для компьютера такая работа пустяк) появилась колонка слов:

**ясный — пасмурный**  
**нежный — грубый**  
**теплый — холодный**  
**могучий — хилый...**

И так далее, и так далее. Машина анализирует основательно. Это не развлечение, не игра, а черновая лингвистическая работа. Испытываю легкое разочарование. Пусть по этой программе действуют специалисты. Нужное слово подберем как-нибудь без компьютера...

Павел ставит кассету с новой программой — для тренировки памяти. Ему просто говорить с машиной — год работает в центре «Диалог», который создан для обучения школьных преподавателей информатики. И в этот момент, когда я собралась второй раз доказывать свою компьютерную неграмотность, в разговор вступил учитель физики из Первоуральска Александр Владимирович Топорков:

— Какое чувство, извините, вы испытывали, когда начали общаться с компьютером? Страх? Ну что же, это естественно. Причин для неуверенности несколько. Главное — незнание. Когда я приехал в центр «Диалог», моим первым чувством был тоже страх. Сейчас составляю программы для решения с ребятами физических задач любого уровня сложности.

Специалисту с высшим образованием, Топоркову легко говорить...

А дети в школе и без того перегружены. Среди них есть и неспособные к техническим наукам, как я.

— Хотите проверить скорость запуска ракеты? — предлагает учитель из Первоуральска.

— Да! — отвечаю дерзко, но успеваю подумать, что один раз полного контакта с машиной у меня не получилось.

Однако Александр Владимирович подбадривает:

— Выбирайте на клавиатуре, с какой скоростью собираетесь взлететь. Не волнуйтесь, вашей жизни ничего не угрожает...

— Четыре метра в секунду, — отвечаю и нажимаю кнопку. Даю сигнал: «Ракета упадет на Землю». И компьютер требует новое задание. Нажимаю клавишу с цифрой «9». «Ракета станет спутником Земли», — вещает машина и вновь просит работу. Быстро же у нее все обмозговывается.

— Ну вот и пообщались немножко! — радуется нашей беседе Топорков.

Пообщались-то пообщались, но что же останется у школьника от такой клавишной игры? Не разучится ли он самостоятельно считать? Нет, объясняют педагоги, школьники относятся к «непрограммирующим профессионалам», для которых выполнение ряда правил при работе с компьютером более необходимо, чем знание его устройства. Работая по готовой программе, ученик привнесет в учебу элемент творчества, дух эксперимента. Снизится число механических расчетов одного и того же варианта задач.

— Сколько можно решить задач без компьютера за урок? — размышляет Топорков. — Одну-две... Маши-

на — множество. Проверит к тому же знания всего класса. Поставит оценки. А какие возможности открывает она на стыках наук! Например, по программе «Акватор» можно считать экологическую устойчивость озера. Так математика открывает мир живой природы, бесконечно сложный, переменчивый...

— На первом занятии в «Диалоге» меня поразила стоимость компьютеров, — вдруг включилась в разговор свердловчанка Людмила Борисовна Игошева, тоже учительница физики.

— Но оборудовать кабинет вычислительной техники в каждой школе необходимо! — говорит преподаватель информатики 104-й свердловской школы Галина Степановна Смирнова.

Да, на первых уроках основ информатики ребята изучают теорию, но наступит момент, когда они должны будут вести диалог с машиной. Топорков, к примеру, собирает компенсировать отсутствие компьютеров в школе экскурсиями на завод, где установлено оборудование с числовым программным управлением.

— А нас с ребятами к местному заводу и близко не подпустят, — замечает кто-то из слушателей курсов. — В вычислительном центре идеальная чистота и подконтрольная влажность воздуха. Кому нужны там посторонние люди!..

И все-таки без контакта с техникой компьютерную малограмотность не ликвидируешь. Школе надо настойчивее стучаться в двери вычислительных центров. Уже сегодня ощущается нехватка наладчиков станков с числовым программным управлением, специалистов по робототехнике, программистов. Как их вывезти среди школьников, если им на пальцах показывать работу ЭВМ?

...Ну а мой разговор с компьютером все-таки чуть не состоялся. Я сносно запоминаю цифры, резко бегущие по экрану. Машина предлагает работать еще быстрее. Числа так и мелькают. Несколько раз отвечаю правильно, но большевики... Они подсказывают, отвлекают. И — хлоп, ошибаюсь. Машина тотчас замечает это и говорит: «Неверно».

Нет, не хочу так играть! Все-таки компьютер — машина персональная, и мне не нравится, что вокруг собираются болельщики. Подожду, когда микроЭВМ появится на моем рабочем столе. Вот тогда мы с ней поговорим. Тет-а-тет. С глазу на глаз. Я гуманитарий, могу и подождать. А те, кто быстро находит общий язык с техникой? Им ждать труднее...



# ...Надо хлеб

Олег ПОСКРЕБЫШЕВ

## ПОДНИМАЙСЯ, ТРАВА МОЛОДАЯ

Поднимайся, трава молодая,  
С половодьем вперегонки,  
Чтоб, на солнце счастливо блистая,  
Жизнь твою утверждали клинки.

Прорубайся сквозь мусор и ветошь,  
Каждый склон шелковьем обливай;  
Рвишь, дерись, торопись —  
дело к лету ж;  
Время самое дерзкое — май!

Выполняя свое назначение,  
Зацветай и цветенье осыпь,  
И шуми, и порою вечерней  
Утишай волхованье и зыбь.

Ничего, что являешь от века  
Ты забвенью и забытью,—  
Только б ехала жизни телега  
И крутились колеса ее.

## СОЛЬ

Хлеб, горой наваленный на стол,  
Вдруг тебе покажется бессол.  
Что там хлеб — порой сама любовь  
Для души бессола, как ломоть.  
И (как без дрожжей и соли)

пресной  
Иногда бывает даже песня.  
Как тут быть?  
Чем пресноту изжить?!  
Надо хлеб покруче посолить.  
А любовь, чтоб сделалась судьбой,  
Ты слезой соленую омой.  
И давным-давно уже известно:  
Только кровью сердца пишут песни.  
В ней, в крови, восторг...

упорство... боль...  
В ней железо есть, и есть в ней  
соль.

Если труд наш потом просолен —  
Плесенью не будет схвачен он;  
Злым днём соли сыпануть под хвост —  
Станут обегать за много верст.  
А в несчастье, в горести, в недоле  
Лучший друг — с которым съел  
пуд соли.

Что еще сказать?  
Одно скажу:  
Я солонку полную держу.

\*\*\*

Вновь утро зовет и торопит:  
Вбиваюсь в пространство,  
как гвоздь.

Все то, что мне нужно в дороге,  
В заплечный мешок улеглось.

Земля как на розовом блюде —  
В заре. Я ничем не томим.  
Вон ласточки быстрые вьются,  
Но что мне завидовать им!

Не ласточка землю познает —  
Познает ее коростель:  
Он — пеший, ему не мешает  
Мальчишеский свист скоростей.

\*\*\*

Все знают — забыл ее сын,  
Исчез и не держит в помине.  
Но нету у матери сил  
Сказать эту правду о сыне.

И, темные руки сложив,  
Она лишь вздыхает глубоко:  
— Должно, мой соколик не жив...  
Будь жив — разве эдак бы мог он!

А в думах полночных ее  
Иное стучится и ноет:  
«Мой грех: знать, родивши дите,  
Не вложила сердце в него я...»

*Заготовщику корья*

На берегу Чепцы  
Белёет ива телом.  
Огромные рубцы  
От топора —  
На белом.  
Скопленые мертвых ив.  
Как дико это, боже!  
С них —  
Даже не срубив —  
С живых  
Содрал ты кожу.  
Давай,  
Еще сдирай,  
Хлещи железом садким  
За рубль,  
За каравай,  
За сладкие достатки.  
Тяни с немых ремни.  
Они смолчат.  
Ни вскрика.  
Их столько тут, взгляни:  
Ты здесь всему владыка.  
Не майся.  
Не бледней.  
Твое с печатью право...  
Лишь песен петь не смей  
Про иву про кудряву.



# ПОКРУЧЕ ПОСОЛИТЬ

## «ДЕРЕВЕНЩИНА...»

Врежь этим словом —  
И замрут,  
Несправедливо укорочены.  
Оно же хлещет, словно кнут,  
Оно размашистой пощечины.  
Ай, как пошло гулять словцо!  
Ай, до чего глумливо брошено.  
Всем нашим деревням в лицо —  
С'их речками, лугами, пожнями!  
Скажите-ка,  
Да вы хоть раз  
Понять пытались деревенщину,  
Которая —  
Не в бровь, а в глаз —  
Так непотребно обесцещена?  
Вы вспомнили хоть в миг один,  
Умелой тешась оплеушиной,  
Чей хлебушек мы все едим  
И остальное чье пьем-кушаем?!  
Пока,  
Утрата всякий стыд,  
Вы прозвищами бьете близкое,  
Вон деревенщина лежит  
Под звездами,  
Под обелисками.  
Эх, миленькие, как же так  
Вы не подумали:  
А можно ли  
Глядеть на землю свысока,  
С ухмылками почти вельможными!  
Да в старину знал каждый пень,  
Любая помнила колодина,  
Что с деревянных деревень  
И начиналась наша Родина.

\*\*\*

Осеннее время.  
Люди шагают по улице.  
Одни,  
Как и положено,  
В демисезонных пальто  
и стеганых куртках;

Другие —  
Заторопились —  
Уже в толстых шубах;  
А третьи  
Все еще в легоньких плащиках,  
Под которые забирается  
Жесткий, как рашпиль, ветер.  
Осень жизни.  
Люди идут по дороге.

Одни  
Уже словно бы в зимних пальто  
Или непробиваемых шубах,  
Другие  
Держатся по сезону:  
Даже первый иней на их висках

Напоминает о том же —  
Об осени.  
А зтог  
Все еще в летнем плаще —  
С гитарой,  
Спрятанной под полою.

\*\*\*

Не бранена,  
Не порочена,  
Как кулема,  
Не ворочана.  
Чем, скажи, не красна ягода?  
Или не такую надо-то?!  
Нет, как раз такая искана —  
Чтоб не лапана,  
Не тискана,  
Как малина, не поклевана,  
С хохоточком не оплевана.  
В чистоте семья затеется —  
Ввысь и вглубь пойдет,

как деревце;

Зашумит листва на дереве —  
Приживется солнце в тереме.  
А для тех, кто думал иначе,  
Жизнь совсем другое вынянчит:  
Наготовит всяких зол она —  
Будет горько,  
Болько,  
Солоно.  
Это ж дело с сердцем связано,  
Сердцем все и будет сказано:  
Закричит оно от ревности,  
Разорвется от неверности.

\*\*\*

Часто ли в житейской суете,  
Вроде все беря себе на плечи,  
Молимся мы, люди, красоте,  
Часто ль ей слова восторга  
шепчем?!

Да, напротив, годы измолгов,  
Суесловим,  
С дегтем грязь мешаем,  
А светящихся,  
Горячих слов  
Из себя не вытнем клещами.  
Лишь порою  
Моментальный ток  
Вдруг пронзит нутро до сладкой  
боли:

Вот он, родничок, а вот —  
цветок...

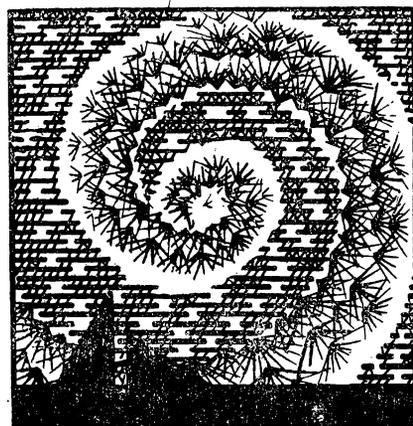
Женщина... береза... чисто поле...  
И неволью, что-то просипев,  
Ты почувешь как бы на распутье  
Приближенье к самому себе —  
К вечно не сбывающейся сути.

И пойдет, пойдет он вглубь и ввысь,  
Жаркий колоток сердцебиенья.  
...Разве много значила бы жизнь  
Без таких часов... минут...  
мгновений!

## ВЫСЕВАЛА КОНОПЛЮ

Высевала коноплю —  
Запевала: «Ай, лю-лю,  
Не пройдет неделюшка —  
Выйдет конопелюшка!»  
Зацвела конопля,  
И добрела вся земля:  
Даже пуще прежнего  
Конопелю нежила.  
Запевали на заре  
Коноплянки в конопле;  
Трепетали в пении  
Радостью весеннею.  
Все метелки шевеля,  
Созревала конопля.  
Я на дух приманчивый  
К ней с тропы сворачивал.  
Выйду, выйду — не стерплю —  
Жать с тобою коноплю:  
Вместе с нею в свяслице  
Все сложу, что на сердце.  
Только спой мне: «Ай, лю-лю,  
Коноплястого люблю!  
Ты мой самый бастенький,  
Парень конопастенький!»

Рисунки А. Лебедева





# ДЕНЬ первый

Владимир НЕЧВОЛОДА

Рисунки Е. Охотникова

Разбухла река. Поднялась на дрожжах апрельских снегов, перехлестнула через край осевших дамб, сдвинула домишки в котловине за ДОКом, иные снесла с фундамента и вытолкала на середину к медленно плывущим бревнам, сорванным калиткам, лодкам, шапкам мусора. Куда несет? У какого берега пристанет, частью чьего хозяйства обернется снятое половодьем добро?.. Монастырь равнодушно смотрит с крутояра на озабоченные толпы людей: «Выбрали место, где поселиться! Чего лезть в низины, на заливные косы? На правом берегу до сосновых боров свободна земля...»

Речной порт деловито шумит машинами. Его пора.

В затоне судоремонтного завода суда большей частью еще в ржавых оскоблках, пузырях невнятных цветов. Один лишь белоплечий «ОТ» у самого входа отлажен и параден. Водометы, колесные парходы, туплеобразные буксиры звякают, скрежещут, ухают. И от палубы к палубе, от мелкого катерка до широкогрудой морской само-

ходки кружит пронзительный, быстрый запах корабельной краски.

В ряду других колесных улит — «Командор». Нос его обезобразили стальной квадратной напленкой, превратив в толкач, чтобы можно было вплотную прижаться к барже, стянуться с ней натуго вожжами тросов и двигать груженую против течения. А баржи — вон они на рейде. Якорями уцепились за дно реки и покачиваются на плаву, серебристые, гладкие; только отводные трубы танков позевывают да сутулятся ручные лебедки.

Алеша перебрался по трапу на грязный парход.

«Когда же его мыть и красить начнут? Никого на палубе не видно. Через неделю же навигация. Работнички!»

Алеша подтянул повыше брюки-дудочки, чтобы не задеть ржавчиной, попереступал по жеревьям через неприглядные железяки, обрезки, бухты, ведра, сунулся по правому борту в каюту капитана. Закрыто.

— Чаво пада? — хриловато акнули сбоку.

Из проема матросских кубриков поднималась голова в облезлой серой шапке.

— Капитана.

— Нету яво. Я тута.

Мужичок осторожно вынул направление из Алешкиной ладошки.

— Фамилия твоя тяжелая. Да?

Алексей потянулся за листком:

— Дай.

— Зачем? — удивился тот. — Мне велено брать. Пойдем, каюту покажу. Переберешься, как машину запустят... Вот твоя каюта. На пару с Пономаревым будете. Он из ГПТУ — на практике. Сядет в Тобольске. Пойдем, дам робу и кисть.

— Зачем? — ошеломился Алешка.

— А трубу красить.

Алешка рывком откинул со лба прядь белесых волос и пояснил в спину, видневшуюся уже из дальней каюты:

— Я рулевой, а не маляр!

— Ага, — пробухало в каюте. — Заходи. Везет тебе: первый. Выбирай одежду и ботинки. И простыни с одеялами возьми. Диме тожа. Краска у

*Рулевой теплохода «Капитан» Владимир Нечволода провел первую баржу с тюменской нефтью из Нефтеюганска на Омский нефтеперерабатывающий завод.*

*Поэт Владимир Нечволода написал об этом стихи:*

*Мы нефтью пропахли от пят до волос,  
Мы черными, рыжими стали насквозь.  
Зато, как опара на пенных дрожжах,  
Качается жидкое солнце в баржах.*

Было это двадцать с лишним лет назад. С тех пор Володя Нечволода поработал на заводе и в редакции, окончил Литературный институт имени А. М. Горького, выпустил несколько сборников стихов — «Наследство», «Под северным солнцем», «На земле моей» и другие, — стал членом Союза писателей СССР. Совсем немало успел он за свои неполные сорок лет. Мы любили его — за дружеское, за легкий характер, за постоянную готовность помочь товарищам.

Однажды Володя пришел ко мне какой-то непривычно сдержанный.

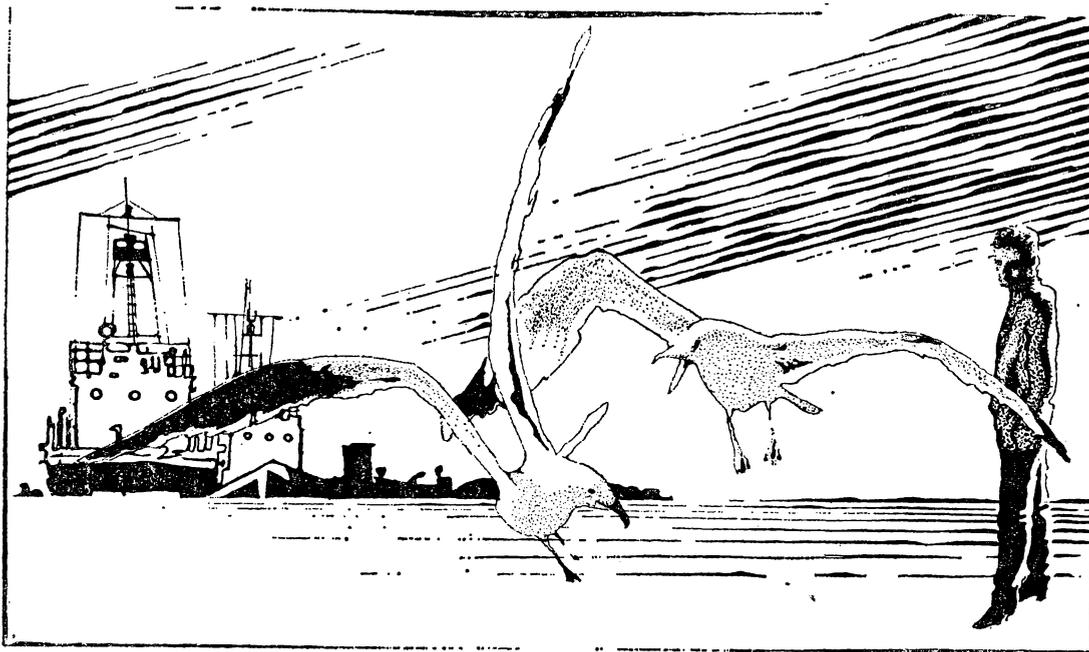
— Вот прозу попробовал написать, — смущенно сказал он, протягивая не очень увесистую рукопись. — прочитай, пожалуйста. Как считаешь, если толкнуться в «Уральский следопыт»?..

Рукопись читалась с интересом. Поэт вернулся в свою молодость, к тем ребятам, вместе с которыми готовился к нефтяной навигации по Оби и Иртышу. Были и замечания, даже существенные, но чувствовалась именно проза поэта — образная, с заметной лирической окраской.

Володя очень серьезно готовился к своему прозаическому дебюту — снова и снова возвращался к рукописи, правя отдельные строчки, внося и исключая эпизоды. И все говорил: «Скоро пошло в «Уральский следопыт».

Увы, не успел. Это довелось сделать после него нам, его товарищам.

Е. АНАНЬЕВ, ответственный секретарь  
Тюменской писательской организации



меня в форпике. Туда придешь, как оденешься. Курить есть? — застеснялся вдруг небритый.

— Есть, — Алексей снисходительно протянул «Нашу марку». — Ну, ты и распорядишься! Не влетит от кэпа? Я — ру-ле-вой.

— Ага, — мужичок довольно дунул в мундштук папироски. — А я старпом. Корпиков. Можешь величать Ляксандром Ионычем.

Каюта рулевых маленькая. По обе стороны дверей — два рундучка, две койки, столик. Если встать на него и высунуться в иллюминатор, увидишь сверху предохранительную деревянную решетку, а справа — недвижные широкие металлические плиты колеса.

Алешка плюнул в мутную воду, втянулся в каюту, задрал иллюминатор. Переоделся. Ботинки толстой свиной кожи придется разминать не один день. А тельняшку дадут?

— Старпом, — высунулся он в коридор, где возился с матерчатыми тюками Корпиков, перетаскивая их в красный уголок. — А тельняшку дадут?

— Какую такую? — обернулся тот. — А... В плавлавке купишь.

«Что за плавлавка? Ладно, потом».

За переборками звякало. Значит, кто-то еще есть на пароходе. И точно: из машинного отделения вылетел черный берет, за ним выскочил тоненький чумазый парнишка. Присел, прикрыл беретиком макушку, склонил по-цыплячьи голо-

ву, зачем-то провел пальцем по Лешиному ботинку.

— Не жмут?

— Нет, — растерялся Алеша.

— Коля, — вставая, протянул чумазик руку. — Заместитель механика по тяжелым маслам.

Голос звенящий, струнный.

— Нико-олай, — прогудели внизу. — Инструмент слева за дверью.

— Несу-у, — пропел заместитель механика и поманил Алешку к себе.

— Давно на флоте? — шепотом спросил.

— Первый год, — тоже шепотом ответил Алеша. — А что?

— Понимаешь, старпом на меня злой, а тебе не откажет. Попроси левый кнехт сдвинуть на двести девяносто дециметров, скажи — механик велел: центровка нарушена, машину никак не запустим. Мне одному не под силу. Она плет.

— Александр Ионыч! — послушно повернулся Алексей в дверной проем, где завиднелась серая шапка. — Механик просил левый кнехт осадить... Ах ты! — кинулся он за юркнувшим вниз маслепчиком.

— Га-га, гы-гы, хо-хо-хо, — зазвенело, загыкало внизу от хохота.

«Ну погоди, Коля!»

Алешка сам развеселился от немудреной «купели», но, увидев ленивую ухмылку старпома, покраснел. Уже молча взял у него ведро с белыми, кисть и полез на мостик. Дернул дверь рубки. Заперто.

Красить трубу он начал с береговой стороны, чтобы работа виделась издали. Не очень удобно держаться одной рукой за стремянку, другой ровно вытягивать белые полосы вдоль трубы. Робкое апрельское солнце к полудню раскалилось, и роба плотно держала тепло горячего тела. Даже душно стало. Алеша поглядывал на соседние парходы, где тоже завозились с покраской, на необлачное тугое небо. Ни одной чайки. Только вороны шебутились над старыми тополями близ кирпичных заводских цехов. Оттуда к берегу прямым курсом на «Командор» правила черед парпей. Пять... нет, шесть человек. Алексей перетащился на другую сторону мостика, поглядывая на подхихивших и изредка на старпома. Тот сидел враскоряк на бухте с куском каната в руках. Пятки струганых палок, похожих на черенки для лопат, аккуратно лежали у правой ноги.

Первые — в промасленных спецовках — быстро поднялись на парход, кивнули Корпикову и исчезли. Видно, машинная команда. Трое потоптались на гальке, потом длиннорукий обветренный нахальнее. А последний, в длиннополом плаще, такой же рослый, только крепче сбитый и лицом нахальнее. А последний, в длиннополом плаще, выпростав руки из карманов, отошел как для разбега, ухнул, надвинул до веснушчатых круглых щек мятую серую шляпу и по шаткой лесенке сходней добежал до борта. Спрыгнул на палубу, сел на кнехт и победно сдвинул шляпу: «Вот вам!»

Конечно же, это Корытов. Ох и надоел он Алексею! На курсах рядом все старался есть, ухитряясь спать с вытаращенными прямо на преподавателя глазами, после занятий семенял сбоку, в столовой норовил лишним за столом. И на «Командор» выпросился следом за Алексеем. Появился он на четвертый или пятый день занятий: в середине урока по логии вдруг скрипнула класная дверь, на пороге вырос похожий на гнома парень в сатиновых пузырчатых брюках. Нос круглый, щеки круглые, глазки изумленные, губы крендельком. Сунулся на шагок в класс и выдохнул потрясенно, будто никогда не видел столько взрослых за партами:

— Ба-а!..

И почему-то надел корявую шляпу, которую держал в руках.

Вот он здесь. Нахальный парень крутанул корытовскую шляпу, легонько прихлопнул ее. Потопал каблучком о палубу, послушал звук. Сел рядом со старпомом и игриво толкнул его плечом, как бычок на лужайке:

— Филоним? Где шеф?

— Ты кто? — оторвался / Корпиков от разобранного на пряди каната и пожевал губами.

— Матрос Соломатин и матрос Пархомович. А это — Корытов — никто. Аромашевский скотник-самоучка.

Старпом долго простоудушно глядел в черные бусинки глаз «самоучки».

Они друг другу не понравились.

— Команда? — Корпиков вздохнул, отложил работу, сдвинул шапку на лоб. — Капитан велел вам палубу убрать.

— Всю? — усомнился Соломатин.

— Всю-всю, — успокоил его Корпиков. — Потом переборки вымыть. Да красить зачем. Как вон...

Алешка спрятался за трубу.

Соломатин поскоблил взглядом мостик, потом Корпикова.

— Кра-асить... А ты?

— А я помогу, если что...

— Сторожишь? Правильно. А переодеться не во что? Или домой сбегать?

— В красном уголке робы. Меряйте.

Рябтя гуськом перешли к левому борту. Соломатин помял пальцами плечо Корытова:

— Тебе бы, Гена, такую работу — сторожить. А ты в рулевые подался. Угроишь нас на повороте.

Алешка слез со стремянки и на цыпочках перешел к краю мостика — послушать.

— Ну, какой ты рулевой? Рулевой должен быть находчив, силен, здоров. Возьми меня!

Алеша бежал веселым взглядом корабельные надстройки, над которыми уже парадно белела наполовину выкрашенная труба. Рубку кто-то привел в порядок раньше. Правда, вот здесь, у окна, надо мазнуть кистью по огрехам. А с верхней, дублерной, придется повозиться: стремянка не достанет. Алексей оглядел высокую, похожую на голубятню, надстройку. «Пожалуй, можно приспособиться. Сбоку достану со штормтрапа, а впереди... впереди...»

Ветер шевельнул приоткрытую дверь рубки.

«Как приоткрытую? Я же дергал ручку — запрто было... Да это же вторая — с другой стороны...»

Он оглянулся и юркнул внутрь. Здесь тоже все сияло. Аккуратно заткнутые за перекладину сигнальные флажки (его дело, рулевого), тоненько струилась сверху у смотрового стекла проволока от сирены, блестела свежей покраской тумба с рукоятками команд (полный вперед, полный назад...).

Давным-давно еще мальшом он путешествовал на парходе. В снах иногда всплывала огромная сеть, натянутая между берегом и черным бортом

судна. Блестящие перила в извилистых коридорах, торжественная тишина ресторана, офицерский ремень (с помощью его и отцовского бинокля Алешка пытался из иллюминатора дотянуться до воды. Бинокль, наверно, откусили акулы, объяснял он папе потом)...

А более всего — легкое дуновение торжественной тревожной неизведанности. Оно жило в душе с той поры, прячась глубоко-глубоко, и лишь иногда вдруг поднималось, заполняло его всего. Газетное сообщение о нападении на Кубу, целинная медаль соседского студента, путаный свет хрустальной друзы в геологическом музее — нечаянно могли взбудоражить, наполнить смутной тягой дороги.

Таким же свойством обладало слово «нефть». Оно встало рядом со словом «рулевой» в объявлении о приеме на ускоренные курсы при судоремонтном заводе. И Алексей, отчисленный из института, бездумно читавший подряд все рекламы, решил...

— Слушай, кореш, — Соломатин в незаправленной черной суконке походил на чугунную тумбу, которая как-то сразу пришлась к судну, представляй ее туда-сюда — везде к месту. Рыжий чубчик широкой полоской венчал скуластое лицо. — Мы на носу приборку сделали. Пока все в угол свалили. Можно снести на берег. Палубу помыть бы.

— Уже? Ща-ас. — Корпиков затянул какую-то прядь, перекинул размочаленный кусок каната подобием хвоста и опять перетянул жгутом вокруг палки. — Держи швабру.

Тот мотнул головой:

— Не... Сереже Пархомовичу отдай. А я сам попробую. Брат у меня моряк. Учил делать. Как матери дома нет, так заставит швабрить избу раз пять. А потом покупай краску для ремонта. Где ее в деревне пайдешь? Первый силач в Боровлянке...

Алексею оставалось докрасить небольшое рыжее пятно. А завтра, пожалуй, можно будет пройти на второй раз. Хотя краска ложится густо и выглядит неплохо. Мостик же, некогда голубой, смотрелся замарашкой. «Его тоже сегодня успею заголубить», — решил рулевой. Легкая усталость давала понимание своей силы, едва тронутый в мышцах. Ее постепенное пробуждение наполняло радостью. Алеша отвязал от стремянки ведро и поставил на палубу. Сладко присел несколько раз. Причмокивая, как после приятного материнского пирожка со щавелем, обошел мостик.

«Тельник бы еще!.. Наказали: пусть, говорят, послужит — от высокомерия и джазовой дури из-

бавится, а потом ждем в институте. Заносчив, — сказали на комитете комсомола. — Невыдержан... А ему еще год до службы. Школу-то закончил в семнадцать... Преподавателя, видишь ли, оскорбил... Подлюка он... Могли исключить из комсомола...»

Только теперь Алексей понял: да, могли. У него задрожали руки. Потряс головой. Посмотрел на свое изображение в стекле: чуть курносое лицо, белый вихорок на затылке, кривая улыбка... «Мореход!»

Придумал: пойду доложу.

С кормы доносился неугомонный басок Соломатина:

— Спорим: я быстрее тебя швабру сделаю! Я — моторный. Вот ты надел облезлую шапку. У нас в Боровлянке такие на огородные пугала вешают. Надел и сидишь. Хочешь — я у тебя под носом чего-нибудь сопру, а ты не заметишь? Можно весь пароход разобрать и собрать, скажем, по частям на нашем озере. Вот смеху будет!.. Покажешь мне капитана или старпома. Чтобы я их оценил. Я, знаешь, с первого взгляда людей уважаю. Видишь, какие мускулы у меня? Брат культуризму учил. А капитана мне надо оценить, чтобы первым быть. И чтобы он меня понял. У меня кредо. Десятилетку закончил — мир посмотреть. Год на пароходе, год в геологах, год рыбаком, год в пустыне, год на Кавказе... Десять лет — десять профессий. Сила есть — везде сгожусь. На комбайне знаешь сколь трудодней заколачивал?! На машине тоже могу, только права милиция не даст. Я у них «газик» увел и девчонок всю ночь катал. Потом помыл, бензином заправил и у другой околицы поставил. Догадываются, а докажи! Подружки молчат. Меня на мякине не проведешь... Ты вот, поди, первый год в городе, — опять ворохнул он Корпикова. — Говоришь смешно. Не как у нас в Боровлянке. Там все — «чо да ничо, да почо ты про чо». А ты — «сясть да памать»... Тоже капитана ждешь?

— Тожа, — согласился Корпиков.

— У нас матросить хочешь? Я бы тебя не вzial.

— Почему? — удивился Корпиков.

— Разгон не тот, — туманно пояснил Соломатин. — А капитан молодой?

— А то...

— И старпом?

— А как я, — разулыбался Ионыч.

— Ты! Губа не дура!

Соломатин принялся за новую швабру. Полу-чалось у него ловко.

— Старпом — кто? Как у нас завфермой. Все

у него к рукам должно прилипать, всякое дело на учете, все сыты, обуты и при трудоднях. Что-бы хитрый еще был. Хитрее меня. Чтобы я его после второго слова разгадывал, а он меня после первого. Я почему еще сегодня в матросы пошел? Первыми на нефть идем. Хочу посмотреть, какого цвета у людей слава. Может, на севере и останусь... А что? Я могу. Кредо у меня. А ты чо молчишь, Пархомович?

Сергей покраснел и еще больше ссутулился.

— Мне бы вечерку нынче закончить, сестренку из интерната забрать. А можно ее с собой на пароходе?

— Большая?

— Седьмой год. Как она там лето без меня будет?

— А родители?

Сергей отвернулся.

— Товарищ старпом! — раскатился с высоты Алешка. — Принимайте работу!

— Сейчас приду, — очень серьезно ответил Корпиков безо всякого акания и покосился на матросов. — Отдохнуть хочешь?

— Никак нет, — отчеканил Алексей. — Лсера бы обновить и мостик.

Соломатина так и развернуло вслед уходящему Корпикову, губы вытянулись, из них колыхнулось неразборчивое:

— Тю-ю... а... о... ы...

Поднялись на палубу, и молчаливой веровочкой потянулись на выход машинисты. Колёк семенил в середке с безразличной физиономией и даже чуть отвернулся, проходя мимо. Лысоватый пожилой механик медленно кивнул им, и Сашка взлетевшей рукой отдал честь.

...Толя Шаликов — второй штурман. Толя Шаликов — гибкий стан танцора, карие глаза с поволокой и насмешливый тон вожатого над мальцами. После обеда, помахивая тонким серым плащом, он легко взбежал по круто вскинутым сходням, перекинул плащ из правой руки в левую, здороваясь с Корпиковым, закурил «беломорину» и кивнул на копошившихся на корме ребят:

— Салаги?

— Салаги, — усмехнулся старпом. — С гонором.

Толя попыхал папироской и фальцетом поздравил Корытова:

— Второй штурман Анатолий Спиридонович, — представился он. — Доложите, чем занимаетесь.

— Чо? — Гена сдвинул губы гузкой и сосредото-

ченно посмотрел на Шаликова. Голова при этом упала у него на плечо. — Чо сделать?

— Доложите.

— У-у, — сообразил Гена. — Моем корабль. Грязь всякую выкидываем. А ты чо пришел?

— Я-то? — растерялся Анатолий. — У тебя уши заложило? Вторым штурманом здесь.

— Ну? — удивился Корытов, сдвинул шляпу, почесал лоб. — Да-а.

— Ладно, продолжайте приборку, — сплсхидительно кивнул Шаликов и повернулся к другу: — Кадры, ядрена вошь! Все здесь?

— Нет третьего. Николай Петрович обещал подобрать сегодня.

— Теннис кушил?

— Купил. И шариков полсотни штук.

— Порежемся! — мечтательно отставил ногу штурман. — Люблю теннис.

— Я и шахматы взял, — буркнул Ионыч. — По мне так куда интереснее.

— Сыграем, сыграем, — отстраненно пробормотал штурман. — Пойду в рубку, целый отпуск там не бывал.

— Не прилипни.

— Красят? — заинтересовался Шаликов. — Кто?

— Паренек. Чуть странный. Старается. Но что-то в нем... — старпом повертел открытой ладонью. — Увидишь.

Анатолий медленно обошел судно, встал в проходе на мостик, наблюдая за Алешкой. Тот как раз закончил красить верхнюю рубку и что-то прикидывал про себя, оглядывая пароход. Ведро с белилами он держал в левой руке, стоял уже на лестнице в пол-оборота к Шаликову, и что-то знакомое почудилось тому в белобрысой голове, в неровном овале похудевшего лица, в том, как он рывком забрасывал назад жгутики волос. Особенно знаком вихор.

«Да, это он. Вместе сдавали экзамены в индустриальный год назад. Я не набрал полбалла, а этот прошел. Самоуверенный, всегда с запасом анекдотов, которые, чего уж кривить душой, рассказывал мастерски, этот паренек всегда был окружен стайкой мальчишек и девчонок».

Анатолий, старше абитуриентов на пяток лет, держался в сторонке. Да и за плечами у него стояли армия, флот, а эти школьники... Конечно, их знания были свежие... Каникулы у него, что ли? Рано...

Анатолий подавил в себе горечь. Ладно. Сочтемся.

— Привет, студент! — почти весело крикнул он.

Алена резко обернулся. Улыбка криво поползла по лицу.



— Привет,— тихо ответил он.

Совсем не хотелось, чтобы в команде знали о его студенчестве.

— Привет,— повторил уже тверже, разглядывая Шаликова.— Что ждете, сударь? Есть пара приличных кистей и отменные белила.— Он вошел в старую роль заводилы и шутника.

— Сочтемся,— насмешливо ответил Шаликов, одним махом взлетая на мостик.— Хорошо красишь, студент.

— Между прочим, Алексей Владимирович,— Алешка спрыгнул на палубу.— Рулевой.

— Анатолий,— вдруг протянул тот руку.— А что с вузом?

Алексей вздохнул.

Помолчали. Закурили.

— А я тебя запомнил,— глаза штурмана мечтательно смотрели на дальний берег Туры.— Там две девчонки были с тобой. Одна такая губастенькая, беленькая...

Зинка. Это она растерялась на экзамене, и молодой высокомерный преподаватель, сидевший сбоку стола, снисходительно тронул пальчиком ее подбородок:

— Что же вы молчите, как девушка перед абортom?

Алешка тогда рванулся вперед. Драчун из него не очень. Но от пощечины у прощелыги в модном японском костюме очки полетели, а сам он медленно поднялся:

— Вы... Вы... Вон!..

— Курсы при заводе кончал?

— Угу.

— Экстерном,— догадался Шаликов.— Хорошо вам — лоцию сдавать не надо. А нас каждый яр, перекал, береговые знаки спрашивают.

Алексей удивился. Запомнить весь фарватер от Тюмени по Туре, Тоболу, Иртышу, Оби до Усть-Балыка, Мегиона, Шаима, а затем и до Омска, со всеми мелочами, конфигурацией берегов, капризами донных ползущих участков, расположением бакенов, створных знаков, семафоров! И не просто запомнить, а знать их точную последовательность. Вот такие требования к штурманам! Рулевые же сдавали зачет по лоции с использованием карты. Никому в голову не приходило делать это вслепую.

— Таков закон,— штурман пружинисто прошелся по мостику. Весело огляделся.— Скоро, скоро...

— В рейс?

— Ходит слух — нам заглавную баржу с нефтью дадут. Тут всякий капитан хотел бы первым быть. Только ведь Бажин один. И «Командор» один. И команда потому должна быть единой и единственной. Понял, салажонок?

Шаликов улыбался.

— Ладно уж, морской волк, задрал хвост. Не только анекдоты знаем.

Шаликов задумался.

— А давай я тебе в помощь машинистов попрошу. Не их дело, но для знакомства полезно.

— Гвóздика? — ужаснулся Алешка.— Кольку? Нет, уж лучше Корытова.

— Купил? — Шаликов догадался, о ком идет речь.

Алешка передернул плечом.

— Ну, друг, удивляешь ты меня! — Шаликов повел волоокиим взглядом и еще больше разублаблся. — Он же традицию блюдет — салаг разыгрывает. А если бы ты на море попал? Там жестоко покупают. Вспомню — мурашки по коже. А Коля... он хоть и масленщик и вторую навигацию с нами, а всем вроде младшего братишки.

— Да я и не обиделся, — Алексей поднял голову. — Сам розыгрыши люблю. Только с ним устанешь.

— Он... — Шаликов замолчал, задумчиво глядя на рулевого, нерешительность мелькнула в его глазах, будто он разглядел что-то в Алешке и не решается сказать ему об этом. Ладонью хлопнул по спине: — В общем — сам разберешься. А Корытов твой... ну, друг?

— Почему мой? Он теперь твой.

— Я его мозги двойным морским свяжу, — пообещал штурман. — И солью посыплю, чтобы не протухали. Салажата! — перегнулся он через поручни. — Продраить палубу на два раза от форрика до ахтеррика и обратно. Сам капитан Николай Петрович Бажин через час будет на борту. Машины, — вынув пробку из переговорного устройства, прокричал Шаликов. — Афанасьич? Шаликов говорит. Привет. Как у вас дела? Затянули? Уже запускаете? Пришли своих чертят — с рулевым познакомлю.

И тотчас пароход дрогнул, в глубине его застучала, заухала, запыхтела, запела машина. Ожил «Командор». Задышал размеренно, глубоко. И нет уже просто железной коробки с громким названием. Каждое звено, надстройка, переборка наполнились живым дыханием. Пароход слегка подрагивал, будто кровь, застоявшись, толчками расходилась по нему, наполняя каждую клеточку ясной силой движения. И от того, что это произошло сейчас, при нем, Алеша чувствовал себя частью «Командора» и через ступни ног ощущал, как в него переливается, заполняет всею гудящая энергия работы.

«Чертята» пришли втроем. Но сначала появился Корытов. Сосредоточенно постоял рядом с рулевым, который добавил сини в белила и теперь размешивал их палкой. Присел на корточки, потом прилег и долго, не мигая, смотрел на тяжелые голубоватые круги, плывущие в ведре. Вдохнул.

— Эт-та, Леш, дорогу надо оставить.

— Чего? — буркнул Алешка, потом удивился: — Какую еще дорогу? Приснилось что-нибудь?

— Можно из досок, — деловито пояснил Корытов. — Эт-та, значит, воздушный переход будет

называться. А можно проезже-пешеходную размером в одного человека.

Когда Геннадий был рядом, Алеша не мог разделаться с ощущением неправдоподобности этого человека. Все на нем висело мешком. Делал он что-либо не спеша или суетился торопясь — по времени все равно выходило одинаково. Алеша даже по часам засекал, когда Гена отвечал преподавателю торопливо, со знанием дела или «тянул резину», «плавал» у доски. Двойку он получал или пятерку — разница в длительности ответов была плюс-минус полминуты. Несмотря на его разухабистый вид, постоянно заспанное лицо, оттопыренные уши, про которые говорили, что на них полотенца можно вешать, жила в Генке хитрая внутренняя размеренность. И Алешка никак не мог ее понять. Нелепая идея пришла ему в голову: «Какой же он в бане?»

— Гена, попариться хочешь?

— Пойдем, — оживился Корытов. — Люблю парок. Давай я тебя внизу подожду.

— Зачем? Вот тебе кисть. Сначала мостик выкрасим. Потом капитан придет. Потом ужин. Потом баня. Еще раз ужин. Все.

— Два раза ужин? — Гена успокоился. — Давай. У нас в Аромашево можно и ночью есть. Вот живот у меня заиграет, полезу в подпол, кус сала достану, луку, квасу. Мамка дрыхнет, а я лопаю и книжку читаю. Хорошо, когда про шпионов — больше съешь.

— Ну, начнем? — Алеша подал Корытову кисть. — Красить крест-накрест. Полос не будет. Краска сохнет быстро.

— Все равно дорогу надо. Затопчут, если по свежему пройдут.

А через полчаса появились машинисты. Алексей только на минуту разогнулся, чтобы запомнить, кого как зовут. Высокий — Вадим (Вадик — идет ему больше, решил про себя Алексей), здоровяк в тельняшке и черном берете — Слава (кажется, нап, ишимский: где-то он его видел) и, конечно, — Колёк. Тоже в беретке, тоже в тельняшке, худенький и остроносый. Они прислонились к поручням и снисходительно наблюдали за рулевыми. Гвоздик даже губы поджал, только ноги его, не слушая, приплясывали.

Корытов бросил кисть в банку с водой, крутнулся на месте, поджал под себя по-казахски ноги и медленно вытянул из кармана коробку «Герцоговины Флор». Постучал мундштуком о крышку, озабоченно закурил.

— Левый, который длинней, будет красить с того конца, — указал он папиросой. — Крест-накрест, чтобы полос не было. Ты, — черные бусинки уперлись в Славу. — Воц у той лампы — проектор называется.

Корытов помедлил, затянулся, выпустил свое колечко дыма, ловко поймал его шляпой и продолжил:

— А ребетенек, значит, на подхвате. Такие пироги.

В воздухе тоненько забренчал его смех.

Машинисты молча достали «Джебл». Колёк не курил. Он зажмурился, приоткрыл один глаз и на цыпочках обошел рубку. Потом с недоумением развел руками:

— Нету.

— Чего нету? — заинтересовался Гена.

— Ребенка твоего нету, — сокрушался Гвоздик. — Смылся, пока ты рот разевал. Он какой? Черный, рыжий? И тоже в шляпе?

Алена подошел к ребятам, выудил сигарету из протянутой пачки, стряхнул табак в консервную банку, что держал Вадик. Повернулся к Славе:

— В Ишиме сейчас яблони цветут...

— Нет еще, — Слава мотнул головой. — Через пару недель. Где жил?

— На Маркса.

— Я у Серебрянки.

— Давно на пароходе?

— Третий год. Уже в помощниках хожу.

А они, — он подбородком указал на друзей, — масленщики. Я, понимаешь, земля, назад было собрался, на Ишимаш. А тут нефть пошла. Не везет мне.

— Ну, предположим, нефть не пошла, — тenorком взвился Вадик. — Она пойдет, когда мы первую баржу зальем и отбуксируем на Омский нефтеперерабатывающий.

— А почему — не везет? — Алешка вопросительно сдвинул густые темные брови, которые жили, казалось, отдельно от его белобрысой головы. «Такой уродился, бровастенький», — говорила мама. Сдвинул брови и выжидающе замолчал.

Слава крикнул.

— Понимаю, земля. Хочешь сказать — рундучок на плечо и айда на берег. А спросят меня приятели: какая она, нефть, и где ты, Станислав, шастал, что по усам текло, а в рот не попало? У меня дядя секретари райкомов, кореш в газете корреспондентом. Пока не поручаюсь с самим Урусовым, домой дороги нет. Семен Урусов у нас в Ишиме воду искал, его бригада в полукилометре от завода стояла. А интереса у меня к буровому делу не было. Фрезеровщик Петуня к ним ушел. Может, вместе нефть и открыли. А что? Мы — ишимские.

— Во дает! — Вадик жирафом выгнулся над другом и принялся собирать и сдувать с берета мусоринки. — Эта на темечко не давит? А эта? Трансцендентальный эмпириокритицизм, гума-

низм с анасигоровыми науменами и пифагоровыми финонинами... Все!

Скрестил на груди руки.

— Будет жить. От Славы слава не уйдет!

— Да иди ты, — отмахнулся Станислав. — Покурим?

— Некогда. Капитана ждем.

— Ну, бывайте, — дружно приподнялись береты. — У вас — палуба, у нас — машина. Но если что — зови!

Гвоздик тоже вежливо кивнул: поможем, мол. Рулевые двинулись вслед за ними: капитан уже поднимался по трапу. Все-таки прозевали они его появление.

— Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте, — он пожал руки «салажатам», быстро окидывая взглядом каждого и чуть шевеля губами, словно повторяя произнесенное имя.

Было капитану никак не больше тридцати лет. Белокурый, сероглазый, с мягкими чертами слегка курносого лица, полными улыбчивыми губами — ну, никак не походил он на созданный Алешкиным воображением суровый образ прославленного орденосца. Голос глуховатый, угаривающий.

— Александр Ионович, что с «Командором»?

— А ничо — кра-асям.

Капитан покосился на «салажат», хохотнул: — Команда все еще на карантине?

— Уже нет, пообвыкли за полдня.

— Тогда почему «кра-асям»? — передразнил Бажин. — Ну, ну... «Командор» приведем в порядок на марше. И будет у нас на это всего неделя. Завтра в семь ноль-ноль — большой сбор. В семь тридцать — заправка. С двенадцати до пятнадцати личное время для прощанья с Тюменью. В шестнадцать ноль-ноль уходим. Кто из команды отсутствует?

— Нет третьего штурмана, — старпом мял пальцами снятую с головы шапку. — Без Паши в этот раз поедет, Николай Петрович?

Лицо Бажина съежилось.

— Был у него вчера. Согласился на операцию. Но ты же знаешь, Саша, — рак... Новый третий нагонит нас в Хантах.

— Нет еще радиста и кока.

— Радист придет утром. А кока ты опять проглядел, старпом!

И капитан, и Шаликов засмеялись.

— Не расплатиться тебе за рейс. Давно на борту Максимовна.

Анатолий положил руку на плечо растерянного старпона.

— Ну, друг, как же ты так? С нижней командой прошла. В робе.

Алешка переглянулся с Соломатиным — они

ничего не понимали. Они тоже кока, вернее, коксу не видели. Завершался какой-то веселый спор. И, видно, не в пользу Корпикова.

— Товарищ капитан,— Алешка вытянулся в струнку.— Разрешите почевать на «Командоре».

Капитан задумчиво оглядел ребят, заложил руки за спину, вспоминая свое, давнее, без улыбки сказал:

— Приказываю почевать на «Командоре».

И к штурманам:

— Александр Ионович, организуй им потом душ. А ты, замполит,— Шаликову,— зайди ко мне с Колей Кольцовым и вот Алексея прихватите. И еще: через сорок минут пойдем к пристани.

Каюта Бажина, со спальней, огромным письменным столом, глубокими креслами по обе стороны, пришлась по душе рулевому. Только вещи он разместил бы немного иначе: стопку бумаги нужно положить слева; вот сюда — карту, и не только Иртышского и Обского бассейнов — атлас всех морей-океанов. Рядом на цветном штативе с подставкой (их из плексигласа выпиливают, мелкой наждачкой и сукном полируют) — встанет колба с юганской нефтью.

Алексей сделал молниеносную корректировку обстановки, расставил среди мебели вошедших, привычно глянул на себя со стороны (а неплохо он тут вписывается в тяжелом узорчатом халате бордово-коричневых тонов, с длинной трубкой в углу рта), взял на заметку нервозность команды. (Вы, чиф, как понимаю, для контраста деревенского увальня взяли? Я полагаюсь на вас, чиф, ценю ваше умение такие корыта в ялики превращать).

— Да, кэп... есть, кэп...

— Новички первичают, Анатолий Спиридонович, будто их с насиженных мест половодьем сорвало. Будьте их лоцманом. Молодые мужчины ждут от первой навигации самоутверждения. Нужно укрепить их надежды, наполнить паруса свежим ветром выучки. Нефть — это почище индийской корицы и африканских слоновых бивней. Черное золото принесет нам удачу. И — да семь футов нам под килем!

(Ах, да — еще масленщик. Его следует вздернуть на рее за хамство и наградить отпуском за остроумие. Крепкие молодые зубы пригодятся нашей посудине. Такие укусы омолаживают кровь... В путь! Старику Бажину непременно дайте радиограмму. Пусть потешится старый морской волк известием о полученном приказе. Порадуется. Его юнги стали капитанами. Скрывать не будем...)

— Скрывать не буду,— дошел до рулевого

глуховатый капитанский голос.— Приказ сегодня получил. Мы будем первыми. Из Шаима нефть возьмет тапкер 351, Костя Третьяков его ведет. В Усть-Балыке — мы. В Омск пойдем вместе. Транспарант, товарищи, нужен. Яркий. Громкий.

— Есть! — выдохнул Алексей.

— Ну-ну, какой? Я тут кумекал... Может — «Сибирскую нефть — Родине!» или «Да здравствуют советские геологи!».

— Нет,— торжественно покачался на пятках Алеша.— Надо: «Даешь тюменскую нефть!»

— А что, Николай Петрович,— поддержал его Шаликов.— Здорово! Мостик от революции к нам. Бажин задумался.

— Очень уж просто... Там будут корреспонденты, начальство...

— Самое то! — усмехнулся старпом.— А на чем писать? Кумача нет.

— Сурик есть. Простыни дашь.

— Простыни? Не... не дам.

— Дашь. Пять штук. На случай брака. Они же не художники.

«Они» — это значит Алексей и Коля.

— Не дам.

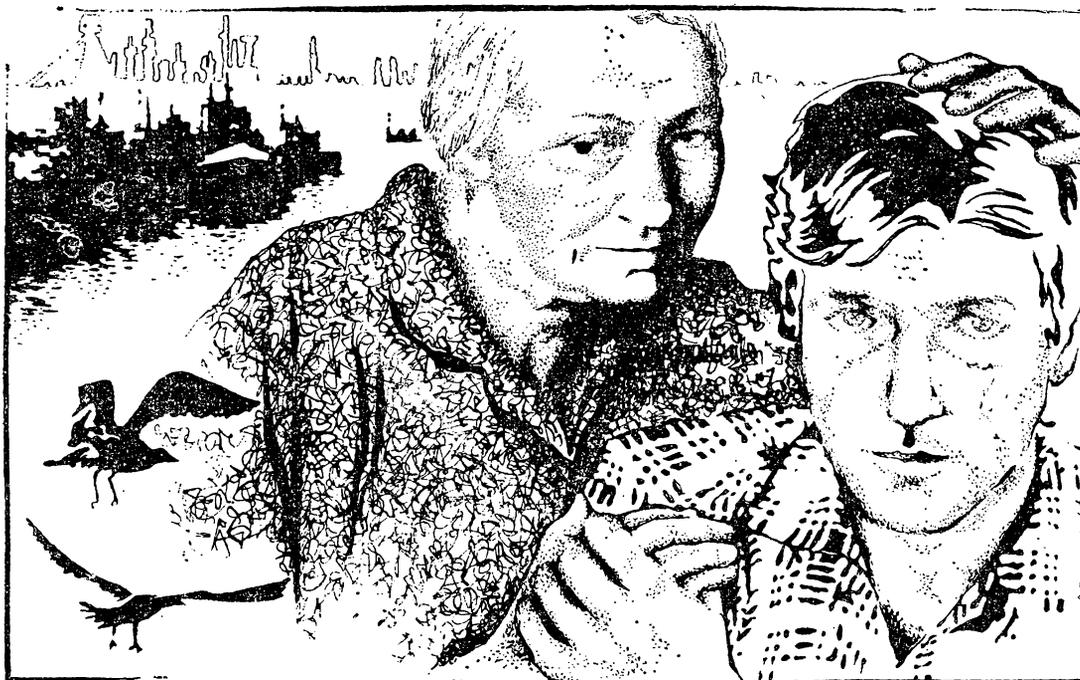
— Александр Ионович,— рассердился капитан,— вы почему в день отдыха в облезлой шапке и в зековской фуфайке на судне? Да еще у меня в каюте. А ну, переодеться по форме. Простыни самые новые дадите, чтобы хрустели! Ясно? Плюшкин...

Корпиков выскочил из каюты. Ребята переглянулись, и Алексей от понимающего Колькиного взгляда вдруг опустил горячий толчок в груди. Будто брел он, уставший, полуночным и пустынным городом, и вдруг знакомое окно вспыхнуло. И ждут его там за освещенными стеклами. И верят в него. А ему есть на кого положиться, раз друг ждет...

— Погоди, Алексей Владимирович,— перехватил капитан их взгляды, и ранние морщинки весело сбежались в уголках капитанских глаз.— Тебе письмо. Какая-то девушка принесла в отдел кадров. А я, понимаешь, еще не знал, где кто. Пригласил бы на «Командор».— Бажин развел руками.— Вот. Держи.

На конверте крупный отцовский почерк. Принесла письмо, наверное, Зиночка. Кто еще? Как чувствовала, что они могут сегодня отплыть.

Алексей ушел в красный кубрик. Присел на деревянный диванчик и, вздохнув, развернул пачку листов



«Здравствуй, Алеша!

Пишу на институт, предполагая, что письмо передадут тебе друзья. В общепитии и у знакомых оно может затеряться, да и, вполне возможно, ты там не появляешься. Ждал твоей весточки, но, видно, горячество не позволяет тебе первому написать родителям.

Тот преподаватель, которого ты ударил, написал нам. Мать плакала... Я... да что я... Потом пришло письмо от Зины с припиской комсорга. Все запуталось.

Бесчестье ты допустил или за честь восстал? Но почему такими методами?

Объясни, сын. Комсомолец — коммунисту. Ты знаешь, ЧТО для меня значат эти слова.

Зина писала о твоей работе на заводе. Очень расплывчато намекала на какие-то интересные дела в будущем. Расшифровывать, видно, ты не велел. Хочешь, как всегда, удивить результатом?

Так где ты? Что ты? Каковы планы?

Пиши. Мне кажется, своим молчанием ты проявляешь малодушие. Расти в себе бойца...»

Уже качнулось, сдвинулось с места судно, заплескалась за обшивкой вода, а Алексей все сидел и смотрел в пол мимо листов, расправленных на коленях. Вздохнул, достал из кармана авторучку, непонимающе посмотрел на нее.

Не чувство ли вины холодным скользким го-

лышом перекатывалось в груди все эти дни? Давно нужно было написать родителям, извиниться, объяснить... А что объяснять? И что все ребята на его стороне — ничего еще не значит. Они горячатся, как и он. И не только из-за пошлой шутки ринулся Алексей на преподавателя. Накопилось у всех. А вылилось у Лешки. Этот Жорик (почему так прозвали Юрия Ларисовича? Ах, да: Юра, Георгий, Жора... Нет, не поэтому). Надоел он всем своими двусмысленностями. Ни одной хорошенькой девчонки на курсе не пропустил, чтобы не сказать какую-нибудь плоскую остроту. (Большой он, что ли?) И все с намеком: встретимся-де на экзаменах. Будто девчонки сейчас же за ним побегут... Вот сволочь!

Пароход, пройдя от судоремонтного завода вверх по Туре, мягко ткнулся в причал. Течение помогло ему плотно прижаться к деревянным брускам пирса. Соломатин и Пархомович несколько медлительно, но в общем-то грамотно набросили и закрепили швартовые. Перекинули сходни.

Причал пустынен. Если не считать худенькой, нет — этакой тонкой и, подозревалось, крепкой, как моржовый бивень, старушки. Алеша мельком оглядел ее темный сарафан, в мелких коричневых морщинках лицо, руки, твердо сжавшие ручки двух больших спортивных сумок. Перевел взгляд на панораму высокой старой Тюмени, и вновь его потянуло к женскому лицу.

«Сколько же ей лет — 60—70? Едет куда-то старая...»

— Э-гей, матросы,— вдруг пропела она высоким чистым голосом,— помочь матери пришлите.

Алешка повертел взъерошенной головой. А по сходням уже мчался штурман Шаликов.

— Здравствуйте, Настасья Тимофеевна! — кричал он издали. — Нас ждете?

— Вас, Анатолий Спиридонович, кого же еще? — Женщина наклонила его голову и поцеловала в лоб. — Все с Николаем Петровичем ходишь? Не напрокучило?

— Что вы, Настасья Тимофеевна! Мы с ним неразлучны.

У Анатолия блестели глаза, лицо в пунцовых пятнах, будто он получил высокую награду, и вот радость краской прихлынула к щекам.

Капитан вошел в рубку. Надел фуражку.

— Дежурь. Пойду к маме, к бабушке пойду.

А та уже сама уверенно поднималась на мостик, седые прядки волос выбились из-под ситцевого в зеленый горошек платка, как в оправу взявшего тоненькое темное личико. Но зубы проглядывали целехонькими белыми ядрышками орехов. Она обеими руками обхватила выскочившего навстречу внука, припала к его груди, гладила русые завитки, заглядывала с улыбкой в глаза. Будто девчонка на свидание пришла.

— Баушка... — только и выдохнул Бажиц, целуя ее в щеки и бережно провожая в рубку.

— Ну, знакомь, знакомь с помощниками,— вроде как отбивалась она, но, видно, по давно заведенному порядку пожала всем руки, бережно оглядывая всякого нового для нее человека. Оглядела взглядом Алешино лицо, повернулась к капитану, шепнула:

— Этот, Коля, мореходству как подарку рад, а душа в небо рвется.

И еще тише, чтобы не слышал рулевой:

— Любимчик? Нет еще? Ничо — всю жизнь вам встречаться. Вот как...

В дверь рубки протиснулись Соломатин и Пархомович:

— Разрешите?

Бабушка улыбнулась.

— Матросы-челядинки хороши. Вот кому судьба морячить,— положила она руку на плечо Сергею.

— А я? — обиделся Соломатин.

— Ты добер молодец,— женщина звонко расмеялась.— Ловок и силен, да разве на одном месте усидишь?

— Хороший матрос он,— Бажиц мягко улыбнулся всем сразу.— Верно, хороший.

Сашка заиграл плечами, толстые губы его расплылись.

Настасья Тимофеевна осмотрела простое командирское хозяйство, спохватилась:

— На камбузе Максимовна?

— Она.

— Ну-тко, почаевничаем с подружкой. А вас на обед ждем.

— Время уже к ужину.

— Враз и поужинаем.

Застучали по палубе каблуки низеньких туфельек.

Видно было, как она уже там, внизу, заговорила с вынырнувшим откуда-то Колей Кольцовым, и тот потерял щекой о ее плечо.

Перед глазами Алексея будто радуга крылом повела, всплеснула переливчатым разноцветьем. Даже дух затомило. Он потрогал грудь, где должно быть сердце: вроде там встрепенулась славная певучая птица. И это от ее ясного пения хорошо на душе, и будет так всегда, пока чисты помыслы, а значит, удачливы дела.

То в машинном отделении, то в матросском кубрике летал голос Настасьи Тимофеевны, сплетал кружевами знакомые, здешние и какие-то давние, не этих берегов слова.

Обед-ужин женщины готовили вместе. Пошла часть продуктов, привезенных Бажиной. И когда Алексей сел за стол, то не понял выражение лиц друзей, уже начавших есть, а потом сам ошеломленно уставился в миску и стал подольше задерживать во рту каждый глоток борща, будто это могло продлить удовольствие.

Поздно вечером он лежал на своей койке, закинув за голову руки, и вспоминал мамину деревню Березовку под Омском, широкий, поросший травой двор с колодцем посередине. Здесь важно шипели гуси, переваливались вокруг искусственного прудочка утки, за сваленными возле хлева бревнами они с дедом Игнатом находили шампиньоны. Баба Катя потом готовила из них жаренку в огромной сковородке прямо здесь же, на легкой печурке.

Алексей плохо помнил бабкино лицо. Привозили Алексея летом с младшим братишкой, еще до школы. Но остался в памяти утренний бабкин жест: руки в бока на крыльце, какие-то горячие слова, после которых начинали метаться по двору дед и мать и ее сестра тетя Шура, привозившая и своих двух ребятишек, Лидку и Ленку... Вечерний запах вымытых половиц и ржаных кашачей, благоговейное молчание сельчан, приходивших к бабе Кате заговаривать зубы и всякие болячки.

Он сравнивал этих двух разных женщин — свою сибирячку и Бажину, что родом откуда-то с западных северных морей (словечки у нее такие пропевавались), и думал: чем они схожи?

«Отношение ко всему живущему рядом», — сложной фразой решил сам для себя Алеша и успокоился.

В дверь ящеркой проскользнул Колёк и зачастил горячим шепотом в Алехино ухо:

— Пойдем, пойдем, там такое говорят — никогда не слыхал. Ну, давай, — тянул он.

— Куда? — Алеша стал недоверчиво одеваться. — Опять розыгрыш? По носу получишь!

— Ой, Леха, такие слова, не, просто не перекажешь. Я в стихах такое не сложу. Не получится. Пойдем, у капитана послушаем.

— Ну тебя, — Алешка сел на кровать. — Придумал — подслушивать. Нехорошо как-то...

Колёк озадаченно посмотрел на него:

— А песню, когда кто-то поет, хорошо слушать? Мы ж не для подлого. Пойдем, интересно.

Они поднялись на палубу, и Коля поманил его под распахнутое окно капитанской каюты. Оттуда доносился говор. Один голос вроде Николая Петровича, только тон ребячий. Второй женский, певучий. Складный.

— Баушка, баушка, не ходи со мной до Усть-Балыка!

— Как же я, баженький детушка, не пойду? У вас праздник багрецовый. Кто обережет? Не ради красы-басы пойду.

— Баушка, там народу тьма, корреспонденты, начальство. Ну, как тебя с иконкой доглядят! Позор мне, первому капитану. Коммунист! — скажут.

— А я безумица? Тише воды, ниже травы буду. Впотаю в уголочке стану стоять. На нефть идете. Дело новое зачинаете. Оберег должен быть. Дед твой, онежский мореход Андрей Трофимович Бажин, единожды оберег не зачитал, и не вернуло его Бело море. Не хочу жану твою овдовить. Почто ты теперича изверился?

— Знаю, баушка, знаю. А люди как? Засмеют. Найдется дурной.

— Ничо. Слыхали мы мизганье собачье. Товарищи твои найдены? Штурмана, челядинки?

— Надежные. Не ходи, баушка, в Усть-Балык.

— Ох, напрокучил ты мне. Эти речи твои... Ладно уж, сделаю по-твоему. Оберег ополночь прочитаю.

— Люблю я тебя, баушка, не сердчай.

— А как обратно пойдете, на Абалакском кряжке встречу. Едь припасу, как во все лета.

— Спасибо тебе, моя хорошая.

Послышался тихий поцелуй.

Алешка покосился на Гвоздика. Тот сидел с

вытаращенными глазами. Алексей кивнул, и они, таясь, отползли от каюты. В рубке перевели дух.

— Это что, а?

Алексей пожал плечами, сдвинул брови.

— Она у него верующая?

— А у тебя нет?

— Не знаю, — задумался Коля. — Она давно умерла. Мамина. А у папы не было. Нет, наверное, была, — поправился, — не знаю...

Желтый шерватый голыш луны замер над берегами. Он будто только вот окунулся там-тут в речную волну, и остались блестящие, дорожкой бежали вслед за голышом, запущенным таким ловкачом, что считай лунные блинчики и не счесть их.

Белеют стены Троицкого монастыря, фронтоны бывшего коммерческого училища, пыле школы-интерната, в лимонных полосах деревянных плах мост через Туру. Справа от него в заливной части города темно, хоть и полнолуние. А просто глаз не достает туда; и Алексей только угадывает за грудой домишек, что должно стоять дальше.

На пароходе все залито мягким янтарным светом. Клодик молчит. Два алых огня загорятся на обратном пути, когда они пойдут с нефтью. Два огня ночью, два вымпела заплещутся днем — сигнал об опасном грузе.

Корпиков в своей каюте роется в рундучке, ищет записную книжку. Там у него адрес друга, что работает в Тобольском речном орсе.

— Куда запропала? — недоумевает старпом. — Всю жизнь здесь лежала. Надо же...

Придумал старпом заказать всем парадную форму. Не шутка — первые пойдут. На виду у всех. Без формы не обойтись, но добыть ее без друга просто невозможно.

— Толя, — стучит он в переборку Шаликову, — ты не спишь?

Но Шаликов не слышит: задумался.

Нет сомнения: в институт он поступит. Морская косточка, соленым ветром просмоленная, не сбить его с курса. И очень даже удачно, что они первую нефть повезут. В такое не сразу и поверишь... А может, и медаль? Явиться бы в институт с медалью! А что?

Анатолий прыжком соскочил с кровати, затанцевал по каюте. Постепенно мысли его приобрели более реальное направление. «Завтра надо собрание комсомольское провести. Обязательства... соревнования... да и с ребятами по душам поговорить надо, собрать их вместе...»

Безмятежно спит Соломатин. Одеяло сползло на пол, обнажив на груди неумелую наколку «ФОРВАРД».

Алеша с Николаем стоят на мостике. Думают каждый о своем. Об училище, об институте, о Зинке, о завтрашнем рейсе, о всяких путях-дорогах. Незримые нити связали их в последние часы, и им кажется, что они знают друг друга и дружат давным-давно.

— Леш, а я ведь осенью в летное поступаю.— Гвоздик застенчиво смотрел на Алешку, будто боялся, что тот сейчас засмеется.— Никому не говорил. Только тебе. Летчиком я буду.

Выбрел из теплой глубины кубрика на палубу Корытов. Посопел, покрутил головой, разыскивая Алексея. Прошаркал ботинками по железным ступенькам, встал рядом, заглянул в лицо, потянул за руку. Осторожно, оглядываясь на Гвоздика, проговорил:

— Напиши обо мне стих, а? Домой пошлю. Ну, что я вроде капитан и плаваю среди нефти и льдов.

— Гена, зачем тебе?

— Для мамки. Пусть порадует. Мне п мундир ребята обещали дать сфотографироваться. Сегодня я понял, что буду капитаном. И Бажин обещался помочь, если очень хочу. Я жилистый. Только пока все время спать хочется да колбаса свиная снится.. Которая домашняя, с чесноком... Напиши, а?

— Ладно уж. Смотри, луна какая.

— Круглая. И ночь как в деревне перед сенокосом: тревожит. У меня уже все тело ломит, зудится: скорей бы ехать. Ох и понесет нас по волнам!

«По морям, по волнам, нынче здесь, завтра там...» — напевает Бажин. Он тоже роется в рундучке, как старпом. Нет, не роется, а бережно перебирает дедовы реликвии: секстант, карту побережья Белого моря, косынку, толстые цветные карандаши, часы песочные... Все это Настасья Тимофеевна привезла с Бела моря, узнав, что только один из внуков пошел по мореходной линии, да и то далеко в Сибири. Приехала погостить да и осталась навсегда. Куда ей было от баженого-то, любимого?

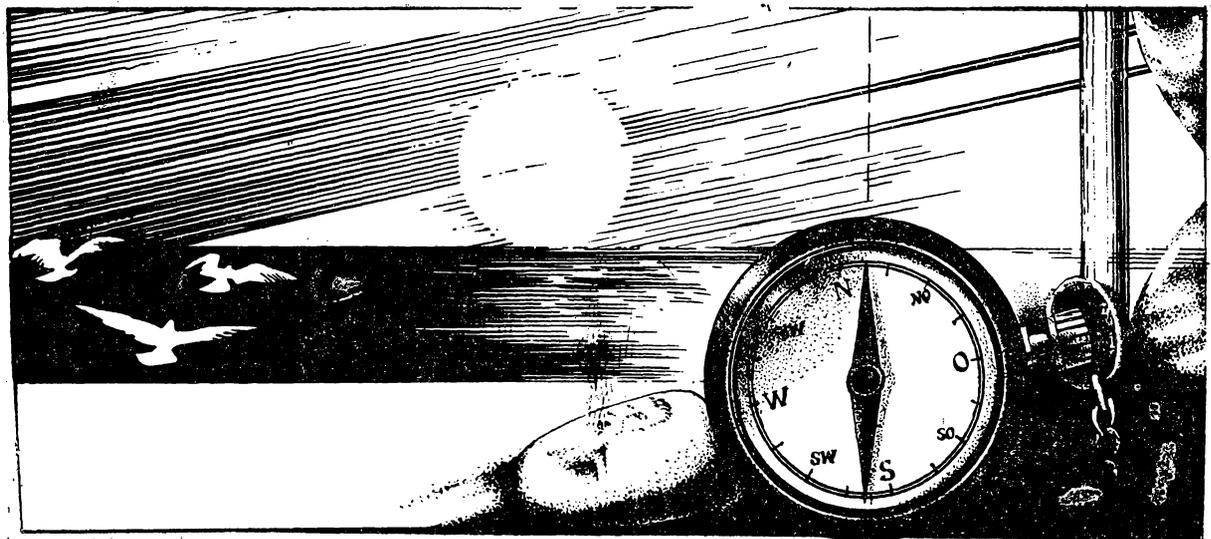
Бажин раскладывает на широком столе старый мореходный инструмент. Отдельно — плоский, обкатанный морской волной голыщ, на котором неизвестный художник нарисовал деда. Смотрит Андрей Тимофеевич спокойно. Густая борода волной спадает на грудь. Смотрит, будто напутствует в трудном предстоящем пути.

Капитан садится в кресло. Прикидывает мысленно весь маршрут, все плесы, яры, перекаты и... команду в разных случаях.

Вот растерянно сжал губы Алексей на коварном Абалакском повороте... прыгнул в воду за упавшим Вадимом Соломатин... петоропливо спускает за ними шлюпку Корытов... на пустынном причале, смущаясь ее слез, утешает маму Коля Гвоздик... один он у нее..

Бажин, сам того не замечая, ставит ребят в разные, случавшиеся ранее, обстоятельства, будто проверяет их. И в общем-то доволен командой.

А над пароходом распростерлась ночь. Над пароходом, над побережьем, над всем огромным тюменским краем. Весенняя, волнующая... Ночь перед первой нефтяной навигацией.





# У родного порога

Людмила ДОРОХОВА

Рисунок В. Ганзина

О директоре Кипельского детского дома говорят много разного.

— Талантливейший педагог...

— У него же особые условия!

— Самые воспитанные, самые трудолюбивые дети — еновские...

— Работать у Енова?! Ну, нет... Он же вкалывать заставит!

...Во внешности Николая Васильевича Енова мало солидности. В рубашке, воротник которой всегда выпущен на пиджак, он сохранил в себе что-то мальчишеское — порывистое, подвижное.

Кабинет Енова обставлен совершенно непривычно для детдома. Все здесь выглядит очень дорогим и современным: деревянные панели, полированная «стенка», удобные кресла, цветной телевизор, огромный мягкий ковер во всю комнату. «Не то, что у детей, наверное», — мелькает недобрая мысль. Может быть, действительно правы те, кто утверждает, что для его детдома создаются особые условия? Да нет, в фойе, холлах детского дома все так же удобно и современно — журнальные столики, кресла, банкетки причудливых форм...

Осторожно ступая на вычищенную ковровую дорожку, Николай Васильевич неожиданно наклоняется и отгибает край:

— Видите? Цвет пола под дорожкой другого оттенка?.. Это мы краску во время ремонта сэкономили.

— Не для гостей дорожку расстелили? Такая чистая, будто никто и не ходил...

— Дорожки лежат постоянно. Утром ребятки зарядку здесь делают.

В комнатах для занятий — тоже деревянные панели, ковровые покрытия, разных оттенков красивые шторы. Спальни поражают уютом и непохожестью. У малышей — деревянные кровати с оригинальными вставками цветной материи в спинках. У старших, кроме полированных кроватей, — диваны для гостей, ковры, телевизоры.

Неотвязно преследует мысль: «Как будто на парад...» Припоминаешь домики детдомовского «городка», расписной деревянный теремок для дошколят, выложенный цветным кирпичом главный корпус с четко выведенными словами нестандартного девиза-лозунга: «Образование — среднее, воспитание — высшее!» Все — словно для рекламы современного детского дома, хорошо подготовленного к визиту знатных гостей. Необыкновенная чистота кажется недолговечной — ворвутся дети и нарушат честолюбивые замыслы взрослых показать идеальную чистоту и уют...

Николай Васильевич будто сам стремится закрепить это подозрение:

— Мы и вправду готовимся к приему гостей. А разве хорошая хозяйка, приглашая гостей, не наводит блеск в доме?! Гости к нам часто приезжают... Студенты, шефы-работчие. Мы делаем все, чтобы им в нашем доме было тепло, уютно, чтобы не тревожил их крик и шум. Гос-

ты — лучшую постель, лучшее блюдо. Это закон русского гостеприимства...

— Так ведь не только беседами помогают вам шефы, каких только сейчас кампаний не проводится под лозунгом «Поможем детдому»...

Исчезает вдруг мягкий, словно извиняющийся человек. Николай Васильевич бросает жесткий взгляд:

— Я не люблю кампаний. Считаю: они унижают государство. Наши дети — государственные. Оно заботится о них, мы только своими руками осуществляем эту заботу. Мне вот часто говорят: «Легко тебе, такой могучий шеф — облпотребсоюз...» Ничего они для нас не жалеют, это верно. И не только они. К кому ни обратиться за помощью — не откажут, дадут лучшее, что есть, порой и служебную инструкцию нарушат. Все понимают: это — для детей, у которых нет родителей... Но ведь помощь эта не бесплатная. Ничего мы не взяли не заплатив.

...В просторном кабинете директора — неожиданная картина. Николай Васильевич, склонившись над своим массивным, отливающим яркой полировкой столом, что-то пишет. Через плечо заглядывает в бумаги — аж на цыпочках тянется — маленькая девчушка с огромным бантом. Другая вытащила сувениры из «стенки», играет ими. Еще один мальчик, примостившись поближе к настольной лампе на директорском столе, рассматривает книжку. А на ковре, в креслах, на стульях устроились перед телевизором ребята.

— И не мешают?.. — удивилась я.

— Привык, — не торопясь, ответил Енов. — Иногда, правда, надо бы сосредоточиться... Но ничего — это уж потом, когда улягутся. Ребят прогонись — в другой раз не придут. Они такую школу жестокости прошли, что иному и крохи ее в жизни не испытать...

Недавно привезли в детдом восьмилетнего Алешу. В кабинете у Енова собрались воспитатели, сотрудники — молча читали строки личного дела. Кто-то из женщин, не стесняясь, всхлипнул: трудно представить, что пережил этот мальчик, когда пьяный отец на его глазах убивал мать... Определили его в отряд к Зое Ивановне Тельмановой — лаской, душевным теплом она сумеет отогреть мальчика.

Как встретить новенького? Это очень важно — самые первые минуты в заранее ненавистном для него детдоме... Зоя Ивановна решила: пусть Алешу встретят сами ребята.

Как только новичок появился, его окружили, стали расспрашивать — почему да что... И Алеша рассказывал, со слезами, с плачем. Кто-то из мальчишек начал утешать:

— Ты думаешь, у тебя у одного такое? Вот меня...

Нас отец неделями, пятерых, не кормил! Соседи спасли...

Перебивая друг друга, ребята выкладывали свою прошлую жизнь. Алеша главное понял в эти первые минуты: не он один здесь такой.

Мальчик стал приходить в себя. Шли дни. И вдруг

заявилась его сердобольная тетя. Да как начала причитать... Когда собралась уходить, Алеша бросился за ней, просил забрать с собой, плакал, кричал. Тетка растерялась: не для того она сюда приехала... Прибежавшая на крик завуч Раиса Васильевна Руцкая прижала к себе бьющегося в истерике ребенка, резко сказала тетке:

— Да уходите же вы наконец!..

В ту минуту Алеша считал Раису Васильевну главным врагом: это она не пускала его домой. С недетской силой он вырывался, царапался. Раиса Васильевна теснее прижимала его к себе... Спустя неделю, когда еще не зажили на руках следы от царапин и укусов, она горько скажет:

— Если бы эти раны были самые самые больные... Если бы были только толстокожие тетки! Живут же спокойно родители, предавшие своих детей. Порой даже приезжают сюда навесить своих брошенных детей, как ни в чем не бывало!..

...Стоит на крыльце грязная, опухшая после вчерашней пьянки женщина и выкрикивает:

— Толька, выдь ко мне!

Здесь у нее воспитываются пятеро. Старшие не знают, куда спрятаться от стыда, а для маленького Толи она по-прежнему — самый родной и близкий человек. И он, счастливый, мчится навстречу матери...

— А она хоть бы конфетку принесла, — не пытаясь скрыть отвращения, говорит Николай Васильевич. — После таких визитов мы недели тратим на то, чтобы дети снова обрели душевное равновесие...

Двести воспитанников живут в Кипельском детдоме. Восемьдесят пять процентов из них пришлось спасать от... родителей. Самые распространенные заболевания среди детей — психоневрологические. Ощущение, что они не нужны своим родителям, одних делает безвольными, равнодушными, других — жестокими.

Воспитанники современного детского дома иные, чем те, что были в послевоенные годы. Иного требуют и подхода. «Возиться» с каждым — это, пожалуй, главный педагогический принцип Енова. Только при этом условии можно вернуть маленькому человеку веру в добро и справедливость, залечить кровоточащие раны, помочь ему принять детский дом как свой, родной.

Главное требование у Николая Васильевича к каждому сотруднику, к каждому воспитателю — родительская любовь к детям. В его кабинете, на самом видном месте, крупно выведены слова Ф. Вигдоровой: «Не чувствуешь любви к детям — сиди смиренно, занимайся собой, вещами, чем хочешь, но только не детьми».

Работать у Енова и вправду нелегко. Персонал большую часть и своего личного времени проводит в детдоме. Задержаться после работы — норма. В праздник прийти — нормально, да еще наполнив хозяйственные сумки чем-то домашеньким. Вовсе не потому, что дети голодны, готовят в детдоме и сытно, и вкусно. Просто хотят порадовать их, напомнить, что есть на свете другие, не похожие на их родителей люди...

Заставлять это делать невозможно — это от сердца должно идти. Побывав в этом детском доме, не удивляешься, почему такие нежные письма пишут солдаты, бывшие воспитанники, своей воспитательнице, одной из старейших работниц детдома П. А. Дюсюбаевой, обращаясь к ней: «Милая мама!». А Зое Ивановне Тельмановой — она сама бывшая воспитанница этого детдома — посвящает лучшие строки в школьных сочинениях, называя самым родным и близким человеком на свете.

Николай Васильевич может с утра до ночи в детдоме проводить. А женщинам надо домой бежать — там свои дети, своя семья. Хоть разорвись — времени не хва-

тает... Но они разрываются. Поэтому в Кипели всех, кто работает в детдоме, называют фанатиками. Не осуждают, но и не завидуют. Многие не понимают.

Казалось бы, чего проще: пусть старшие воспитанники держат в страхе младших — и в группе порядок, и воспитателю меньше хлопот. Эти бурсацкие законы царских приютов частично перекечевали и в наши детские дома. Енов в первые дни столкнулся с некоторыми из них. И ему, человеку деликатному, пришлось заявить категорично: «Не потерплю, чтобы сильные обижали слабых».

На молодого директора смотрели откровенно скептически, когда он с самого начала начал опираться на детское самоуправление. В совет выбрали ребят, которые пользовались авторитетом среди сверстников. Не за физическую силу — за честность, справедливость, трудолюбие. Были созданы разновозрастные отряды, где старшие опекали младших, помогали в учебе, следили за одеждой младшей.

Сейчас кажется странным, что кто-то мог сомневаться в полезности столь явно необходимого... В четверг — день самоуправления, у всех воспитателей выходной. Деловой ритм в детдоме в этот день ни в чем не нарушается.

Откуда же берет Енов таких энтузиастов-коллег?

...В кабинет директора заглянула смуглая девушка.

— Заходи, заходи, Раиска...

— Николай Васильевич, я же просила!..

— Извини, извини, Раиса Анатольевна, больше не буду. Никак не привыкну к твоему имени-отчеству...

Это его бывшая воспитанница — Раиса Шалбаева. Сейчас заведует дошкольным отделением. Толковый, инициативный работник, но и хлопот с ней... Енову такие по душе — польза от них делу большая, он не любит равнодушных исполнителей.

Бывших воспитанников среди работников детского дома — большинство. А если еще учесть, сколько учится в педучилищах и пединститутах, то цифра популярности педагогической профессии выглядит здесь очень внушительно. Каждый год в Курган, в облоно, поступают от выпускников детдома заявления: «Прошу направить на работу в Кипель...»

Ни много ни мало — цитату из Гельвеция попросил Енов художника написать ярко в кабинете профориентации: «Если человек с ранних лет усвоил привычку к труду, труд ему приятен. Если же у него этой привычки нет, то лишь делает труд ненавистным».

Одной жалостью и состраданием человека не воспитаешь. Дом по-настоящему ему станет родным, когда он сам приложит руки к его процветанию.

Сначала может показаться странным, почему в детском доме так много дежурных: у входа в вестибюль, в каждой спальне, в каждой классной комнате, по этажам, на кухне, в столовой, на территории.

Ребята чистят, моют, вытирают пыль, убирают во дворе. Это приучает к порядку, учит ценить труд других. Надеяться на то, что ребята научились чему-то доброму у своих родителей, не приходится. Значит, от детского дома зависит — какими они станут хозяевами и в будущем своем доме.

Стоит детдом на окраине Кипели — центральной усадьбы колхоза «Большевик». Место красивейшее. Владения детдома огромные — 170 гектаров отдано ему в бессрочное пользование: пашня, леса, луга.

Сам Николай Васильевич родился в деревне. Здесь прошел школу крестьянского труда. Поэтому хорошо знает: не только по учебникам постигается крестьянская наука. А большинство его воспитанников становятся

сельскими жителями... И Енов решил завести свое подсобное хозяйство: чтобы были в нем коровы, овцы, свиньи, птица, огород — все, что должно быть в добром крестьянском дворе. И не просто многоотраслевое хозяйство создал директор — образцовое!

Идеальный порядок — куда ни зайдешь. В птичнике, коровнике, свинарнике стены аккуратно побелены, полы чисто выметены, животные ухоженные, как у хозяйки-чистюли. А ведь тут не одна корова, не один теленок, а тридцать четыре!.. Блаженно хрюкают многочисленные хавроньи. В новом птичнике с удобствами разместились утки и индюшки. В огороде грядки прополоты, овощи политы. Прибегают сюда ребята каждый день — то морковку съесть, то репку выдернуть, этого никто не запрещает. Требование только одно — грядки опустошать последовательно одну за другой, не выдергивать лишнее. Сроки высаживания разные, так что свежие овощи ребята могут есть все лето.

Все многочисленные работы по хозяйству выполняют сами ребята. Наклонности их учитываются: одним нравится ухаживать за телятами, другие лучше себя чувствуют в птичнике. Правда, есть обязательная работа, через которую проходит все: круглый год, в любую погоду работают звенья доярок. Рано утром, гремя подойниками, встают они, доят коров, процеживают молоко, несут его на кухню. Там его кипятят и сразу же подают на завтрак.

Только один взрослый направляет работу подсобного хозяйства — заведующая Сара Абельдиновна Мусина. Она приходит в свои владения раньше всех и уходит позднее всех. Как добрая терпеливая мать, учит она ребят ухаживать за животными, кормить их. Каждому найдет занятие по душе, чтобы не отработка была, а интерес к делу, чтобы ребенок и устал, да порадовался сделанному.

Животноводство, птицеводство, овощеводство, цветоводство — не только рентабельные отрасли подсобного хозяйства. Это еще и будущие профессии. Чем больше отраслей в детдомовском хозяйстве — тем шире выбор. Енов задумал внедрить еще одну отрасль — коневодство. Многие поняли сейчас, что рано отказалось село от услуг трудолюбивой лошади. Четыре лошади в детдоме уже есть. Мало ли мелких работ по хозяйству, где и машина, и трактор порой — не выход из положения: обходятся слишком дорого, да и не везде могут развернуться, проехать.

Решил Николай Васильевич обзавестись еще одной отраслью не только потому, что это выгодно. Интерес учел, с которым мальчишки относятся к лошади. Как знать, может, и соревнования русских троек можно будет организовать в Кипели, а может, и — скачки... Прошлым летом занялись также пчеловодством.

...Какой мальчишка не любит строгать, пилить? Какая девчонка не шьет куклам платья, не путает нитки, чтобы связать из них цепочку? И это стремление в детском доме учли. Девочки учатся шить, вязать, вышивать с третьего класса.

Николай Васильевич рассказывает, а у меня картинка перед глазами: у входа в вестибюль снимают ребята грязную обувь и в одних толстых шерстяных носках бегут в комнаты. У некоторых они аккуратно заштопаны... Нет в магазинах подходящих домашних тапочек, да и ребятки так быстро растут, что не успевают им новые покупать. Я считаю про себя: сколько же надо в год иметь таких носков? Дома на одного-единственного не успеваешь покупать и штопать эти «горячие» носки, а тут двести ребятшек...

— Это все девчонки вяжут и штопают. И платьишки малышам сами шьют. Плохо разве, если будущая женщина научится шить, вязать?

— А нитки, пряха?

— Так у нас же свои овцы, значит — шерсть своя. Вот девятиклассницам только купил мохер на шапочки. Своя у нас и электропрялка. Учат вязать и шить воспитатели, медработники, — все, кто умеет. В прачечной у нас работает Руфина Михайловна Грылева, так она научила старших ребят ковры ткать.

Я вспомнила огромные ковры на стенах в спальнях: — Так это дети сами сделали?!

— Сами, конечно. Девочки подарили мальчикам, а те в ответ тоже соткали, да еще какой!..

У девочек ковер изумляет не только размерами, но и рисунком, соцветием красок... Кстати, красить ребята тоже умеют.

Недавно в детском доме научили девочек консервировать овощи. Енов закупил крышки...

Из увлечения пилить и строгать у мальчишек выросла целая отрасль — строительная. Нарядные уголки по кулуарах, банкетки, деревянные кровати с цветными вставками, журнальные столики — весь этот детдомовский уют создан в мастерской ребятами. Деревянные панели в кабинете директора, как выяснилось, вовсе не деревянные, а нарисованные... Научил мальчиков так виртуозно обращаться с пилой и рубанком, с малярной кистью инструктор по труду Аркадий Потапович Завьялов. Неистощимый на выдумку, мастер — «золотые руки», он по-отцовски открывает ребятам все секреты работы по дереву. Кажется, нет такого дела, которое не знал бы, не умел бы Аркадий Потапович. Под его руководством мальчишки строят даже дома для воспитателей. Тринадцать самых красивых домов в Кипели — целый городок для сотрудников — выстроены их руками. За одно лето звено строителей-старшеклассников произвело текущий ремонт своего детдома, трехквартирного жилого дома, построило два новых дома, птичник, начало строитель-



ство летней дачи для дошколят, заготовило 416 кубометров дров. Объем работ, освоенный юными строителями, составил 16 000 рублей.

Как истинный мастер, Аркадий Потапович Завьялов позаботился о том, чтобы было кому продолжать начатое им. Игорь Мальшин после службы в армии вернулся в Кипель, женился на воспитаннице, сыграли комсомольскую свадьбу. Поселилась молодая семья в доме, который сами построили. Игорь перенял у наставника не только приемы мастерства, но и отношение к работе. Сейчас он — тоже инструктор по труду.

Какую бы отрасль хозяйства ни заводили в детдоме, думают здесь всегда в первую очередь о том, какие качества она будет развивать в детях, каков воспитательный эффект нового дела. Большой популярностью у мальчишек, например, пользуется профессия механизатора, шофера. Этот интерес был учтен при воздействии на особо трудных подростков.

Попадают в детский дом иногда целые семьи — до десяти ребят, от дошколят до старшеклассников. И если с малышами проще, то со старшими гораздо сложнее: их представления о жизни, вредные привычки укоренились довольно глубоко. Эти ребята — сверхтрудные, педагогически запущенные. И тем не менее официальная статистика гласит: из Кипельского детдома ребята не сбегают.

Это вовсе не значит, что таких попыток не делают. Недавно прибывший Валерий С. попросил директора: «Отдайте документы, я буду поступать в ПТУ. Жить стану у отца в городе». Но Николай Васильевич звал: отец бросил семью, когда была жива еще мать, много пьет. Перед соблазном легкой жизни мальчишке не устоять. И — отказал.

Валера все-таки сбежал.

Было срочно создан детский совет. Решили Валерку вернуть во что бы то ни стало. В «погоню» отправились двое из совета. Возвращение «блудного сына» было похоже на детектив — с засадой, «конвоированием»... Трижды сбежал от преследователей хитроумный Валерка, и все же был доставлен в детский дом. Долго совещались ребята, как наказать беглеца. И решили... вообще не наказывать.

Так уж повелось: самых трудных директор чаще всего берет на себя. Считает: мужчине легче поладить с мальчишками. Но и тут на первом плане оказываются ребята: Николай Васильевич незаметно направляет их, а они уже сами принимают верное решение.

И вот тут часто помогает увлечение техникой. Изучение машины настолько захватывает подростков, что они ждут не дождутся совершеннолетия, чтобы получить права водителя. А в детдоме есть где попробовать и применить механизаторские навыки.

Детдому нужен был трактор, нужен комбайн, чтобы ребята могли полностью обрабатывать свои поля, а то приходилось ждать, когда шефы из колхоза управятся со своими делами.

Енову разрешили выдать популярную в других школах мини-технику. Он от нее отказался:

— Наши ребята привыкли делать взрослую работу, по-взрослому. Они не играют в труд, а работают. Да и территория у нас — не пришкольный участок...

То, что Енов говорит это не для оправдания, а отстаивает принципиальную позицию, подсказанную всем укладом трудового воспитания в детдоме, подтверждают цифры. Вот данные одного года. 800 центнеров зерна получили ребята со своего поля, 9 тонн овощей — с огорода, мяса в живом весе — 12,7 тонны, шерсти — 86 килограммов, молока — 160 центнеров, 17 200 яиц, вырастили

260 цыплят... Доход подсобного хозяйства составил около 30 тысяч рублей. Это — конкретный вклад кипельцев в выполнение Продовольственной программы.

30 тысяч рублей — вроде бы и невелика цифра по современным меркам. Есть детские дома, у которых доходы с подсобного хозяйства побольше. Но слагаемые этой суммы часто у других складываются из одной выгодной отрасли. У Енова же другая цель — не только получить хороший показатель дохода, но и научить ребят рачительно хозяйствовать, знать все сельские работы.

— Эти ребяташки горы могут свернуть!.. — убежден директор. — А знаете, что самое важное? То, что они понимают: для государства они — не бедные родственники. Уже сейчас они хотят отблагодарить за щедрую заботу о себе.

В коридоре детдома висит стенд «Что значит «бесплатно», в котором рассказано, сколько затрачивает государство в год на одного ребенка. Воспитатели каждый день на конкретных жизненных примерах учат быть бережливыми. Сами воспитанники ведут учет продукции, сами следят за ее сохранностью.

И все-таки главный воспитывающий фактор заключается в том, что ребята видят, как бережливо и экономно ведется хозяйство детдома. У Енова действительно зернышко не пропадет... Не успели из-за дождей убрать пшеницу — скосили и высыпали зерно сушить на асфальтированную площадку перед детдомом. Потом убрали, но дочиста это сделать невозможно было. Чтобы зерно не пропало — выпустили кур, уток, индеек: все подобрало! Не встретишь на территории еновского хозяйства брошенных досок, кирпичей, других материалов, хотя тут каждый год что-то строят.

В этом году колхозники попросили помочь убрать картофель. Енов поставил странное условие: чтобы и грузовики, и трактор, и автобус, и обеды — все было на уборке свое, детдомовское.

— Колхозу помочь — благородное дело. Наши ребяташки привыкли к четкой организации, — объясняет Николай Васильевич. — А придет пьяный тракторист с опозданием, рассыплет картошку — какая тут благородная цель, какое воспитание?!

Вместо положенных пяти гектаров ребята убрали картофель с восемнадцати. Сделали работу качественно и быстро.

Каждое трудовое задание — событие в детдоме. Идут ли ребята собирать металлолом, макулатуру или лекарственные травы — они знают, для чего это делают. Только одних сухих трав нынче сдают более тонны. Пионеры детдома постоянно становятся победителями не только у себя в области, но и в стране...

Хороший хозяин не будет откладывать на завтра то, что принесет пользу сегодня. Он не будет делать кое-как, надеясь, что завтра переделает. Енов, заметив беспорядок, не попросит его исправить первого же встречного воспитанника. Прежде всего поговорит с членами детского совета, чтобы вместе определить — кто из ребят справится лучше, чтобы потом не переделывать. Делает он это для того, чтобы дети привыкали любую работу выполнять добросовестно и надежно.

Может возникнуть вполне закономерный вопрос: «Не слишком ли много времени отнимает у воспитанников физический труд, не в ущерб ли он идет интеллектуальному развитию?» Об этом спросили однажды Енова, когда была очередная проверка.

Николай Васильевич задумался: а почему возник такой вопрос? Вроде бы все в детдоме хорошо организовано, все продумано. У ребят четко расписан весь день — всего лишь два часа они тратят на выполнение

трудового задания. Летом, как и у всех сельских жителей, забот, конечно, больше. Работает летний трудовой лагерь «Романтик» — старшие с нетерпением ждут его открытия. Младшие отдыхают в пионерском лагере. Те, кому это необходимо, лечатся в южных санаториях. На заработанные деньги старшеклассники ездят в путешествия по городам страны.

И все же... «Домашние» дети могут заниматься музыкой, спортом, изучать иностранный язык. У детдомовских такой возможности нет. Живут они в селе, где не всегда и не всякие есть специалисты... И все-таки, что можно еще сделать для ребят?

Ездит сейчас в Кипель из другого села музыкальный работник. Воспитателей Енов подбирает так, чтобы у них был разный профиль увлечений. Двадцать кружков по интересам работают в детдоме. Сам директор десять лет руководит КИДом, но очень недоволен собой:

— Я ведь факультет иностранных языков в пединституте закончил. Все собираюсь с дошколятами немецким заниматься. Не хватает времени...

Времени не хватает потому, что каждый год затевает он новое дело. Вот взялся строить свой спортивный зал. Необходимо!.. Детдом арендует зал в школе, а в неудобное время. Занятия ведут молодые педагоги Исаковы: Василий Яковлевич — специалист по спортивным играм, Вера Фаридовна — мастер спорта по акробатике. Но уж очень медленно идет строительство.

Послушаешь Николая Васильевича и вдруг обнаружишь странную вещь: он больше говорит о том, что еще надо сделать, чем о том, что уже есть. Недавно вроде построено типовое здание детского дома, но уже мало помещение: негде хранить одежду, поэтому у детей ограничен выбор вещей, необходимы кабинеты эстетического и трудового воспитания...

Енов говорит, какую бы можно было развернуть работу, если бы было попросторнее. А я думаю: сколько бы ни строили — ему все будет мало... Планы директора опережают время. Надо быть поистине талантливым организатором, чтобы намеченное претворялось в жизнь.

К сожалению, мы еще не живем в то время, когда по мановению волшебной палочки появляются дефицитные стройматериалы. Сколько, к примеру, мог бы сделать Енов за тот месяц, что потребовался ему, чтобы добыть трубу для котельной, которая отапливает и школу и детдом? Раздобыл ее в соседней области. А как доставлять эту махину? Нужна железнодорожная платформа, да еще со станции везти на чем-то надо. Хорошо, выручили газовики со строящейся рядом нитки газопровода...

Очень обрадовались в Кипели новому постановлению партии и правительства, в каждой строке которого — забота о детях, оставшихся без попечения родителей, о людях, заменивших их. Оно снимет лишние заботы с плеч директора, высвободит время для педагогической деятельности. И хоть много внимания детдому уделял и раньше попечительский совет, возглавляемый секретарем Юргамышского райкома партии Николаем Ивановичем Кармацких, — теперь эта помощь станет еще более ощутимой. Но Енов не позволит себе расслабиться...

В свой последний приезд я снова не сразу узнала детский дом: перестраивалось дошкольное отделение, нарисованные деревянные панели заменены настоящими...

Николай Васильевич каждый год сознательно увеличивает число своих забот. Иначе, считает он, не создается в детдоме уюта, необходимых условий для нормального развития детей. Мог бы, например, обойтись детдом без своего пруда? Ну кто бы упрекнул Енова за то, что его нет?! Только какое же деревенское детство без купания в реке...

С одной стороны детский дом okayмляет глубокий

овраг. Енов задумал превратить его в три водоема: для поливки огорода, для водоплавающей птицы, а центральный — для купания детей. С особым пристрастием создавался пруд для купания: «лягушатник», мостики для прыжков в воду, зеленый травяной пляж. Этот пруд сразу же стал любимым местом отдыха у ребят: летом — купанье, зимой — каток... Теперь уже никто не помнит, кто первый назвал его «Еновка». Сначала — между собой, а потом так привыкли, что и не заметили, как стали говорить при директоре...

Многое из того, что делает Николай Васильевич, он мог бы не делать. Нет, он одержим идеей: иметь все, что имеет «домашний» ребенок.

Привезли из детского приемника новичков. Пострижены наголо. Так положено по санитарным нормам. Но каково ребенку, попавшему в детдом и так не по своей воле, переносить еще и бритую голову?.. Договорился Енов, что не будут стричь тех, кто направляется в Кипель — тут уж сами медработники за чистоту ручаются. Ходят «домашние» первоклашки в школу с косичками — такая теперь мода. И Николай Васильевич настаивает, чтобы детдомовские девочки отращивали косы — следить за их аккуратностью будет старшеклассница. Ходят «домашние» студенты с дипломами, и Енов достает своим бывшим воспитанникам такие же... Попадет ребенок в больницу, уедет летом ребята в пионерлагерь — и синие еновские «Жигули» мчатся в выходной с гостинцами: едут навестить старшие, воспитатели, директор — чтобы не отзывались болью визиты родителей к «домашним» сверстникам...

— Семья-то у меня большая, о каждом надо позаботиться, — говорит директор.

Приходит на его имя в Кипель письма от воспитанников из армии. Прячет их Николай Васильевич в самый дальний угол стола: в них пишут о самом сокровенном, о том, о чем далеко не каждый с родным отцом посоветуется: пойти на работу или попытаться поступить в институт, одобряет ли Николай Васильевич выбор невесты...

Шесть комсомольских свадеб сыграли в последние три года в Кипели бывшие воспитанники детского дома. Все просили Николая Васильевича быть посаженным отцом. Основательно строят они свою жизнь, со вкусом обставляют построенные своими руками дома, крепко ведут хозяйство — они строят свою жизнь по образу и подобию родного детского дома. Одна из бывших воспитанниц Райса М. прислала как-то письмо: «Удивляются мои знакомые: огород посажу — всего у меня нарастет... Шью, вяжу, шерсть сама пряду, на работе не на последнем счету... Все спрашивают: кто меня так воспитал? Многие не верят, что это Вы из меня сделали человека, всему научили».

Николаю Васильевичу Енову — 38 лет. Тринадцать из них он работает директором Кипельского детского дома. Он — отличник народного просвещения РСФСР, награжден орденом «Знак Почета». Но может ли быть выше награда для педагога, чем горячие слова благодарности таких, как Валерий С. — тот самый «беглец»:

— Если бы не вы, пропал бы...

А что может быть радостнее для педагога, чем возвращение питомцев домой?.. В Кипель, к родному порогу приезжают бывшие воспитанники. На работу и на жизнь. На выходной, на праздники... В студенческие каникулы и во взрослые отпуска...

Курганская область  
Юргамышский район



СЛЕДОПЫТСКИЙ  
ТЕЛЕГРАФ

# МЫ ВСЕ РОДОМ

## Подарок друзей

...Портрет этот — семейная реликвия — хранился в роду чехословацкого гражданина Алоиса Гостоша почти сто лет. Он принадлежал деду Гостоша, затем — отцу, потом перешел к Алоису. Большой портрет Карла Маркса, с обрамленной надписью на чешском языке: «Проснись, человек труда, и узнай силу своих сомкнутых плеч...»

В один из приездов делегации Союза чехословацко-советской дружбы в Коломну Алоиса Гостоша и других членов делегации пригласили в 8-ю школу. Чешские друзья познакомились с работой школьного интернационального клуба. КИД работает в тесном содружестве со следопытами: коломенским ребятам удалось, например, разыскать 249 своих земляков, участвовавших в боях на территории Чехословакии.

После этого знакомства и решили супруги Гостоши прислать в дар юным коломенцам портрет Карла Маркса. «У меня нет детей, которым я мог бы передать эту историческую реликвию, — писал в письме советским ребятам Алоис Гостош. — Я верю, что у вас она сохранится и будет напоминать о совместной борьбе пролетариев наших стран, о совместном пути вашего и нашего народов».

Портрет Маркса стал экспонатом музея 8-й коломенской школы.

● «Имя Ленина на карте» — под таким девизом проводят исследовательскую работу учащиеся средней школы № 20 Вязьмы. Ребятам интересуют места пребывания В. И. Ленина в нашей стране и за рубежом. Масштабы работы вождя по организации большевистской партии помогают представить экспонаты и документы, присланные из Кракова, Лейпцига, Берна, Женевы, Лондона и ставшие достоянием школьного музея.

● Клуб «Молодой марксист» организован в 10-й средней школе Белгорода. Он объединяет более четырехсот старшеклассников. Формы работы клуба — лекции, беседы, научно-практические конференции. Члены клуба глубоко и всесторонне изучают партийные документы, ищут дифференцированный подход, готовясь к беседам в классах.

## Все Герои страны

Началось все это давно. Владимир Кирпичков учился тогда в школе. Подошла к нему как-то одноклассница, показала фотографию своего брата-танкиста. Посмертно он был удостоен звания Героя Советского Союза, но где совершил подвиг, как — этого она не знала.

После школы Володя ушел в армию. И там, в библиотеке, просматривая журналы, вдруг увидел знакомую фамилию... Танкист Владимир Борисов погиб в боях на реке Кислауселе.

Почему он запомнил тогда фамилию? Потому что Владимир Борисов был его земляком... С этого и начал Кирпич-

ков собирать свою картотеку Героев Советского Союза. В Ярцевском районе Смоленской области, где родина Владимира Кирпичкова, их было девятнадцать. Потом взял цифру Героев по всей Смоленской области — их оказалось более двухсот...

Теперь картотека московского рабочего Владимира Николаевича Кирпичкова насчитывает двенадцать с половиной тысяч фамилий. Главную ценность составляет то, что к картотеке приложен материал о жизни, о подвигах Героев Советского Союза — около двух тысяч книг, вырезки из газет и журналов, письма, фотографии, марки...

Более двадцати лет собирает В. Н. Кирпичков свою необычную библиотеку-коллекцию. Она поистине уникальна — в ней поименно названы почти все Герои страны.

● Последнее письмо от мужа жительнице города Верхняя Салда на Урале П. С. Абрамовой пришло больше сорока лет назад: «Стоим в обороне. Фашист пошел в атаку, но мы дали ему хороший отпор...» Больше ничего не было. А весточка много лет спустя пришла от следопытов Терского района Кабардино-Балкарской АССР: «Уважаемая Пелагея Сергеевна! Шлем Вам наш пионерский салют... Ваш муж, Устин Егорович Абрамов, погиб в нашем селе и похоронен в братской могиле, которая находится во дворе школы. В этой могиле похоронены 138 воинов». Не пропал солдат без вести.

● Студенческий отряд из Ленинграда «Земляне» в районе бывшего Невского «пятячка» обнаружил останки шести воинов. По листку в капсуле имя одного из них удалось установить сразу: Дмитрий Маклюкин. Бойцы погибли с оружием в руках... Все они похоронены на кладбище поселка Марьяна Роца.

● Материалы музея 166-й ленинградской школы рассказывают о солдатах и командирах знаменитой Железной дивизии: о комдиве В. Е. Васильеве, в свое время вручавшем партбилет Рихарду Зорге, о Борисе Игнатьеве — избаче, который всю зарплату отдавал в Фонд обороны, о многих других, — настоящих патриотах и коммунистах, ставших военными в трудную для страны минуту.

## Серп и молот — на надгробии

Полвека спустя отыскался след красного командира Гавриила Федоровича Друненкова. Когда свершилась Октябрьская революция, Друненков был избран представителем в Петроградский областной комиссариат снабжения от Рождественского совдепа. Молодой большевик доставлял в голодный Петроград вагоны с продовольствием; а домой, где был такой же голод, приносил только «зарплата»

# ИЗ РЕВОЛЮЦИИ

СЛЕДОПЫТСКИЙ  
ТЕЛЕГРАФ



ту» — не сколько горстей крупы, сколько полагалось, и ни крупинки больше...

Знала жена, знала мать, что был он послан в Уфимскую губернию — конфисковать зерно у кулаков. Было от него одно письмо... Где только ни пытались родные отыскать хоть какие-то сведения о нем — как в воду канул...

На след командира Петроградского продовольственного отряда № 799 Гавриила Друненкова спустя полвека вышли следопыты деревни Кашкалаши вместе со своим руководителем В. И. Киряковым. Старожил Сабир Бикмеев, дом которого стоял против сельсовета, был свидетелем того, как кулаки из банды «Черный орел» привезли в село двух продзаготовителей и замучили их. Сабир приказано было увезти их тела по Уфимской дороге.

На старом кладбище в селе Языково, где похоронили Друненкова, долгие десятилетия лежала безымянная плита с отчетливо выбитыми серпом и молотом.

Следопыты восстановили еще одно имя из большой армии тех, кто защищал революцию и Советскую власть.

● Более полувека назад на берегу горной речки Зеравшан погиб в неравном бою с басмачами красноармейский отряд. На берегу реки, у кишлака Урмитан воздвигнут памятник борцам за Советскую власть в Таджикистане. Следопыты Урмитана устанавливают имена красноармейцев, ведут розыск родных и близких.

● Музей Ваана Терьяна — армянского «буревестника», поэта-большевика, участника трех революций в России — создан в 24-й школе Оренбурга, где оборвался в 1920 году жизненный путь Терьяна. Одна из улиц города названа его именем, открыт памятник. Местными краеведами выпущена книга, рассказывающая о Терьяне, — «Первые».

● В Ачинске открыт памятник Петру Ефимовичу Щетинкину — начальнику партизанского отряда, а позднее — уголовного розыска в Ачинске; этого чекиста-большевика называют «сибирским Чапаевым». Следопыты ачинской школы № 4 ведут сбор материалов о П. Е. Щетинкине.

## В штабе В. И. Чапаева

Село Красный Яр... Здесь летом 1919 года в течение нескольких дней находился полевой штаб чапаевской дивизии. Сам Василий Иванович командовал переправой через реку Белую, готовя дивизию к штурму Уфы. В ночь на 8 июня он был ранен. В помещении штаба врач В. М. Жемков оказал комдиву первую помощь (на снимке).

Дом чапаевского штаба уже 45 лет — музей, сначала — народный, а теперь — филиал Уфимского историко-революционного музея. Все вещи в нем — подлинные, времен Чапая.

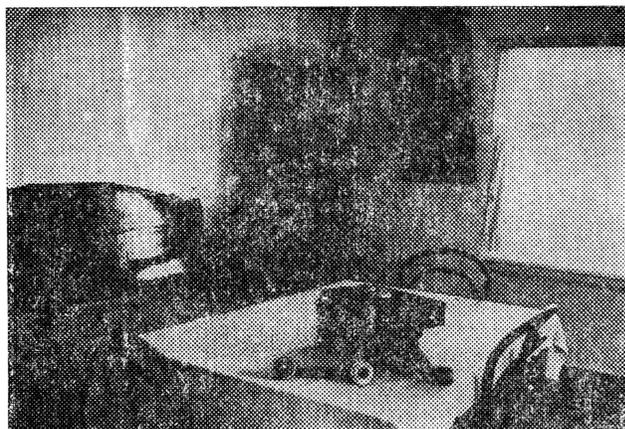


Фото и фоторепродукция  
И. Горячева



**Юрий ОРЛИЦКИЙ**

Фото и слайды на вкладке —  
Александра Стальнова

# ТИГР — КАКОГО ЦВЕТА?

Есть художники, произведения которых всегда безошибочно узнаешь на выставке: у них свой стиль, своя манера, своя излюбленная тема. К таким, бесспорно, относится молодой куйбышевский график Евгений Бабушкин — автор необычных, ярких листов, где оживают герои мифов и сказаний народов мира.

Бабушкин — меньше всего иллюстратор. Он скорее — ученый-исследователь, старающийся проникнуть в самую суть рассказываемого, а порой — сам сказитель, как бы реконструирующий разрушившуюся за века связь образов, сюжетов, мотивов.

Понятно, что для такой работы художнику необходимо глубокое и всестороннее знание культуры разных народов мира. И Бабушкина можно застать с книгой в руках не реже, а, пожалуй, чаще, чем с кистью около планшета: художник стремится быть в своих работах максимально точным, особенно в передаче этнографических деталей: костюма, орнамента, характерных для той или иной культуры, цветовой гаммы.

Такое стремление к точности при работе с фантастическим, сказочным материалом может показаться парадоксальным. Но как раз это сочетание и делает Бабушкина тем, кто он есть, — художником-исследователем, «смирняющим» полет фантазии скрупулезным анализом того немногочисленного, благодаря чему мы можем сегодня представить себе, как жили, во что верили, о чем мечтали далекие предки.

Именно — далекие. Рассматривая одну за другой серии Бабушкина, обращаешь внимание на его интерес к тому, что ученые называют «архаическим фондом» мифологии — к преданиям и мифам, созданным народами на самой ранней стадии их духовной жизни. Вот серия, посвященная древнемордовской мифологии... Вот герои раннескандинавского эпоса, африканских сказок, персонажи мифов вьетнамских народов мэо и эдэ... А вот и боги древ-

них славян — Сварог, Лада, Велес, Дажьбог...

Может показаться, что художник «разбрасывается», берясь за такой разнородный материал. Но это не так — ведь современные ученые доказали, что в духовной культуре самых географически отдаленных народов на ранних этапах развития поразительно много общих черт.

Надо сказать, что сам Бабушкин объясняет свой интерес к фольклору и мифологии просто: «Без них невозможно понять истоков нашей, русской культуры».

Много дали Бабушкину литература и изобразительное искусство народов Востока. Он говорит, что именно восточные сказания с их непривычной, причудливой фантастикой особенно привлекли его в детстве. А свою собственную манеру письма (плоскостную, двухмерную) и его технику (гуашь по бумаге) он «нашел», побывав на выставке монгольского искусства.

«Мне всегда казалось, — рассказывает художник, — что для изображения мифологических персонажей двухмерное пространство подходит гораздо больше, оно как бы подчеркивает их условность, фантастичность. Еще в художественной школе я нередко спорил по этому поводу с педагогами. Но боялся одного — что мои двухмерные герои будут статичными, «неживыми». А монголы доказали мне, что дело тут только в мастерстве: их герои не менее динамичны, чем персонажи европейской живописи».

Требование динамичности героев особенно важно для Бабушкина: ведь большинство его работ — это портреты (если, конечно, можно назвать так изображения персонажей, существовавших только в сознании людей, да и то в доисторические времена). Именно портреты, а не изображения идолов, олицетворяющих ту или иную силу природы. Бабушкин наделяет своих героев одухотворенным взглядом, индивидуальным характером; по его работам нетрудно представить, как эти

герои двигаются, как говорят, о чем думают. Нередко ловишь себя на мысли, что эти глаза бабушкинской русалки не раз видел где-то на улице, вон тот домовый напоминает тебе собственного соседа, а уж у kota точно взгляд самого Евгения. Но это, наверное, неизбежно — настоящий художник всегда принадлежит своему времени, и каким бы экзотическим ни был предмет его творческих интересов, в нем всегда отразится — пусть преломленно — и это время, и сам художник.

А экзотики Бабушкину не занимать. Вот, скажем, вьетнамский волшебный тигр. Какого он «был» цвета — нигде не сказано. Но ведь волшебный же, а значит — не такой, как в жизни. И тотчас всплывает в центре новой работы художника яркое, необычное пятно. «Всегда поражаюсь, — говорит Бабушкин, — что же волшебного находят в превращениях Золушки или, скажем, ее мышей, тыквы... Ведь только масштаб меняется, и все. Почему хотя бы не превратить тыкву — в лошадей, а мышью — в карету? И то бы интересней, «волшебней» было!..»

Его герои при всей их индивидуальности лишены бытовых атрибутов. Даже когда перед нами не отдельные персонажи, а мифологические сцены — например, в замечательной серии по мотивам чукотского и эскимосского эпоса. Здесь действуют не только похожие на людей существа, олицетворяющие силы природы, но и сами творцы сказаний; художник пытается воссоздать на листах серии атмосферу рождения мифа — суровую и загадочную.

А рядом с этой серией — домовые, лешие, кикиморы, русалки из серии «Языческие сны русского народа». Вроде бы забавные, смешные даже, но никакой фамильярности в обращении с собой не позволяющие. Это о них написал в своей книге очерков о народной эстетике Василий Белов: «Традиционные народные поверия, освеженные богатым воображением, совмещаясь с реаль-



### МАСЛЕНИЦА.

Из серии «Русские крестьянские праздники».

ными впечатлениями, создавали полуфантастические образы поэтического сознания... Народная жизнь без поэзии непредставима, но там, где все ясно и все объяснимо, поэзия исчезает, и ее тотчас замещает потрясающе тусклый рационализм». И далее: «Люди не стыдились своей фантазии». Слова эти в полной мере применимы к Евгению Бабушкину, его творчеству, питаемому народной традицией, помноженной на точное

научное знание.

Вот и сейчас, работая параллельно над двумя новыми сериями — калмыцкой и якутской, он то и дело отрывается от загрунтованной бумаги, чтобы проверить свою фантазию книжной премудростью: без этого современному художнику нельзя.

...А волшебный тигр на его новом листе — голубой!..

Лист из серии «САМАРСКИЕ ЧУДИЩА».



«ЧУКОТСКИЕ И ЭСКИМОССКИЕ СКАЗАНИЯ». Лист из серии.



Лист из серии «САМАРСКИЕ СКАЗКИ».



ВЯЙНЯМЁЙНЕН. Из серии «Калевала».



ВЕЛЕС. РОД. Из серии «Славянский пантеон».



КОТ БАЮН ИЗ ЧУЖИХ КРАЕВ.



Рис. А. Хованского



# ВРЕМЕННО ИСПОЛНЯЮЩИЙ

Вадим ДАНИЛОВ

Рисунки А. Банных

**1**

Утром, чуть свет, расколосось небо, и миллион его осколков, острых, огненных, грохочущих, обрушился на землю. Не стало неба и не стало рассвета. Все перемешалось. Качалась земля, будто били в нее гигантской кувалдой. Бомбовые удары то нарастали, то становились реже и глуше, но не стихали совсем, а накатывались снова. С ними вместе накатывались разрывы тяжелых снарядов и мин. И так раз за разом, пока ухающие, свистящие и скрежещущие звуки не соединились в один и удар всех снарядов и бомб не угодил точно в цель. Такой целью Синельников представлялся пологий склон высоты, на котором стояли его орудия, и ему казалось, что в них летят все бомбы и все снаряды. И когда взрыв одной из бомб повалил Синельникова и наступила оглушительная тишина, он решил, что это и есть конец...

Ушли бомбардировщики, отгремела канонада. Пыльный купол, образовавшийся вместо неба, понемногу оседал и рассеивался. Синельников выкарабкался из полуобвалившейся щели, помотал головой и, отплеываясь, процедил:

— Жить тошно и помирать страшно.

У соседнего слева, резко накренившегося и уткнувшегося стволом в землю орудия санинструктор Васинский с трудом поднимал кого-то и пытался поставить на ноги. Два других бойца орудийного расчета, судя по всему, были убиты.

---

*Вадим Леонидович Данилов родился в 1923 году в Уфе, в семье военнослужащего. Среднюю школу закончил в Челябинске в 1941 году и сразу же ушел в армию. После учебы в артиллерийском училище воевал на Воронежском, 1-м и 4-м Украинских фронтах. Был награжден боевыми орденами и медалями. Службу в армии закончил в 1948 году и поступил на факультет журналистики Уральского государственного университета.*

*Работал в газете «Уральский рабочий». С 1966 года корреспондент газеты «Правда».*

*Публикуемая повесть — первое крупное произведение.*

Журнальный вариант

У соседней справа пушки наводчик Шафигуллин крутил панораму, замковый поправлял и крепил станину — там, наверное, все было в порядке. Уцелело и орудие, возле которого бомбежка застала Синельникова. Он тронул за плечо лежащего рядом бойца:

— Лебеденков, жив? Вставай... Слышь, Лебеденков!

Боец не шевелился. Младший лейтенант перевернул его на спину. Широко раскрытые глаза тоскливо смотрели на командира взвода, из черного рта выплескивался едва слышный однотонный звук.

— Ты что, ранен или оглох?

Лебеденков выплюнул землю и простонал:

— Не... Не могу.— Подбородок у него задрожал, слезы, стоявшие в глазах, покатались, промывая светлые полосы на щеках.— Не могу... Лучше сразу...

Синельников хотел было его поднять, трянуть что было сил, но не успел. Завопил санинструктор:

— Та-анки! — и бросился к командиру взвода то ли на помощь, то ли затем, чтобы спрятаться за орудийным щитом.

Танки выползали из-за высоты. Много танков. Синельников не считал их. Он только видел, что они движутся не куда-нибудь, а прямо на него, на четвертую батарею. Это не бомбежка. Это гораздо хуже. Это смерть... И не убежишь, потому что бежать нельзя. И не спросишь никого: как быть? Связи нет, не осталось даже обрывков проводов. Командир батареи далеко впереди, на наблюдательном пункте, от которого наверняка ничего не осталось, потому что не могла такая уйма танков пройти, минуя НП, не смахнув с пути передний край обороны. Значит, и переднего края нет. Ничего нет...

— Снаряд бери! — крикнул Синельников санинструктору.— И заряжай. Сам затвор открывай... Не жди!

Прильнув к окуляру панорамы, он поймал перекрестием ближайшее движущееся пятно и нажал спуск. Грохнул выстрел. Снаряд пропел где-то выше. Еще выстрел — и снова мимо. И еще

раз мимо. А танки — все ближе. Идут и выплевывают на ходу мгновенно гаснущие огненные языки. Благо, что на ходу, иначе разметали бы уже оба расчета. Один танк неожиданно крутанулся и встал — это Шафигуллин попал ему в гусеницу. Второй, шедший наискось и подставивший бок, потянул за собой густой шлейф дыма — на сей раз и Синельников не промахнулся.

Лебеденков очнулся, поднялся на колени, подполз к ящику со снарядами, взял один, встал и, пошатываясь, побрел к орудию — может, вспомнил, что числится заряжающим. Однако не дошел. Разрыв поднял столб земли, уложил наповал замкового из расчета Шафигуллина и заставил распластаться Лебеденкова. Через минуту он попытался встать, но руки не слушались и ноги — тоже. При каждом выстреле голова вскидывалась, как от удара в подбородок.

— Я сейчас... — говорил он.

Но никто не слышал его.

И тогда младший лейтенант отчетливо увидел, что танки направлялись с самого начала вовсе не на него, не на четвертую батарею, а значительно левее, должно быть, к начинающемуся в километре отсюда шоссе. Видимо, уходящее на восток шоссе, а не ошестившаяся внезапно батарея, было их главной целью. Туда они и устремились теперь, прибавив ходу.

Две пушки продолжали вести огонь вслед им, но недолго, потому что Шафигуллину пришлось работать одному за целый расчет, а у Синельникова кончились снаряды. Надо было подтащить их из дальнего окопа. И не по штуке надо таскать, а ящиками. Но кто подтащит?

«Да и бесполезно стрелять. Далеко ведь», — успокоившись, подумал вдруг в утешение себе Синельников и тут же спохватился: бесполезно было стрелять и в то время, когда танки только появились на высоте, а он, ошалевший, палил в белый свет. Сам два месяца назад в лагере, где формировалась дивизия, учил брйцов, что танки надо подпускать поближе, на дистанцию прямого выстрела. Учил, внушал, требовал. И самым понятливым, исполнительным учеником был размазывающий сейчас грязь по щекам, скрючившийся у его ног Лебеденков...

На шестую гаубичную батарею бронированная колонна вышла в тот момент, когда артиллеристы снимались с огневой позиции. Командир батареи старший лейтенант Павелъев находился на наблюдательном пункте, однако успел передать приказ огневым взводам переместиться на полкилометра вперед и приготовиться к стрельбе прямой наводкой. Из-за бомбежки выполнить

приказ вовремя не смогли, только теперь одно орудие прицепили к трактору, три остальных поставили на передки.

Трактор вспыхнул сразу же, как только показался и выстрелил головной танк. Две гаубицы, у которых расчеты были попроворнее, удалось развернуть, два других расчета залегли, полетели гранаты. Но было поздно. Навалился гусеничный ляг и рев моторов. Взметнулись чадные языки пламени еще от трех тракторов. Узкая лощина покрылась разрывами. Неумолчный, надсадный гул, истошные выкрики заполнили все вокруг.

Одновременно начался бой на участке пятой батареи, занимавшей тот же рубеж, что и четвертая, только севернее. Пушки ее стояли в глубоких, перекрытых бревнами окопах и едва просматривались на выжженном, вспаханном бомбами поле. Поэтому немцы обнаружили их, лишь приблизившись метров на триста, словно споткнулись о невесть откуда звывуюся преграду. Неведомая преграда ожила, осветилась звонкими вспышками. Выстрел за выстрелом — и два танка задымались. Один из них тут же с сотрясающим землю грохотом взорвался, высоко взметнув столб огня и дыма. Башня его поднялась, перевернулась в воздухе и шлепнулась в стороне.

Выпущенные танками снаряды рвались над брустверах, разбивали в щепки уложенные над окопами в три наката бревна, а пушки «ЗИС-3», не смолкая, палили. И лейтенант Ватолин, видевший до того только части нацеленных в его глаза орудий и готовые раздавить его гусеницы, впервые заметил, что расстояние между батареями и вражескими танками не становится меньше, хотя, кажется, чего бы стоило им вмиг проглотить эти сотни метров... И подумал, что, может, и не в силах они проглотить, что-то мешает им...

Накануне, поздно вечером, Ватолина, крепко спавшего на большой охапке травы под шинелью, разбудил телефонист и, протянув трубку, с придыханием шепнул в самое ухо:

— Начальник штаба требуют.

Едва успев подумать, с чего вдруг начальнику штаба дивизиона понадобился командир огневого взвода, Ватолин услышал бесстрастный голос старшего лейтенанта Хабарова:

— Ваш хозяин (значит — командир батареи) ранен. Эвакуирован уже. Вы остаетесь за него. Готовьтесь прибыть на вышку (на наблюдательный пункт).

— Сейчас прибыть? — упавшим голосом спросил Ватолин. Его смутило не ранение командира: ранен — еще не убит. Смутило то, что неожиданно свалилась на него такая забота. А главное, придется идти на НП, там поблизости ко-

мандный пункт дивизиона, сам командир дивизиона будет каждодневно видеть и вызывать, всякого начальства пропасть.

— Скажем, когда прибить,— ответил Хабаров. И у Ватолина отлегло немного от сердца: протянут, глядишь, до завтра, а там что-нибудь случится, кого-нибудь другого назначат.

Ночью его не вызвали, а утром начался бой, оборвалась связь.

...Слева глухо рвануло — и ни одного свистящего осколка: вражеский снаряд угодил под перекрытие окопа третьего орудия и там разорвался. Тяжелое перекрытие рухнуло, похоронив мертвых и живых. Не стало второго расчета и орудия. Одно вышло из строя еще на рассвете от прямого попадания бомбы.

Вскоре смолкла и крайняя слева пушка — четвертая по порядковому номеру. Ватолин глянул в ее сторону: не случилось ли что? А потом спохватился: ведь молчит и пушка, стоящая возле него, и ...немцы молчат. Командир первого орудия сержант Плотников протянул:

— Снарядов мало осталось. Побережь бы...

Сказал спокойно, как говорил чуть не ежедневно о нехватке надежных бревен для оборудования землянок и орудийных блиндажей.

Фашистские танки между тем попятились и открыли огонь не по батарее, а мимо нее.

— Смотрите, никак наши! — вскочил наводчик. — Танки наши!

Плотников тоже поднялся.

— Не танки, а самоходки, — поправил он все

так же спокойно, не меняя интонации. — Маловато только. А ну подмогнем, теперь снаряды можно не беречь.

И батарея из двух 76-миллиметровых пушек «ЗИС-3» заговорила снова.

Через полчаса Ватолин и Плотников сидели на ящиках из-под снарядов. Сержант тянул огромную самокрутку.

— Дайте-ка и мне, — попросил лейтенант. Он обращался к командиру орудия на «вы» по причине разницы в возрасте примерно лет на семь, а еще потому, что командир орудия был обстрелянным бойцом, прошедшим финскую кампанию.

Плотников свернул сигарку опять же немалой длины, прижег ее от своей и, протянув лейтенанту, заметил:

— Не видел я, чтобы вы курили.

— Не приходилось пока.

— А вот пришлось. Ничего... И вина, поди, не пробовали?

— Пробовал, — насутился Ватолин. — Давно. Год тому назад.

— Да-а, — вздохнул сержант. — Год тому назад...

Гарь от чадившего в поле танка потянуло на запад — с востока набежал ветерок, а за ним — облака, сначала редкие и прозрачные, потом густые и темные, заслоняющие солнце. Тучи пошли низко, словно присматриваясь, где бы пролиться дождем. Первые тяжелые капли взметнули фонтанчики черной пыли. Зашумел, забарабанил ливень.



Бойцы, сидевшие возле окопов, и Ватолин с Плотниковым не тронулись с места, только принимали кто пилотку, кто каску, подставив головы теплomu дождевому потоку.

## 2

Дотла сгорел клин, раздвинувший было оборону стрелковой дивизии. Фашистская пехота, лишившись броневого кулака, продвинулась на двести метров, залегла и не встала больше. Атака захлебнулась. Части оборонявшейся дивизии остались на прежней позиции по всей линии переднего края, протянувшегося на западном берегу реки, по развалинам городской окраины — Атуевки.

Позиция невыгодная: впереди — хоть небольшой, но подъем, за спиной — речка и крутой берег. С точки зрения тактики следовало бы, наоборот, не защищать эту позицию, а отойти с легким сердцем и отойти на высоту. Но тактика и на войне не всему голова. Атуевка — часть города, большого города, не значащегося среди оставленных врагу. И не будет значиться, пока хоть один квартал, одну улицу Атуевки занимают советские войска.

О тех, кто умирал здесь, говорили: «Они погибли за город такой-то». Счет шел на дома и домишки, на метры. Защищавшие руины, не рассуждая, готовы были следовать любому приказу, им и без рассуждений было ясно, что каждая торчащая, как обгоревший крест, труба — рубеж, оставлять который они не имеют права. Этот рубеж может стать поворотным.

Не всем солдатам, видевшим, как заслоняют свет крылья фашистских бомбардировщиков, выпускавшим последний снаряд из последней уцелевшей пушки по надвигающимся танкам, приходило в голову, что и врагу сегодня не сладко, что споткнулся он наконец и залег, что пробует приподняться, но давит его к земле наш огонь. И заслоняющих свет крыльев сегодня меньше, чем вчера, и сраженный последним снарядом танк уже не поползет завтра штурмовать последний край. Не каждый думал об этом, потому что бомбардировщики по-прежнему шли и шли на восток и танки еще рвались вперед, напролом. Враг казался неуязвимым, и его еще предстояло сразить.

Пусть неуязвимость кажущаяся — она все равно страшна и, может быть, опаснее реальной. О реальном, подлинном досконально известно лишь тому, кто сталкивался с ним, а кажущееся, мнимое доступно всем. Молва вмиг разне-

сет его по свету, и не так-то просто опровергнуть вымысел. Слова тут не помогут, слова — та же молва. Единственное средство разбить и развеять вымысел — устоять на рубеже, устоять любой ценой, наперекор всему, ухватиться накрепко хотя бы за последнюю улицу, за самый крайний ее дом.

...Сгорел фашистский танковый клин, и наша дивизия понесла большие потери. Недавно полностью укомплектованная, два месяца назад прибывшая на фронт, она теперь походила на соединение, прошедшее с тяжелыми боями неведь какой длинный путь. В стрелковых полках насчитывалась лишь треть личного состава, в артиллерийском — меньше половины. Расклевстан был второй дивизион, оказавшийся в полосе главного удара танков; в четвертой и пятой батареях осталось по две пушки, в шестой — одна гаубица. Погиб командир дивизиона. Почти полностью вышли из строя расчеты шести орудий и находившиеся в боевых порядках пехоты взводы управления батарей.

К вечеру в штаб второго дивизиона прибыл командир артиллерийского полка майор Машковцев, прискакал на рослом, сером в яблоках коне в сопровождении двух ординарцев — бравых ребят, вооруженных новенькими автоматами ППШ, и цеголеватого, туго перетянутого в поясе лейтенанта. Встретили майора начальник штаба Хабаров и командиры батарей: четвертой — Долгополых, шестой — Павелъев и исполняющий обязанности командира пятой батареи Ватолин. В таком порядке и выстроились у входа в штабную землянку.

Ливень давно прошел. Но под ногами стояли зеленовато-желтые лужи. Ползли тяжелые тучи, обещая новый дождь и тихое, без бомбежек утро.

Начальник штаба дивизиона отапортовал легко спрыгнувшему с седла командиру полка. Тот козырнул в ответ и, оглядев стоящих перед ним навтыжку командиров, процедил:

— О-орлы-ы...

Прошелся. Встал, расставив ноги и заложив руки за спину.

— Взять бы вот всех и — в штрафной батальон... Как? Не хочется? А тем, кто сегодня головы свои сложил, хотелось помирать?

Машковцев распаялся:

— Тактическая безграмотность! Преступная слепота! Разгильдяйство! Вот как я оцениваю сегодняшние ваши действия. Только так... И действия штаба тоже... — Он махнул рукой в сторону Хабарова. — Штаб тоже безруким оказался. Сидят, пишут...

Хабаров, вытянув руки по швам, смотрел, вскинув брови, куда-то вдаль, будто слова эти не

касались его. Потом спокойно, глядя все в ту же никому не видимую точку, попробовал возразить:

— В сложившейся утром обстановке мы пытались сделать все возможное. Однако сила бомбового и артиллерийского удара противника была подавляющей, даже если не учитывать его внезапность. К тому же командир...

— Вы мне лекцию не читайте! — перебил Машковцев. — Я сам грамотный и о силе удара лучше вас знаю... И о командире помалкивайте. Командир дивизиона честно пал на поле боя. Вы за все в ответе. Вы! Ясно?

— Ясно, товарищ майор, — все так же бесстрастно, не поворачивая головы, произнес начальник штаба.

Майор снова сделал несколько шагов вдоль заставшей шеренги командиров и обратился к Долгополых:

— Вы, старший лейтенант, докладываете, почему не рассредоточили батарею?

Долгополых глянул прямо в глаза начальству и переступил с ноги на ногу. Молодые бойцы называли его «дядя Вася Долгополых», должно быть, за возраст, за отсутствие командирской выправки и командирского голоса. В армию он был призван совсем, совсем недавно из запаса, на краткосрочных сборах в последний раз был давно, еще в мирное время, и заметно отличался от других: и от тех, кто воевал с сорок первого года, и от юнцов, пришедших в полк из училищ.

— Связь нарушилась... — начал он.

— Слушать не хочу про связь! — отрубил Машковцев. — Ссылками на проволоку не прикроешься, нет. Послать надо было кого-нибудь, самому бежать, на брюхе ползти, по воздуху лететь. Как угодно! А вы мне про связь...

Старший лейтенант Долгополых (как, впрочем, и командир полка) отлично понимал, что посылать кого-то на огневую позицию было бессмысленно — все равно не добрался бы, а если бы и добрался, то слишком поздно. И сам не имел права покидать наблюдательный пункт: тот же Машковцев обвинил бы его в дезертирстве. Что факт, то факт. Бесспорно, однако, и то, что яростная бомбежка чуть ли не полностью выбила орудийные расчеты, ранен один командир взвода, второму пришлось работать за наводчика, и работал он не ахти как. Это тоже факт, который одной только внезапностью и интенсивностью огня противника тоже не объяснить.

Чем же объяснить? Неопытностью бойцов? Краткосрочностью обучения их там, в тылу, во время формирования полка? Тем, что тот же Синельников только два месяца назад впервые увидел настоящую, боевую, а не учебную пушку и сегодня утром в первый раз столкнулся с враже-

скими танками? А кому эти объяснения теперь нужны? Во всяком случае, не командиру полка и не командиру батареи.

Майор уперся взглядом в командира шестой батареи Павельева:

— Докладывайте!

Старший лейтенант Павельев, державшийся обычно молодцом, заметный среди других уверенностью походки и жестов, выглядел неважно: ссутулился и потому казался ниже ростом, в глазах застыло выражение настороженного ожидания. Даже пилотка, всегда глаженная, лихо заломленная на самый висок, примялась и сидела на голове прямо, закрывая лоб. Нелегко, видимо, обошлись ему и бой и особенно свидание с батареей, вернее, с тем, что осталось от нее после боя.

На том месте, где была закрытая огневая позиция, он застал с десяток совершенно растерянных бойцов, едва начавших приходить в себя, пытавшихся помочь раненым, гадавших: то ли сейчас здесь же хоронить убитых, то ли ждать указаний? Единственное уцелевшее орудие стояло на передке, прицепленном к сгоревшему трактору.

— Или тоже про связь будете толковать? — продолжал, не дождавшись доклада, майор. — Три гаубицы угробили, подумать только... Позор, несмыываемый позор! Родина вам командирское звание дала, рабочий класс снабдил матчастью, а вы эту матчасть расшвыриваете, как пустые гильзы, дырявые, вонючие портянки... Нет, портянки вы не выбросите, прибережете, чтобы ножки не застудить. А гаубица — черт с ней... Так, что ли?

Павельев, уставившись под ноги, до синевы сжимая кулаки, молчал.

— И не прячьте глаза, — гремел майор. — Стойте, как положено стоять перед старшим начальником. Я вам не учитель в школе. Школа давно кончилась...

Дошла очередь до Ватолина. Командир полка впервые расцепил руки за спиной, тронул подбородок и указал пальцем на лейтенанта:

— Вы...

Лейтенант давно уже приготовился отрапортовать, что сознает свою вину в гибели целого расчета, погребенного под обломками перекрытия из тяжелых бревен, потерю двух пушек. Но командир полка не дал ему раскрыть рта.

— Вы будете командовать дивизионом.

Ватолин чуть было не обернулся: подумал, что кто-то стоит позади и слова эти относятся к тому, стоящему за его спиной. Но тяжелый взгляд прищуренных, усталых глаз Машковцева был обращен прямо на него.

— Сегодня же, сию минуту принимайте должность... Временно. О сегодняшних задачах вам

доложит начальник штаба, а завтра явитесь ко мне.

Командир полка вдел ногу в стремя, опустил-ся в седло, постоял недолго и подъехал к застывшей навтытяжку шеренге из четырех человек.

— Вот что запомните, Ватолин... Крепко запомните: вы командуете дивизионом. Ясно? Дивизионом, а не пятью стволами. Поняли?

Ошарашенный Ватолин только головой мотнул.

Кони командира полка и сопровождавших его храбрых ребят пошли рысью, разбрасывая копытами комья грязи. Возле блиндажа воцарилось безмолвие. Нарушил его тяжелым вздохом дядя Вася Долгополых:

— М-да, дела-а...

И снова, — тишина. Наконец начальник штаба обратился к Ватолину:

— Разрешите, товарищ лейтенант?

Обратился так, будто ничего неожиданного не произошло, будто давно уже он, выдавший виды, затянутый в довоенного выпуска ремни начальник штаба, состоит в подчинении этого растерянного, в почерневшей от копоти и пота гимнастерке лейтенанта.

— Что? Да-да, товарищ старший лейтенант... Конечно, — с натугой выдавил Ватолин.

— Командирам батарей, я думаю, следует вернуться на места, время не ждет, — отчеканил Хабаров. — А вас мне хотелось бы ввести в курс дел.

— Да-да, конечно.

Новый командир дивизиона с начальником штаба спустились в блиндаж.

## 3

Костя Ватолин, как и Семен Синельников, только два месяца назад впервые увидел настоящее боевое оружие в действии. Раньше не довелось: сам учился на не пригодных для стрельбы пушках давно устаревшего образца, потом в лагере, где формировалась дивизия, занимался с бойцами на деревянных макетах.

И в дивизию Ватолин с Синельниковым приехали в одно время, точнее, в один день, в одном «телячьем» вагоне, закончив за шесть месяцев артиллерийское училище, находившееся в эвакуации в старинном уральском городке, славившемся когда-то своими ярмарками.

В училище они были в одной батарее, в одном классном отделении, то есть взводе. Спали на одной двухэтажной койке. Синельников — внизу, Ватолин — сверху. Вверху было потеплее, однако Семен сам выбрал низ:

— Прыгать не надо.

А Ватолин лихо прыгал, как только дневальный с видимым удовольствием, словно в отместку за свою бессонную ночь, горланил: «Подъе-е-ем!»

Осень сорок первого года в тех краях выдалась теплой. И подыматься поутру было легко. День в поле и на полигоне под неостывшим еще солнышком проходил незаметно. Зато зима началась вьюгами и тридцатиградусными морозами. А училищные порядки остались неизменными: после подъема следовала команда «На зарядку становись!». Строились в одну шеренгу и голые по пояс бежали к речке с экзотическим названием Ница. Мороз свирепел, швырял навстречу острые, глубоко проникающие в тело иглы, сжимал горло, но скоро сдавался. На речке курсанты плескались водой из проруби, посыпали друг друга снегом — дурачились.

Мороз вовсе делался смиренным, когда батарея, позавтракав и построившись в колонну, маршировала с песней. Запевал Семен Синельников. Голос у него не очень звонкий, но слышался колонне хорошо. И первые ноты он брал так, что подхватить легко мог каждый. И в такт песне скрипел под ногами устилающий булыжную мостовую, рассыпающийся, как сахар, снег.

Рядом с колонной, чуть откинув вправо и назад голову, шагал старшина Павелев. Командовал он четко, нажимая на букву «р»: «Пр-равое плечо, вперед! Мар-рш!», «Шир-ре шаг!».

Старшина тоже курсант, но и большой начальник для всех прочих курсантов. Он может наложить взыскание — дать несколько нарядов вне очереди и даже посадить на гауптвахту, может сделать так, что жизнь у курсанта будет куда как вольготней или, наоборот, горше, чем у всех. Живет старшина в отдельной каморке: просыпается не по команде и спать ложится неведомо когда, в город ходит без увольнительной записки. Лейтенанты — командиры взводов — разговаривают с ним уважительно, угощают папиросами, и он перед лейтенантами не тянется по стойке «смирно».

Лейтенант Абакумов — командир взвода, в котором проходили курс артиллерийской науки Костя с Семеном, на полигон являлся вслед за батареей, сам руководил занятиями. Не столько, впрочем, руководил, сколько наблюдал и молчал. Он будто не замечал, что курсанты мерзнут, и виду не подавал, что самому не жарко, хотя одет он был едва ли теплее.

— На фронте труднее будет, — любил он говорить по поводу мороза и всяких курсантских тягот. Если же взвод вконец раскисал, Абакумов сочувственно спрашивал:

- Холодно?
- Холодно, товарищ лейтенант!
- Снять шинели! Бегом марш!

Сам тоже снимал шинель и бежал впереди. Через четверть часа щеки снова румянились. Но день только еще начинался и до обеда было ой как далеко...

Изрядное большинство курсантов во взводе, как и во всей батарее и, наверное, в дивизионе, составляли выпускники средних школ, за несколько дней до войны закончившие десятилетку, и несколько студентов начальных курсов институтов. Люди грамотные, легко постигавшие теорию артиллерийской стрельбы. Поэтому Абакумов на теорию не налегал, гнул свою линию: старался за полгода сделать из штатских ребят настоящих военных, и не просто военных, а командиров.

Час обеденный — желанный час. Но не только потому, что он обеденный. Зимой в пятом часу вечера уже темнеет, поэтому занятия во второй половине дня проходили обычно в помещении: в классе или на миниатюр-полигоне. Совсем иное дело, чем топтаться на снегу, — сидеть возле жарко натопленной голландки, наблюдать в бинокль за обозначениями условных разрывов на макете и подавать команду на существующую батарею:

— ...Один снаряд, огонь!

— Вы-ыстрел! — это руководитель занятий майор Виноградский давал знать, что батарея команду приняла и выполнила. Помедлив, он сообщал:

— Клевок, клевок...

«Клевок» — значит, дистанционный снаряд разорвался на земле, а не в воздухе, как положено ему, значит, в прицел или уровень надо внести поправку. Снова команда и снова условные разрывы. И так до тех пор, пока цель не пристреляна.

— Теперь долби что есть силы! — одобрительно рокотал майор Виноградский. — Батарея, четыре снаряда, беглый огонь!

И вызывал к макету другого курсанта:

— Цель — пулемет, вот он. Батарея здесь, НП — тут. Задача ясна?

Надо было за сорок секунд закончить глазомерную подготовку исходных данных для стрельбы и подать команду. Сорок секунд — предел. Майор требовал укладываться в двадцать, более того, открывать огонь немедленно.

— Время, время! — подгонял он задумавшегося над задачей курсанта. — Долго считаешь. За это время пулемет роту целую уложит.

Майор тоже гнул свою линию: о баллистике и метеорологических условиях рассказывал мало —

только самое необходимое, нажимая на умение мгновенно ориентироваться в обстановке, быстро наводить орудие в цель и пристреливаться.

В те ноябрьско-декабрьские дни главными были сообщения о боях за Москву. Их слушали всякий раз, как только передавало радио, а ждали одного — победного, все были уверены, что другого в конце концов быть не может. И оно, это сообщение о разгроме гитлеровских войск под Москвой, пришло. Теплым стал этот день, хотя стужа и не ослабевала, но солнце, казалось, светило дольше, и лейтенант Абакумов, отчитывая кого-то за недостаточную выправку, улыбался...

Ватолин и Синельников в белье, босые сидели на нижней койке. Синельников отчаянно, до хруста в скулах, зевал, однако придерживал Костю, собравшего лезть к себе наверх.

— Пстой же... Попрут теперь наши, верно?

— Попрут...

— Сначала без передыху до Смоленска, потом — до границы. И на других фронтах — тоже... А мы тут строевым вышагиваем. Так к шапочному разбору и попадем.

— Строевой тоже нужен, — похлопывая Семёна по спине, весело отвечал Костя. — Для парада пригодится.

## 4

Мрачен декабрь. И дни в нем самые короткие, и сменившие осеннюю непогоду морозы неприятно свирепы, и набирающие зимний разбег ветры особенно порывисты.

За узким окном казармы снег был чист, и заступившему в ночную смену дневальному курсанту Ватолину он казался красивым. Ватолин потоптался возле окна, окинул еще раз взглядом празднично-белую пустынную улицу, прислушался к храпу за стеной, вернулся к столу и сел писать письмо домой, тетке Полине Павловне, — лучшего времени, чем часы ночного дежурства, для такого дела не придумаешь. «Здравствуй, Поля!» — начал он, потом, подумав, взял другой листок бумаги и начал снова: «Здравствуй, дорогая Полюшка!»

Костя был младше тетки всего на пять лет, относился к ней скорее как к сестре и называл «Поля» и «Полюшка» — так же, как называли ее Костина покойница-мать и Костин отец — Полин брат. Сейчас Поля осталась совсем одна в большой квартире: брат, паровозный машинист, постоянно в отъезде, муж-политрук — под Москвой, племянник Костя служит недалеко, но тоже как за тридевять земель. Костя совершенно отчетли-

во представил, как она будет читать его письмо, сидя в гостиной на диване, гладко причесанная, со стянутой сзади короткой метелкой волос, с чуть вздернутым, как у всех Ватолиных, носом и большеглазая. А в глазах светлая, с огоньками ночь...

Костя сообщил, что учеба идет успешно, живет он хорошо, сыт и тепло одет, так что беспокоиться о нем не надо. И у Юры Павельева все обстоит отлично: строгий он старшина, и в армии иначе нельзя, тем более в такое грозное время.

Ватолину хотелось спросить Полю — не встречается ли она Киру Озерову и поступила ли та в институт? — но не стал спрашивать, потому что, во-первых, тетка непременно кинется разыскивать Киру и, разыскав, скажет, что Костя ею интересуется, а это вовсе ни к чему. А во-вторых, Поля могла удивиться: с чего это Костя спрашивается о Кире у нее, сам мог бы ей написать, да и Юра Павельев с ним рядом, а Юре должно быть все известно.

Павельеву, конечно, известно, только не спросит его ни о чем Ватолин. Они дружили, несмотря на то, что Юрий был на два года старше и в школе учился классом впереди. Эта разница скрадывалась общностью интересов: оба играли в одной футбольной команде, выходили победителями в школьных соревнованиях по стрельбе из малокалиберной винтовки, руководили оборонными кружками, считались знатоками военного дела. Вернее, знатоком считался Павельев, а Ватолин — лучшим его учеником. И Костя не обижался: ученик так ученик. У такого учителя быть учеником не зазорно. Юрий всюду главенствовал и был в школе весьма заметной фигурой.

Он во всем разбирался и все знал. Знал поименно всех советских футболистов, игравших с командой басков, и кто будет очередным соперником Джо Луиса в матче за звание абсолютного чемпиона мира по боксу, и какую новую песенку поет сейчас за границей Александр Вертинский. Знал, что говорят «в самом верху» о последней постановке Московского художественного театра и чем опасно Мюнхенское соглашение англо-французских правительств с Гитлером. Он знал, наконец, как будет протекать будущая неизбежная, по его мнению, война.

— Будущая война — война моторов, — говорил Юрий окружавшим его на перемене школьникам. — Это надо помнить. Кто силен в воздухе, тот в наше время силен вообще. Вот представьте себе: колоссальной силы удар с воздуха до основания потрясет и сокрушит жизненно важные экономические центры нашего предполагаемого противника, допустим, той же Германии. И все.

Война будет скоротечной, победим малой кровью.

Если кто-нибудь пытался возразить, Юрий приводил дополнительные аргументы в пользу грядущей быстрой победы: необозримые пространства Советского Союза, огромная численность населения страны.

— А наш промышленный иммунитет, — небрежно бросал он в ответ скептику. — Забыл? Он сыграл решающую роль.

И скептик умолял, не зная, что это такое.

Костя соглашался с Павельевым, вернее, придерживался точно таких же взглядов. Они казались абсолютно доказанными и совершенно бесспорными. Их и защищать-то, собственно, было незачем. Однажды об одной из таких бесед Костя рассказал отцу. Тот неопределенно хмыкнул и заметил:

— Стратег, видно, твой Юрка.

— Стратег, — обрадованно согласился сын. — И организатор какой!

«Голова!» — было первым, что сказал Костя о своем приятеле Кире Озеровой. Кира, бойкая, модно одетая девочка, неожиданно рассмеялась:

— А ты не голова?

— Я? Куда мне... Я не умею, как Юрка, ни организовать, ни сказать...

Они возвращались вдвоем к Кириному дому по огороженной низкорослым кустарником дорожке городского сквера. Спустились сумерки. Прозвенел, скрипнул на повороте трамвай, и стало совсем тихо. Кира остановилась, притронувшись к его руке, сказала:

— Все ты умеешь... Только несмелый ты.

Вскоре собрались у Кириной подружки, устраивавшей с разрешения родителей вечеринку знакомых по школе — не всех, конечно, а избранных. Танцевали под патефон, под «Брызги шампанского» и песенки, исполняемые Изабеллой Юрьевой, Георгием Виноградовым, Вадимом Козиним. Павельев весь вечер танцевал с Кирой, и она, улыбаясь, охотно вставала навстречу, когда он приглашал ее. А Костя не танцевал, потому что стеснялся, считал, что танцует хуже всех и все, глядя на него, будут смеяться.

Кира раз подошла к нему, спросила:

— Почему букой смотришь?

— Куда уж мне... Несмелый я.

Кира закусил губу и отвернулась.

Натанцевавшись, сидели и слушали патефон. В неторопливо-грустную мелодию ворвался восторженный девичий голосок:

— А вы слышали про Указ о новых Героях Советского Союза? Сразу четверо... Вот здорово!

— За Халхин-Гол им дали, — пояснил, осведомленный как всегда во всем, Юрий. — За бои в районе Баян-Цаган.

Компания уважительно слушала, тем более что никто не знал, что такое Баин-Цаган. Докрутившуюся до конца пластинку не стали менять. Юрий продолжил:

— Повезло ребятам.

Кажется, впервые Костя возразил другу:

— Что значит «повезло»? Можно подумать — крупный выигрыш на облигацию выпал. А отвага, а выучка ни при чем?

Павельев помолчал самую малость.

— И выигрыш, если хочешь. Только не на облигацию. Отвага и выучка нужны, кто спорит. Но и удача нужна, стечение благоприятных обстоятельств требуется. Нужно, чтобы начальство тебя заметило, поставило задачу помасштабнее, создало условия, а потом по-настоящему оценило бы твои заслуги. А то ведь и медаль «За отвагу» есть, можно и ею вместо Золотой Звезды награждать. Ты думаешь, эти четверо отважнее и сильнее других? Не-ет, ошибаешься. Много таких. Но одни на виду, одним везет, а другие в тени, их не замечают.

Ватолин вскочил.

— Выходит, героев начальники делают?! Да ты... Да ты знаешь...

Он задышался от негодования, кипятился и размахивал руками. Павельев, наоборот, был спокоен, как человек, уверенный в своей правоте. Он терпеливо слушал, засунув руки в карманы. И когда Костя успокоился немного, тихо сказал:

— Допустим, я не знаю. А ты что знаешь? Откуда ты знаешь? Из газет, из кино? Не обо всем в газетах пишут, и пишут то, что велено писать. Подрастешь — сам убедишься.

Это «подрастешь» вызвало оживление. Кто-то фыркнул, кто-то откровенно рассмеялся. И Кира, опустив голову, улыбалась краешками губ. Костя с трудом дождался конца вечеринки и ушел с нее один.

В июне Павельев сдал выпускные экзамены и уехал в военное училище. Костя с Полей лето провели в деревне — у ее давнишних знакомых, а вернувшись, он узнал, что Кира перевелась в другую школу, поближе к дому. «Зачем понадобилось перед десятым-то классом?» — удивился и тут же подумал: «А мне какое дело, меня ее поступки не касаются». Но легче от этой мысли не стало.

Старая компания собралась встретиться в складчину 1941 год. Костя принял приглашение и получил от Поля целых семь рублей: пять рублей — взнос, а два — на непредвиденные расходы. Пришел он в десять вечера и попал в обстановку таинственной торжественности: электричество было погашено, горели свечи, по углам — темные, огромные тени ползли по стенам, бутылки на сто-

ле поблескивали желтоватым колыхающимся светом. Немудренный этот ритуал придумали специально, чтобы ознаменовать начало нового десятилетия. Хотелось в новом десятилетии чего-то необыкновенного...

Костя осмелился потанцевать и вдруг уверенно повел партнершу... Повернувшись в очередной раз, увидел прямо перед собой стоявшую в двери, только что, видимо, вошедшую Киру. В новом модном платье, с голубой лентой в волосах, в колеблющемся неярком свете, образующем легкие тени под чуточку раскосыми глазами, она казалась очень красивой.

Костя смутился, пробормотал: «Здравствуй», тут же столкнулся с другой танцующей парой и, когда танец кончился, прочно устроился на диване у затемненной стены. Вставал только раза два, когда провозглашались очередные тосты.

Кира подошла сама, села рядом и спросила:

— Куда собираешься поступать? Тоже в военное училище?

Костя сжался: «Почему «тоже»? Как твой Юрка, что ли?» Это было невыносимо — чувствовать ее рядом, думающую о другом.

— Не знаю еще, — ответил он, хотя его твердое намерение идти в артиллерию было всем известно.

Она коснулась пальцем его плеча и заглянула в глаза.

— Неужели передумал?

«Может, все не так, как мне кажется», — мелькнула мысль, но сразу же Костя увидел самого себя, размахивающего руками, заикающегося от возбуждения, и величественно-спокойного, насмешливого Юрку и опустившую голову, чтобы спрятать улыбку, Киру...

Патефон голосом Георгия Виноградова пел:

Вам возвращая ваш портрет,

Я о любви вас не молю...

Она поднялась, постояла несколько секунд, ее пригласили танцевать...

Когда началась война, отец написал Полине: «Костя пусть сейчас же просится в армию. В тылу с его образованием он никому не нужен, только на фронте и место здоровому парню. Если, паче чаяния, его не будут брать, можно обратиться к секретарю горкома, который хорошо меня знает».

Но Ватолина взяли без протекции. Через неделю поздно вечером он, чмокнув в мокрую щеку тетку, сел в поезд, а рано утром был на месте.

Еще через день Ватолин, помывшийся в бане, постриженный под машинку, обмундированный, стоял в толпе гудящих, неуклюжих в непривычном одеянии, абсолютно схожих юнцов. И внезапно услышал хорошо знакомый командирский голос: «Внимание, товарищи курсанты!» То был

голос Юрки Павельева. Ватолин очень обрадовался. Встретить в чужом городе почти близкого человека — это ли не удача?

...Костя закончил письмо, свернул его, положил в конверт — один из тех, что прислала Поля, и сунул в карман. Сладко потянулся. Батарее осталось спать час. Скоро он прокричит: «Подъем!», сдаст дежурство второму дневальному, позавтракает и — на боковую, пока все будут мерзнуть на полигоне.

...Уезжать должны были Павельев, Ватолин и Синельников в одной теплушке. Однако накануне отъезда бывший старшина, ныне лейтенант Павельев объявил:

— Мне разрешили на три дня домой заглянуть. Стариков надо навестить. — Помедлив, добавил: — И Кира звала.

Поезд уходил метельной февральской ночью. Костя с Семеном грелись у железной печки, сидя на поленьях. Семен говорил:

— Ничего-о... После войны поедем ко мне домой в мягком вагоне. Я уступлю тебе верхнюю полку.

## 5

Мало что понял только что ставший командиром дивизиона лейтенант Ватолин из доклада своего начальника штаба. Фронт обороны, зона огневого обеспечения, НЗО (неподвижный заградительный огонь), ПЗО (подвижной заградительный огонь), БК (боевой комплект боеприпасов)... Обо всем этом он знал, слышал в лекциях майора Виноградского, а сейчас с трудом представлял, где должны находиться участки этих НЗО и ПЗО, и зачем они нужны, и какие конкретно выводы следуют из того, что от БК в дивизионе осталась едва треть.

В училище на эти вопросы он ответил бы, не раздумывая, и самый строгий преподаватель не смог бы найти изъяна в ответе, а тут надо командовать, давать четкие, не подлежащие обсуждению указания, вроде тех, что давал бывший командир дивизиона.

— В создавшейся обстановке, — продолжал начальник штаба, — считаю целесообразным четвертую батарею передислоцировать поближе к переднему краю, в район запасных наблюдательных пунктов. Здесь она может вести огонь с закрытой огневой позиции, а при нужде, выдвинувшись чуть вперед, стрелять прямой наводкой. Пятую — оставить на месте, шестую батарею — переместить правее, к урочищу, у нее остался всего один ствол.

— Так, так, — кивнул Ватолин, сдерживая вздох облегчения.

Хабаров поднял глаза от карты.

— Если вы утвердите мои наметки, я доложу их в штаб полка, получу «добро» и немедленно доведу ваше приказание до командиров батарей.

— Да, да... Конечно, — поспешно согласился Ватолин и, осмелев, счел нужным заметить: — Боекомплект следует пополнить.

— Обязательно. Вот боевое донесение. В нем все указано. Отправим, как только подпишете.

Ватолин взял карандаш, расписался против тщательно выведенного штабным писарем «Врио командира дивизиона» и вздохнул глубоко, не таясь. А начальник штаба не умолкал:

— Еще вопрос, товарищ лейтенант. Ординарца вы собираетесь взять с батареи?

Лейтенант не знал, что ответить. А Хабаров и тут заготовил свой ответ:

— Я бы не советовал вам брать с батареи, народу там мало осталось. Могу рекомендовать разведчика из взвода управления дивизиона. Хороший боец, исполнительный, грамотный...

— Согласен.

Начальник штаба вышел за занавешанную плащ-палаткой дверь, что-то сказал и, вернувшись, принялся быстро, размашисто писать на узком листе сероватой бумаги.

— Подготовлю пока проект приказа. Вы посмотрите...

— Да, да, — сказал Ватолин, оглядывая обшитую гладко выструганными досками землянку. Здесь все было намного солиднее, чем у него на пятой батарее: широкий стол, настоящие стулья, большая керосиновая лампа. А рядом, видимо, еще несколько таких же помещений. На батарее, правда, землянки перекрыты несколькими рядами бревен, но здесь такого перекрытия и не требуется — над головой развалины электростанции: никакая бомба не возьмет. Прохладно и тихо, не слышно ничего, что делается снаружи. Благодать...

— Разрешите войти, — в дверях появился широкоплечий сержант с глубоким шрамом на подборке.

— Вот какое дело, Недайвода, — поднял на него глаза начальник штаба. — Вы назначаетесь ординарцем командира дивизиона лейтенанта Ватолина.

— Есть, — ответил сержант спокойно, как отвечал, видимо, на любое приказание.

— Смотрите, чтобы все было как следует. А пока позаботьтесь об отдыхе командира дивизиона.

Ватолин чувствовал себя неловко: в его присутствии о нем говорили в третьем лице, как о важной персоне, и он не знал, то ли обратиться ему к ординарцу и высказать какое-нибудь напутствие, то ли промолчать. Решил промолчать.

Снова встретились они в другом конце обширного штабного подземелья, в отгороженном и обшитом такими же гладкими досками закутке, в котором стояли никелированная кровать, застеленная двумя матрацами, простыней и толстым одеялом, столик, покрытый темной скатертью, и два стула. Недайвода принес ужин, но не в котелке, а в тарелке — это тоже было непривычно. Рядом поставил чайник, кружку и небольшую, в замшевом чехле, флягу.

— Тут чай, товарищ лейтенант, а тут, — он указал на флягу, — что покрепче.

— Покрепче? Ах да, покрепче... Понятно, — улыбнулся Ватолин. После доклада начальника штаба с него будто тяжкий груз свалился: все оказалось не столь уж сложным. Потянуло на разговор.

— Как вас звать, сержант?

— Григорием меня зовут. И по отчеству — Григорьевич. Небось думаете про мою фамилию? Смешная фамилия? Украинец я. Из Сумской области, а вырос под Курском. Что Сумская область, что Курская — одно и то же... Я рядом буду, товарищ лейтенант, где связисты. Покличете, ежели что...

Он вышел. Ватолин налил из фляги в кружку, выпил, поел горячих еще макарон со свиной тушенкой. Подумалось, что командирам дивизионов живется в общем неплохо, есть в этой должности свои прелести. Он с аппетитом опорожнил тарелку, хлебнул чаю и, скинув сапоги и гимнастерку (впервые за много дней), плюхнулся на одеяло. «Синельникова бы сейчас в такую постель», — успел подумать Ватолин и тут же куда-то поплыл по убаюкивающим теплым волнам...

Проснулся будто от толчка. В штабной землянке стояла тишина — значит, спал недолго. Не сразу сообразил, где он, но, увидев чающую лампу и в ее свете покрытый скатертью стол, вспомнил все и вздохнул.

Первой мыслью было: почему не спится? После такого-то дня спать бы да спать. А сон не шел. Шли видения: Поля, распахнувшая от удивления бездонные глаза; Кира, глядящая на него с печальным укором и похожая чем-то на Анну Каренину-Тарасову из Художественного театра; лейтенант Абакумов, хитро улыбающийся... Все спрашивали его: «Как же так, позавчера был простым командиром взвода, был как все, а сегодня встал вровень с немногими, и столько народу под началом?..»

Ползли мысли о том, что сказал бы еще каждый из них, чем бы напутствовал. Поля в который уже раз попросила бы беречь себя, не лезть под пули. Кира? Неизвестно, что сказала бы Кира, потому что ей, в конце концов, он безразличен.

Зато лейтенант Абакумов был бы поражен: его курсант и вдруг так шагнул в должности. Майор Виноградский — тоже. Но пояись они здесь сейчас — и Ватолину стало бы неловко, как курсанту, без разрешения выскочившему из строя, как человеку, попавшему на беззащитном хвостовстве. Он сказал бы им: «Помогите. Научите, как быть и что делать. Вы все знаете и все умеете». И все-таки приятно было сознавать, что обошел самого Абакумова. Именно его, а не кого-то другого. Почему так? Наверное, потому, что Абакумов очень обрадовался бы, узнав о неожиданной карьере своего курсанта.

Вот отец, тот, прочитав письмо, которое Костя напишет завтра же, покачает головой и, потеряв подбородок, хмыкнет: «Дожили. Кому дивизионами управлять доверяют». Это так, для виду. А в душе будет доволен. Сам когда-то наставлял: в армии, мол, не стремиться к продвижению по службе — значит плохо служить. Выходит, он, Костя, хорошо служит — только и всего.

А хорошо ли? Скорее всего, не очень. И какая это служба... Не служба, а война: убивают одинаково всех — и тех, кто служит кое-как, и тех, кто старается. И как определить, кто лучше служит, а кто хуже? Вон дядя Вася Долгополых знает, кажется, порядки и, кроме как о своей батарее, о своих бойцах, ни о чем не думает, а командир полка разное ему устроил. А Павельев? Уж он-то старается. И все-таки досталось ему, пожалуй, больше всех.

Кстати, что он сейчас думает о своем новом начальнике, о друге школьных лет Косте? Не угадаешь, что думает, может, радуется за него, но едва ли. Представить его радующимся просто невозможно, решил Ватолин, вспоминая, как школьный друг Юра еще во время формирования дивизии был назначен командиром батареи и получил звание старшего лейтенанта. Переменился он в тот же день и стал удивительно походить на Павельева — училищного старшину, не улыбчивого, сосредоточенного, озабоченного делами, о которых подчиненным не имеет права даже заикнуться. В отношениях к Ватолину и Синельникову — к друзьям, по его же выражению, с незабываемых курсантских дней — он вроде оставался прежним, во всяком случае, разговаривал с ними так же, слова были такими же и вместе с тем другими, содержащими известный одному лишь ему смысл и не допускающими возражений. Каково же будет ему теперь выслушивать не то что возражения, а приказы...

Уснуть Ватолин не мог. Поворочавшись, встал, оделся и, осторожно ступая, вышел за перегородку. Миновал прибодрившегося при его появлении телефониста, поднялся по ступенькам вверх.

Влажный теплый воздух был неподвижен. Облака все еще стояли низко. Над головой они были почти темными, а чуть подалеже к западу — светящимися багряными сполохами. Там горел невидимый отсюда большой город. Огонь то затухал, то снова вспыхивал рвущимися к небу языками пожарищ. Город стал гигантским костром, и ему не давали погаснуть: ворошили и ворошили его до самого основания, заставляя гореть камни и пепел.

Время от времени над скрывающей город высотой взлетали ракеты, пулеметные очереди пронизывали минутную тишину. Протарахтел самолет-«кукурузник», бросил свою долю топлива в костер и, чтобы самому не обжечься, скрылся в облаках.

Часовой бодро вышагивал возле входа в штаб — сон, должно быть, отгонял. Когда Ватолин приблизился к нему, вытянулся и сказал:

— Разрешите обратиться, товарищ лейтенант.  
— Да.  
— Правду говорят, что командир дивизиона убит?

— Правду.  
— Вот оно как получается-то...  
— Как получается?  
— Сколько народу полегло... И сколько, если подумать, ляжет. Войны-то надолго еще хватит. — И, помолчав, протянул вполголоса: — И-их, как он на-ас...

— Кто это «он»? — Ватолин почти вплотную подошел к часовому, окинул его взглядом, спросил с нажимом на «он».

— Немец. Кто же еще... Думали, после Москвы хана ему будет, а он вон как опять прет. До самой Волги... Или не так, товарищ лейтенант? — Боец говорил спокойно, глядя прямо в глаза Ватолину. Лицо его выражало усталость и недоумение.

Ватолин искал, что ответить. Можно было сразу же оборвать солдата: прекратите, мол, разговорчики и несите службу, как положено. Обозвать паникером. Но лучше, пожалуй, объяснить ситуацию, как объяснял ее недавно комиссар дивизиона Агафонов: ввиду отсутствия второго фронта Гитлер собрал силы со всей Европы и так далее. Но не хотелось ни объяснять, ни отвечать. Боец наверняка уже слышал это и сам газеты читал. У всех на душе скверно — и у бойцов, вроде этого часового, терзающегося вопросом «Почему?», и у командиров, тоже ищущих ответа и обязанных отвечать подчиненным.

Ватолин первый отвел глаза и произнес:

— Не видать ему Волги.  
— Дай-то бог, — часовой вздохнул, переступил с ноги на ногу. — Только как вспомню вчерашний

день, тошно на белый свет смотреть. Он по спине твоей самолетом проехать норовит, а ты ужом изгибаешься. В щель залезть норовишь и землю грызть от злости...

Ватолин понял, что боец настроен продолжать разговор, и отошел. А тот не унимался:

— А что, товарищ лейтенант, будет у нас много самолетов и танков?

— Будет. Обязательно.

— Да, без них мы так и будем по щелям ползать. Что они, фрицевские-то танки, вчера наде- лали... На шестой батарее земляки у меня были, наши, вологодские. Мало кто остался... И на пятой батарее добрых мужиков знал. Тоже полегли...

— Кого на пятой батарее знали?

— Плотникова, к примеру, сержанта.

— Жив Плотников. Даже не ранен.

— Вон что! Выходит, зря мне наговорили.

— Кто-то вам соврал, а кому-то вы наговорите. Так, что ли? Плотников, между прочим, два танка подбил и не жаловался на весь белый свет... Как ваша фамилия?

Часовой вытянулся.

— Смоленцев, товарищ лейтенант.

Ватолин нашел, что сказать этому бойцу в ответ на его горький полусшепот: «И-их, как он на-ас», — упоминание о командире орудия Плотникова подсказало. Но больше говорить не хотелось, погому что ответа на главный вопрос — «Почему?» — он все равно не знал. А надо было бы сказать этому Смоленцеву, что фашистские танки недалеко вчера прошли, сожгли их и еще больше сожгут, если не будут их бояться. И опять промолчал: в провожающих лейтенанта глазах бойца не было страха, были все те же усталость и недоумение.

## С

В штабе артиллерийского полка, расположенном в отдалении от передовых позиций, в полуподвальном этаже толстостенного каменного дома, собралось человек двадцать. Завидев разом столько начальства, Ватолин смутился и невольно задержался у двери, но тут же постарался взять себя в руки, вошел, козырнул и сел возле командира третьего дивизиона капитана Борейшо.

Были другие свободные места, но он выбрал это, так как Борейшо нравился ему: А чем нравился — Ватолин сразу не объяснил бы. Скорее всего мягкой, немного застенчивой улыбкой, совершенно неожиданно сменявшейся на его лице выражение жесткой решительности. А кроме того, командиры взводов из третьего дивизиона очень

гордились своим начальником. Он, мол, и самый грамотный, и самый смелый, и вообще другим до него далеко.

Может, главным, что располагало к капитану его подчиненных, и была его обезоруживающая улыбка. На войне она — редкость, тем более — в обращении начальника к подчиненным. Если такой начальник еще и дело знает, и о людях умеет позаботиться, и характера твердого, — авторитет ему обеспечен.

Увидев Ватолина, капитан Борейшо не преминул улыбнуться и подмигнуть: здравствуй, дескать, и не робей. Костя окончательно решил, что командиры взводов из третьего дивизиона не врут: их капитан лучше всех. Потом подумал, что было бы замечательно, если бы Борейшо командовал полком. Тогда бы он, Ватолин, чувствовал себя сейчас иначе. Впрочем, он согласен оказаться командиром взвода в третьем дивизионе — это куда лучше, чем сидеть тут в окружении старших по званию и по возрасту и ждать, когда гроза разразится.

Гроза, однако, разразилась не над Костиной головой. Майор Машковцев, обрисовав обстановку, заметил, что командир дивизии не очень ругал артиллеристов за большие потери, поскольку танки все же не прошли и сожжено их немало.

— А ругать надо. И начинать надо с вас, — майор обратился к командиру первого дивизиона. — Да, с вас... Не смотрите на меня удивленно, не ещите глазами — я не съедобный. Хотите сказать, что потерь у вас мало? Так откуда им быть, если противник вас не тронул. А если тронет?

Командиры сидели хмурые. Все знали, что стрелковый полк, поддерживаемый первым дивизионом и находящийся на левом фланге дивизии, атаке не подвергался, и, наверное, все думали: «А в чем тут вина командира дивизиона?»

— Я сегодня ночью был у них, — продолжал майор. — Расположились на лужайках да под кустиками. Как на курорте. Ни одного окопа полного профиля. Ни одного! Все наружу...

— Грунт у нас тяжелый, — выдавил командир первого дивизиона. — Камень.

— Камень? Долбите камень, взрывайте, зубами грызьте — что хотите делайте, а люди должны быть укрыты. Вы знаете, между прочим, почему второй дивизион выстоял? Пятая батарея, например? Хотя и там разгильдяи тоже...

Командир полка повернулся к Ватолину и, увидев, что тот собирается встать, махнул рукой:

— Сиди, сиди... Так вот, пятая батарея выстояла, потому что окопалась, как положено, а не грелась на солнышке, подобно некоторым. Вот и вся причина.

Ватолин уставился в пол. Ему казалось, что

все взоры обращены на него, командовавшего в том бою пятой батареей, и все думают: «Смотрите, какой примерный выискался, всему полку образец». И, конечно, усмеваются. Из смущения его вывел все тот же командир полка:

— Только не думайте, что я хвалю пятую батарею. И не собираюсь! Один блиндаж завалился после первого же попадания, и весь орудейный расчет тю-тю... Пять человек как не бывало! Это же нелепость! Навалили бревна в шесть накатов, а закрепить их понадежнее не додумались. Ума не хватило! Училища пооканчивали, кубари в петлицы понавтыкали, а думать не хотят.

Ватолин удивился такому повороту в оценке действий бывшей своей батареи: сначала «окопались, как положено», потом — «ума не хватило», но, посмотрев вокруг, увидел по выражению лиц, что никто не удивляется, все слушают со вниманием. Видимо, считают, что так и быть должно и того требует правило, которому неукоснительно следует командир полка: отличился — награди, провинился — накажи.

Никто не удивился поэтому и следующему неожиданному повороту в речи майора Машковцева.

— Еще раз повторяю: окапываться и окапываться. Кто не выполнит этого требования, ответит по всей строгости. — Майор погрозил пальцем командиру третьего дивизиона: — А вы, Борейшо, смотрите мне... Опять я ваших архаровцев в мыльном пузыре встретил.

«Мыльным пузырем» называли специальное банно-прачечное подразделение, укомплектованное сплошь девчатами. Располагалось оно позади огневых позиций артиллерии, километрах в пяти.

— Я расцениваю это как грубейшее нарушение дисциплины, — вновь повысил голос Машковцев. — Как дезертирство, если хотите знать! Наведите порядок, капитан. Лично контролируйте.

— Есть навести порядок, товарищ майор, — ответил, вставая, Борейшо и после секундной паузы добавил: — Только лично контролировать трудновато, я ведь не бываю в этом мыльном пузыре.

Кто-то, не сдержавшись, фыркнул, другие смущенно потупились. В словах командира третьего дивизиона явно слышался вопрос: «А что вы, товарищ командир полка, там делаете? Подразделение-то женское, не подчинено вам».

В недоумении оглядев собравшихся, Машковцев понял, в чем причина общего замешательства, и устремил взор на Борейшо: смеется или нет? Лицо капитана не выражало ничего, кроме сознания собственной вины за недисциплинированность его подчиненных. Ватолин подумал, что до командиров из третьего дивизиона разговор этот, конечно, дойдет. И уж они-то, надуваясь гордостью за

своего командира, будут пересказывать разговор на все лады.

— Прощу без хаханек,— заметил, закрывая совещание, майор.— Ничего смешного я вам, кажется, не сказал. Плакать надо. И кое-кто заплачет еще у меня. Предупреждаю. Можете разойтись. Исполняющего обязанности командира второго дивизиона прошу задержаться.

Ватолин не сразу понял, что просьба относится к нему, и шагнул к двери, но спохватился и, круто повернувшись, вытянул в ожидании руки по швам.

— Подойди поближе,— позвал майор.— Принял дела?

— Принял.

— Порядок, значит. И вот что я тебе скажу... Командуй. Командуй, как считаешь нужным и как устав требует, конечно. Не смотри, что моложе других и по званию ниже некоторых. Требуи и жучь нещадно. Без этого нельзя, порядка не будет. А главное — найди себя. Ясно?

— Ясно, товарищ майор,— отчеканил Ватолин, хотя и не понял, что значит «найди себя». Что за этим кроется?

Об этом размышлял лейтенант, выходя из штаба. А на крыльце его взял под руку капитан Зарахович — заместитель командира полка по материально-техническому обеспечению.

— Я вас поджидаю... На склад не можете сейчас заехать? Тут недалеко.

— Зачем?

— Обмундирование обновить вам не мешает,— доверительно, наклонив к собеседнику голову, проговорил замполка.

— Обновить?

Для Ватолина это было вовсе неожиданно. Мгновенно оглядев себя, он порозовел и отвел глаза в сторону: хлопчатобумажные шаровары изрядно поистрепались и местами покрылись неопределенного цвета пятнами. На батарее никто бы на это не обратил внимания — все такие же. А вот на фоне командиров полкового и дивизионного масштаба выглядел он неважно. Те тоже не щеголяли, однако видно было, что на земле не валялись, смазку, перемешанную с копотью, боками своими не обтирали и снаряды к животам не прижимали.

Ватолину не хотелось ехать на склад.

— Некогда сейчас,— ответил он просительно.

— Потом нельзя,— развел руками Зарахович.— Командир полка мне намекнул: позаботься, мол, о молодом комдиве. А если некогда, пошлите кого-нибудь. Хотя бы вот сержанта,— капитан кивнул на державшего наготове коней Недайводу.— Ваш это? И его попутно приоденем, чтоб соответствовал...

— Поезжайте, Недайвода, с капитаном,— обрадовался Ватолин.— Я один доберусь.

Он решил отправиться на свою пятую батарею, где все так привычно, где нет подчеркнута предупредительного, непроницаемого начальника штаба и никто не будет с плохо скрываемым любопытством разглядывать новоиспеченного комдива. Пятую батарею он оставил внезапно после тяжелейшего боя. Что-то там сейчас делается? А вдобавок, рассуждал Ватолин, погибший командир дивизиона огневые позиции объезжал регулярно, следовательно, и ему надо — таков порядок.

На батарее его встретил лейтенант Витя Заруднев, бывший командир второго огневого взвода. Витей и Витюшей его называли все командиры в глаза, а за глаза в шутку именовали: «Поручик граф Заруднев». Неизвестно, когда и по какому случаю прицепилось к нему это «поручик граф». Но прицепилось крепко. Виной тому были, наверное, отменная выправка лейтенанта, тонкая талия, огромные голубые глаза и длинные ресницы.

Заруднев лихо отрапортовал, не дожидаясь, пока Ватолин спешит:

— Товарищ комдив, пятая батарея занимается согласно распорядку дня.

Он сказал «комдив» совсем не потому, что хотел польстить Ватолину. Нет, ему самому было приятно называть его так. Он, как и другие, удивился стремительному продвижению Ватолина, но первый среди других заявил, что так и быть должно и командование здорово бы ошиблось, назначив исполняющим обязанности кого-то другого. Заруднева тянуло к немногословному, предпочитающему держаться в тени и, помимо своего желания, выделяющемуся среди многих лейтенанту. Ему нравился Ватолин, как Ватолину по душе был капитан Борейшо — нравился безотчетно.

Заруднев теперь командовал батареей и хотел показать, что с новыми обязанностями осваивается. Показать не для того, чтобы похвастаться, а с единственной целью — не огорчить лейтенанта, не дать ему повода во что-то вмешаться, что-то делать за него.

Направились к орудиям. Накат над окопом, в котором погиб целый расчет, уже восстановили и замаскировали. Убитых похоронили позади, метрах в двухстах, не в братской могиле, а каждого по отдельности. Пять холмиков, покрытых дерном, выстроились в ряд.

Все пятеро из бывшего его взвода и все в Костинном представлении — старики, возрастом лет тридцати пяти — сорока и более. К Ватолину они обращались не иначе как «товарищ взводный», сохранив привычку обращаться так, видимо, со времен срочной службы в Красной Армии, с начала тридцатых или еще с двадцатых годов.



Службу несли исправно. Хлопот не доставляли, порядка придерживались строго. Один только Петр Колотиллов нарушил его однажды, и то при особых обстоятельствах и с разрешения командира.

Было это еще в тылу, незадолго до отправки дивизии на фронт.

В короткий перерыв между занятиями Колотиллов подошел к командиру взвода и, испросив, как водится, разрешение обратиться, выпалил:

— Прошу дать увольнительную на два часа.

Ватолин от удивления не сразу нашел что ответить и молча разглядывал бойца. Всякие отлучки из подразделения строжайше были запрещены, и давно уже с подобными просьбами никто не обращался. И вдруг старику Колотиллову понадобилось целых два часа!

— Зачем вам увольнительная? — спросил наконец лейтенант.

— Жена приехала, товарищ взводный, — смущенно произнес Колотиллов и, дабы лейтенант не подумал, что он успел уже без разрешения отлучиться и встретиться с женой, пояснил: — Видел ее у дороги, когда шли в поле...

— Издалека она? — спросил Ватолин только для того, чтобы протянуть время. Разрешить столь длительную отлучку он не имел права. В лучшем случае он мог разрешить бойцу обратиться к командиру батареи. Но едва ли и тот отпустил бы. А до командира дивизиона высоко, к нему по такому вопросу командиру взвода хода нет... Может, политрука попросить? Только политрука-то надо еще найти, а Колотиллов — вот он, стоит и взирает на своего взводного как на бога и объясняет:

— Не-е, не издалека. Вологодские ведь мы, здешние...

Объясняет и, должно быть, думает так: раз вологодские, значит, появление жены в районе военного городка закономерно и не встретиться ей с мужем никак нельзя, не позволить такую встречу никто не сможет. Заметив, однако, в лице лейтенанта вместо выражения радости за него нечто похожее на растерянность, Колотиллов умолк и потупился.

— Ладно, — сказал Ватолин. — Идите.

Вернулся Колотиллов через два часа точно, когда занятия подходили к концу, и снова:

— Товарищ взводный, разрешите к вам обратиться.

Лейтенант приготовился рассердиться: «Неужто, нахал, еще попросится!» А Колотилов, вытянув руки по швам и наклонившись вперед, чтобы никто из стоящих поблизости его не услышал, запинаясь, заговорил:

— Жена просит, товарищ взводный... Чтобы вы того... Подошли. Недалечко здесь...

— Я?! Зачем?

— Угоститься... Постряпушки домашние, немудреные. То да се. Уважьте, товарищ взводный.

Рассердиться было в самый раз: и бойца, позволившего себе вольность в обращении к начальнику, поставить на место, и авторитет свой командирский укрепить. Так считал Ватолин, так, по его убеждению, поступил бы, например, Абакумов, окажись на его месте. Но он не рассердился, потому что понял — не поймет боец его гнева, не признает за собой никакой вольности в обращении к начальнику. Нет в его тоне, в его глазах и намека на какую-то вольность. Он только обидится за себя и еще больше — за жену, приехавшую с домашними постряпушками хоть и не издалека, но и не из соседней деревни.

•И еще было обстоятельство, смягчившее командирский гнев: в животе у него засосало, обед был давно, ужин еще не очень скоро. Да и что это за ужин... Тыловая норма питания такая, что есть хочется каждодневно и ежедневно, тем более что с шести часов утра до одиннадцати вечера — на ногах, в лесу и в поле. Ватолин решил, что под вечер его все равно никто не хватится, на крайний случай можно как-то объяснить свое отсутствие, и сказал небрежно, глядя в сторону:

— Ладно, пойдем немного погоды.

Маленькая, с натруженными, темными от загара руками жена Колотилова ждала их на лужайке, затененной старыми березами. На большой домотканой скатерти были разложены пироги и домашнее печенье из темной муки. Один пирог оказался с картошкой, другой с капустой и луком. И оба были удивительно вкусные. Ватолина сморило, он поел и заснул.

Когда проснулся, солнце уже садилось. Лежал он головой на свернутой вчетверо коффе, накрытый шалью. Женщина сидела, подперев щеку рукой. Губы у нее чуть заметно шевелились: рассуждала о чем-то. Увидев, как Ватолин, сбросив шаль, проворно поднялся и, озираясь, стал опрашивать гимнастерку, махнула рукой и проговорила:

— Да всего час какой-то и подремал... Отдохни еще. Петя сказал: тебе можно повременить, а сам побежал — проверка, говорит, у них вечерняя. «Хорошо хоть сам ушел,— подумал лейте-

нант.— Смотри-ка, не воспользовался тем, что командир взвода тоже в отлучке». И окончательно решил, что правильно поступил, отпустив Колотилова на свидание с женой. А перед ней чувствовал себя неловко: наелся и на тебе — уснул.

— Спасибо большое за угощение,— начал он прощаться.

— На здоровье, милый. Дай вам бог всем целыми остаться.— Лицо ее, недавно казавшееся розовым от загара, теперь потемнело и глаза сузились.— Когда же ты командиром успел стать? Молоденький такой...

Ответа она не ждала, ни к чему ей был ответ.

— Мой-то Петр не ахти какой вояка. И за него сердце болит — мочи нет, а уж за таких, как ты,— и вовсе. Ну иди. В добрый час, сынок.

...Напрасно сомневалась жена Колотилова: ее Петр был воином не хуже других, а может, и лучше многих — как теперь узнаешь, если, как многие, погиб в одном из первых боев. Здесь лежат пятеро, а по всему широкому фронту дивизии; наверное, тысячи. Тысячи не узнанных еще по-настоящему ни товарищами, шагавшими с ними рядом, ни их командирами.

О тех, кто погибнет позже, дольше, наверное, будут помнить и больше жалеть, потому что лучше будут их знать.

Только одного из пятерых мог представить сейчас Ватолин: запомнились пироги и лужайка, затененная старыми березами. Виделись еще и большие натруженные руки, худенькая женщина с потемневшим лицом, ее глаза. Женщина знала Петра Колотилова лучше всех и помнить его будет дольше всех, всегда. Каждого кто-то знает и обязательно кто-нибудь будет помнить.

## 7

Четвертая батарея устроилась хорошо — с точки зрения ее командира старшего лейтенанта Долгополых. За одну ночь были выкопаны полного профиля окопы и налажена маскировка. В случае нужды можно быстро выдвинуться и вести огонь прямой наводкой. Что еще надо?

— И на старом месте не хуже было,— бубнил недовольно младший лейтенант Синельников, провозжая командира батареи, ухидившего перед рассветом на наблюдательный пункт.— А немец и тут может прищучить, как карасей. Только держись...

— Вот и надо держаться,— настаивательно отвечал дядя Вася Долгополых.— И чтобы всегда — в полной боевой. Побольше тренируй расчеты, спать не давай. Понял?

— Продержишься с Лебеденковым, как же. Я вам говорил, как он землю носом пахал. В штрафную роту таких надо.

— Штрафную роту, Сеня, и без нас с тобой укомплектуют, не наша с тобой забота. А у Лебеденкова тоже мать есть, как у тебя, например. Ну, труханул малость... Так ведь человек он и соплик еще — и сразу в такую переделку. Сам-то, поди, тоже замочил подштанники? А? — Долгопых замедлил шаг, улыбнулся и обнял младшего лейтенанта за плечи. — Ну-ну, пошутил я... Ты хоть и ровесник Лебеденкову, а командир. Вот и думай не о том, как в штрафную роту его уцепь, а как здесь заячью душу его переделать.

— В львиную?

— В человеческую, — с нажимом произнес Долгопых и остановился. — Львы нам без надобности. Люди нужны. Только человек может такое вынести... Дальше не провожай. Вечером завтра, как стемнеет, делайте накат. Покрепче. Ну будь...

Синельников высказывал недовольство вовсе не потому, что искренне считал новую огневую позицию не лучше старой. Причиной было дурное настроение: всю ночь он провел на ногах, ни минутой не вздремнул, а главное, батарея, сменив позицию, удалилась от одного хорошо знакомого ему места.

Синельников забрел туда случайно, когда искал участок для ложной огневой позиции. Забрел и обнаружил за выжженным полем пространство, украшенное разнотравьем и стайкой тополеи посредине. Возле тополеи виднелась землянка. К ней с двух сторон шли телефонные линии, подвешенные на шестах, и узенькие тропки вдоль линий. Такие телефонные линии протягивали обычно в обороне для лучшей слышимости. Слышимость действительно была лучше, но и неполадки на линиях случались часто. Исправляли их связисты, находящиеся на промежуточных станциях. Одной из таких станций и была, судя по всему, землянка у тополеи.

«Вот забрались куда, — подумал младший лейтенант. — Живут себе, как бухарские котики. Лафа!» Ему захотелось своими глазами увидеть людей, обладающих единственным в своем роде правом безмятежно спать даже среди бела дня.

Его никто не встретил и не окликнул. Он сам остановился, заметив за землянкой девушку-бойца, безуспешно пытавшуюся поднять свалившийся на землю шест. Она не видела Синельникова и не слышала его шагов: шест занял все ее внимание. Он поднимался, он не стоял там, где ему положено было стоять, и под тяжестью провода снова падал. А девушка, отдышавшись и утерев ладошкой пот со лба, опять склонялась и силилась поднять шест.

Когда он повалился, может быть в десятый раз, она решила отдохнуть подольше, шагнула в сторону, подняла глаза и, встретив взгляд Синельникова, не растерялась и не сконфузилась, а с усмешкой бросила:

— Чего стоишь?! Помог бы...

Растерялся Синельников от ее звонкого, словатого тишину, голоса и, вместо того, чтобы спешить на помощь, стоял, переминаясь с ноги на ногу. Очень уж неожиданной была эта встреча, и девушка казалась необыкновенной. Смотрела на него смело, в упор, словно говорила: «Пусть маловато у меня сил, а все равно никого не боюсь».

Шест был тяжел. Семен и то с трудом водрузил его на место, вкопал поглубже, прижал камнями и спросил:

— Так согдится?

— Согдится, — ответила она решительно, поправила ремень и отряхнула юбку, потом коснулась пальцем прически. — Вы из артиллерийского полка? (Поскольку дело было сделано — шест на месте, она сочла, видимо, нужным отдать дань уважения субординации и перешла на «вы»).

— Угу. А вы?

— Мы тоже. Мы тут с Раисой. Одна дежурит, другая отдыхает. Трех положено, но третьей нет. Вот так и маемся... Спасибо вам.

— А вас как звать?

— Меня? Зачем вам? Зоей меня зовут. Ну, до свидания. Пойду Райку будить. Заглядывайте.

Семен понял, конечно, что «заглядывайте» не означало приглашения, однако заглянул, так как в приглашении не нуждался. И с тех пор стал заглядывать всякий раз, когда выпадало удобное время, то есть на батарее было тихо и можно было твердо надеяться, что начальство внезапно не нагрянет. Вытирал ветошью сапоги, подшивал не очень белый, но чистый в общем подворотничок и, напевая что-нибудь, быстро шагал в усыпанную многоцветьем ложину, к землянке у тополеи.

Его гянуло туда, он думал об этой землянке, она казалась ему иным миром, не похожим на тот, в котором он в последнее время жил и к которому привык. И этот привычный мир становился лучше, потому что не казался бесконечным и неизменным изо дня в день. Теперь из него можно было хоть ненадолго уйти. И Семен однажды удивился, что до сих пор жил, не заглядывая в тот удивительный мир, не встречаясь с Зоей, не видя ее лица, ее глаз и губ, в которых не было ничего приметного, но без которых не было бы Зои.

Они гуляли по разноцветью, если у Зои выдавался свободный час; если же она дежурила,

Синельников сидел возле нее в землянке, устроенной обычно: два топчана, стол, сколоченный из сварядных ящиков. Не совсем привычными были чистота, аккуратно застланные, а не заваленные шинелями и вещмешками постели, накрытые белой тряпкой котелки, два зеркала и открытки на стене.

Синельников сидел и молчал, чему сам немало удивлялся, а Зоя, подперев кулачками подбородок, рассказывала о своей родине, о родителях, о знакомых парнях и подружках, о первом дне войны. Все близкие и всех волнующие темы!

Временами Зоя настороженно замолкала, дула в трубку, окликала то «Ясень», то «Ниву», то «Зиму», то еще кого-нибудь и, убедившись, что ее слышат, успокаивалась.

Наушников у нее не было: для фронтовых телефонистов наушники — роскошь. Их заменяло простейшее устройство, состоящее из бечевы или тесемки, привязанной к трубке. Бечева или тесемка, образующая петлю, обхватывала голову так, чтобы трубка была прижата к уху. Сиди и слушай, а руки свободны. Телефонист мог писать, шить, чистить оружие, за дежурство он мог сделать многое, даже вздремнуть невзначай. И многое делал, когда фронт молчал и линия работала исправно, по крайней мере, успевал настрочить письма родственникам и знакомым.

Так проходили часы. И дни проходили бы так же, если бы Синельникову не надо было возвращаться на батарею.

Раиса, плотная и круглолицая девица, встречала его весело:

— А-а, младший лейтенант пришел. Добро пожаловать. — И голос у нее был ласковый, грудной. — Пожалуйста, товарищ младший лейтенант. Как там у вас дела? Рассказывайте. Скоро фрица погоним?

А раз спросила иначе:

— Не забываете нас? Хорошо... Все ходите и ходите и все молчите да больше смотрите на Зойку. Другие-то не так приходят, а с умыслом. Показать себя, как лучше, норовят: в больших штабах работают и все холостые. Все, как один. Недавно вовсе пожилой наведалься — лет сорок ему и лысина виднеется. И опять же холостой — умора! К обеим к нам подъезжал: с какой дело выйдет — все равно... А вы молчите. А видно, что и правда холостой. Или успели окрутить?

У Синельникова вмиг испортилось настроение, испарилась вся благодать на душе. Он зло посмотрел на Раису и отвернулся.

— Ой, рассердился! — она, всплеснув руками, залилась смехом. — Какой обидчивый хлопец...

Семен понимал, что выглядит глупо, что Раиса не напрасно рассмеялась, но не мог ничего с

собой поделать! Он решительно не желал, чтобы сюда ходил кто-то помимо него, и не хотел слышать о том, что сюда кто-то ходит. Ходит и видит Зоину белозубую улыбку и светлеющие от этой улыбки строгие глаза.

С тяжелым сердцем вернулся он в этот раз на батарею. А явившись снова, увидел на стене землянки настоящую семиструнную гитару.

— Откуда такое сокровище? — удивленно спросил Семен и почувствовал, как опять улетучивается душевная благодать.

Раиса ответила, уперев руки в бока и покачивая головой:

— Еще один ухажер завелся. Принес подарочек. Спер, пооди, где-нибудь.

Раиса захохотала; Зоя, перемолвившись с соседними станциями, прикрикнула на нее:

— Замолчи, Рая! Не слышно ничего из-за тебя. — И улыбнулась Семену: — Врет она все. Никакой не ухажер, а так... Неизвестно зачем принес — мы играть не умеем. А вы умеете?

Если бы Зоя не улыбнулась и не сказала «врет она», Синельников наверняка ответил бы: «Не умею». А так он взял гитару, прислушиваясь, перебрал струны, настроил и запел про синий платочек, потом про костер, который в тумане светит, и наконец:

«Вернись, я все прошу...»

Девушки слушали, как зачарованные, будто лилась к ним мелодия с небес. Раиса вытерла рукавом гимнастерки повлажневшие глаза и, когда Семен умолк, вышла из землянки. Зоя, прикрыв ладонью трубку, чтобы на соседних станциях не слышали этого концерта, смотрела неотрывно в одну точку.

Синельников положил гитару на топчан, встал и подошел к девушке:

— Зажмите, Зоя, микрофон поплотнее.

— Зачем поплотнее?

— Чтобы не слышали, как я буду говорить.

— Говорите потише, если не хотите, чтобы слышали, — Зоя пожалала плечами и опять блеснула ее сладкие зубы. Их блеск окончательно воодушевил младшего лейтенанта.

— Я люблю вас, Зоя, — выдохнул он и увидел, как меркнет сахарный блеск и глаза ее становятся снова строгими. Сейчас вот, думал он, Зоя посмотрит на него с прищуром и скажет такое, что навсегда забудется дорожка к землянке у тополей. Но она молчала. Ее вызывал, надрываясь, голос в телефонной трубке, а она не отвечала. Потом, спохватившись, ответила, сама вызвала другую станцию, сказала «Проверка» и снова замолчала. Синельников подошел, взял ее за худенькие плечи, повернул к себе и приник к ее губам.



— Довольно,— она с трудом перевела дыхание.— Вы славный, вы мне нравитесь... Не как другие. Другие — хамы... Мне с вами хорошо. Только к чему это? Что за любовь такая, когда не скажешь людям, что любишь человека, когда ни дома, ничего нет.

Семен не слышал ее, а если бы слышал, все равно не понял, почему он должен свою любовь связывать с каким-то домом.

Появилась Раиса. Синельников попрощался и ушел. Шагал он, громко напевая, ощущая вкус Зоиных губ, чувствуя ее плечи под своими ладонями. Из всего, что она говорила ему, он помнил только — «Вы мне нравитесь». И разве этого мало?

С неделю после этого он не навещал связисток. А вырвавшись, бежал бегом. Отдышавшись у землянки, Семен одернул гимнастерку и стал спускаться по ступенькам. Раиса выглянула в дверь:

— Ага, младший лейтенант пришел. Добро пожаловать.

— Зоя дежурит?

— Зои нет... Была, да вся вышла.

— Как нет? — от неожиданности он, пятясь, поднялся на ступеньку выше.— Что случилось?

— Ничего не случилось, жива и целехонька. В штаб перевели.

Райсин голос был все тот же — ласковый, но чудилось в нем нечто такое, отчего у Семена холodem тронуло руки.

— Как так перевели? Зачем?

— Начальство знает. А вы зайдите, посидите. Там новенькая вместо Зои, культурная дивчина. Познакомитесь.

Семен побрел назад, не попрощавшись, но тут же обернулся.

— А вы не шутите? — спросил он, улыбаясь через силу.

Раиса в ответ вздохнула:

— Какое там! Призналась бы уже, коль пошутила. А вы не огорчайтесь, встретитесь еще. Не за морями штаб-то.

Семен кивнул: правду, мол, говорите. И, круто повернувшись, пошагал из ложины, укрытой пестрым разнотравьем. Его догнал протяжный Райсин голос:

— Пойдите, лейтенант! Се-еня-я! Подожди... Она спешила к нему, размахивая гитарой.

— Возьми вот,— решительно перешла на «ты» Раиса.— Для тебя она сделана.

...Проводив старшего лейтенанта Долгополых на наблюдательный пункт, Синельников вернулся на огневую позицию и залег спать в углу прикрытого ветками окопа, а проснувшись, распорядился начать, не дожидаясь вечера, сооружение

наката, чтобы приказ командира батареи выполнить своевременно и добротнo,— благо немецкие самолеты по причине низкой облачности не тревожили.

И правильно сделал, что так распорядился: вскоре пришел комиссар дивизиона старший политрук Агафонов, а потом совсем неожиданно явился новый комдив. Увидев, что работа кипит и батарея, не теряя времени, готовится к предстоящим боям, начальство могло быть довольно — и то для младшего лейтенанта утешение.



Днем в Атуевку, на передний край, не ходили — ждали ночи, ночи на удивление короткой и потому, наверное, ценимой чрезвычайно, неизмеримо больше любого дня с солнечным его обликом и бездонной голубизной небес.

Ночью таял зной, оседала пыль, исчезала с глаз изрытая воронками земля. Прятались дороги, усталые пеплом вперемешку с битым кирпичом, искверканными гильзами, осколками разорвавшихся недавно мин, снарядов, бомб. Призрачными, будто нереальными становились обгоревшие деревья и полуобвалившиеся стены каменных построек, наклонившиеся, но не рухнувшие почему-то до сих пор.

Тьма окутывала все вокруг, весь исполосованный кровотокающими ранами огромный мир. Только половина неба, загораясь от земных пожарниц, тлела до рассвета.

Ночью через двухкилометровую долину, отделявшую Атуевку и передний край от огневых позиций дивизионной артиллерии, тянулись в обе стороны длинными и короткими цепочками нагруженные боеприпасами одноконные повозки, связанные, раненые, бойцы с большими термосами за спинами. Все, что надо было перебросить на передний край или обратно, все, не видимое днем, ночью становится видимым, превращаясь в тени, в ленты теней. Ленты двигались бесшумно, крадучись по мостикам через речушку с раскромсанными берегами, мимо танков, искореженных и обгоревших, уткнувшихся стволами пушек в землю или вздернувшими их ввысь, мимо разбитых немецких автомашин и мотоциклов, возле вздувшихся, распространяющих зловоние лошадиных трупов.

Миновав речушку, двигались как можно быстрее: это место было самое опасное. Оно и ночью обстреливалось наугад — мины и снаряды рвали методично, через равные до секунды промежутки времени. А днем с вражеских позиций до-

лина виделась как на ладони, ее поливали огнем, как хотели. Иногда по одному-единственному человеку били всей мощью минометной батареи. Свирепствовали тут и крупнокалиберные пулеметы, и самоходки. И пикирующие бомбардировщики, случалось, ныряли с высоты, норовя оглушить, вмять в землю и разнести в клочья каждого осмелившегося показаться среди белая дня.

Ватолин тоже не собирался идти в Атуевку днем, но пришлось.

Накануне поздно вечером он, решив заночевать на четвертой батарее, сидел в только что оборудованном командирском блиндаже и слушал, как беседуют старший политрук Агафонов с Синельниковым.

— О последней речи Черчилля читали? — вопрошал младший лейтенант. — То-то... Я все его речи читаю. Здорово говорит! Сердце, говорит, кровью обливается, когда думает о страданиях русского народа. Лорды, поди, плакали, слушая его. А разобраться — Ваньку он валяет.

Комиссар с Костей молчали. Синельников продолжал:

— Помоги, если обливается... Открой второй фронт. Болтун! «Болтун ты, сэр Уинстон» — вот как бы я ему сказал на месте Сталина.

— Поэтому, наверное, и не поставили тебя на это место, — без намека на усмешку ответил старший политрук.

Со странностями был этот человек, старший политрук Агафонов. Во всяком случае, по мнению многих, на комиссара он не походил. Длинных речей не произносил, никого ни за что не агитировал, никем и ничем не распоряжался. Все больше ходил. Ходил по батареям и взводам, лазал по наблюдательным пунктам, заглядывал в самые неустроенные землянки и в котелки бойцов. Смотрел и слушал. Сядет вот так же, как сидит сейчас, уперев локти в колени, а подбородок — в сцепленные пальцы рук, и слушает, кто что говорит. Если спросят, ответит...

И во время последнего памятного боя он был на НП, у Павельева. Тот, приказав батарее выдвинуться и стрелять прямой наводкой, увидел вдруг еще несколько вражеских машин и решил поднять взвод управления с гранатами «РГД» в руках: «Помирать, так с музыкой». Комиссар вмешался: «Отставить! Лечь в окопы и пропустить танки через себя!» Только благодаря этому уцелели связисты и разведчики да и сам командир.

Когда стих бой и впопору было облегченно вздохнуть, не вспоминая о скрежетавшей над головой смерти, комиссар сурово выговаривал Павельеву: «Растерялся ты, комбат... Это плохо. С противоохотной гранатой на танк! Ему-то что слону дро-

бина, а людей бы стубил всех до одного. И сам бы погиб».

Комиссар сердился редко. Иногда по пустыкам. Например, встретил недавно командира, обученного в немецкие сапоги, офицерские, хромовые, с высокими голенищами в обтяжку. Остановил, внимательно оглядел: «Это что такое?» — «Трофейные, товарищ старший политрук», — ответил командир. Агафонов брезгливо поморщился: «И не противно вам? Или своих нет?» — «Есть свои... Но кирзовые». — «Ах, кирзовые... Вон оно что», — только и сказал комиссар. Но при этом отвернулся от собеседника, показывая, что не хочет больше его видеть...

— Нет, я серьезно. Сколько можно говорить о втором фронте! — продолжал Синельников, размахивая свежим номером «Красной звезды». — Польза-то какая?

— Польза есть, — рассуждал будто сам с собой старший политрук. — За нас они, союзники, а не против — вот польза. Свиную тушенку посылают... Спасибо и на том: нам ныне все согдится. И второй фронт откроют. Обязательно.

— Когда?

— Не знаю. Думаю, не скоро. Не раньше, чем мы старую границу перейдем.

Синельников присвистнул.

— Ну хватили! Дай бог до Киева пока...

— Пока? Пока мы в Атуевке, — Агафонов постучал ладонью по ящику из-под снарядов, замывшему стол. Глаза его попрыгали в морщинах, ресницы задрожали. — То, что пока, это... Это беда наша. Большая беда. И пока мы здесь, Черчилль с Рузвельтом, думаю, не будут торопиться.

В узкую дверь блиндажа просунулась голова связиста.

— Товарища лейтенанта Ватолина просит товарищ начальник штаба дивизиона, — отпартовал он и поставил на стол телефонный аппарат, за которым тянулся шнур. Костя взял трубку.

— Здравствуйте, — голос старшего лейтенанта Хабарова был, как всегда, ровен и сух. Он попросил разрешения отдать от имени командира дивизиона несколько очередных распоряжений и добавил: — Вас Первый спрашивал. (Первый — это командир полка). Звонил со своей вышки, просил сообщить его адъютанту, где вы будете завтра.

— Буду на своей вышке, — поспешно ответил Костя, хотя назавтра собирался на шестую батарею и потом в штаб дивизиона. Язык у него не повернулся сказать, что еще день проведет в районе огневых позиций в то время, как командир полка почти на самой передовой.

Беседа с комиссаром продолжалась. Потом все трое легли отдохнуть, а когда Ватолин про-

снулся, было уже утро. Так вот и пришлось ему отправляться в Атуевку по свету.

До переправы он добрался благополучно. Мостик был разбит, только одно бревно еще держалось, застряв концами между повозками, скатившимися с берега и вставшими поперек дороги. Колеса их захлестывала мутная, с желтым оттенком вода. Ватолин, не глядя под ноги, перемахнул бревно и сразу уткнулся в землю. Он уловил мгновение, которого хватило, чтобы спрятаться от разрыва.

Стреляло, судя по всему, самоходное орудие. Снаряды рвались почти одновременно с выстрелами, через секунду-две: короткий, приглушенный свист — и вспышка с раскатистым треском. Осколки пронеслись над головой, воздушная волна взметала пыль и била в спину, еще сильнее прижимая к земле.

Первой мыслью Ватолина было, что целый экипаж вражеской самоходки нацелился сейчас в него единственного и ни в кого другого. Ради того, чтобы убить именно его, посылает самоходка снаряд за снарядом. Она может долбить хоть дотемна, а ему и нужен-то один малюсенький осколок, чтобы не встать уже... Он здесь один, и никто его не защитит, и пути отсюда нет. Лежи и жди, когда снаряд угодит рядом, а то и прямо в тебя. Вот он... Нет, пока не этот, значит, следующий. И снова не тот. Который же?

Пушка била, поднимая фонтаны земли то по одну, то по другую сторону узкой, приютившей Ватолина ложбинки. Как ни старался стрелок фашистской самоходки, а попасть не мог. Случается так в артиллерии: цель пристреляна, осталось только поразить ее, и это «только» не получается. Ватолин подумал, как ругаются, должно быть, сейчас немцы, насмехаясь над своим стрелком. От этой мысли ему стало легче: «Погодите, шелудивые, и до вас черед дойдет». Однако холодное, вызывающее озноб ощущение одиночества и незащитности тут же вернулось. Ватолин чувствовал, что, если и не попадет в него немецкий горе-стрелок, он сам долго не продержится, встанет и побежит навстречу вспышкам и свисту.

Навстречу он не побежал, а выждал очередного разрыва и метнулся к Атуевке, к подножию высоты, где начиналось мертвое, то есть не просматриваемое противником, пространство. Он приблизился к нему и уже видел вход в какой-то блиндаж, выдолбленный в твердой породе у подножия высоты, и в это мгновение его швырнуло и больно ударило о землю.

Очнувшись, Ватолин не сразу понял, что его тащат под мышки и каблук волочатся по земле. Потом он увидел над собой сосредоточенное, чисто выбритое лицо сержанта с белоснежным под-



воротничком под двойным подбородком. В ушах звенело, тупая боль ходила по спине от головы до пояса.

— Хватит. Теперь я сам,— Ватолин встал и отряхнулся.

— Зайдите сюда, товарищ лейтенант,— дверь блиндажа отворилась, и появился высокий майор с орденом Красной Звезды на груди.— Сюда,— повторил он и обратился к сержанту:— Никита Саввич, помогите.

Ватолин, не дожидаясь помощи, поспешил к двери, переступил высокий каменный порог и остановился. Тут было непривычно чисто и пахло свечкой, сапожным кремом и хорошим табаком. Стол, вкопанный в землю, был тщательно выскоблен, на нем лежали крупномасштабная, изрисованная красными и синими полосами карта, карандаши, планшетка. В углу, за маленьким столиком, сидел телефонист, в другом углу— не обративший на Костю, кажется, никакого внимания лысеющий капитан. Майор указал на табурет.

— Садитесь.

Он внимательно оглядел Костю, провел рукой по коротко постриженной шевелюре.

— Как оно? Крепко стукнуло?

— Не-ет,— вмешался сержант Никита Саввич.— Стукнуло в самый раз, чтобы не лез наперед.

Хоть всего и сержант, а разговаривал весьма вольно, видно, давненько возле начальства пре- бывал.

— Какой леший понес вас в такое время?— спросил неожиданно, не поднимая головы от стола, лысеющий капитан.— Жить надоело?

— Нет,— Ватолин покачал головой.— Не надоело.

И почувствовал смущение, от которого сам себе становишься неприятен. О капитане он подумал: «Наверное, начальник штаба»,— и, вспомнив о своем Хабарове, заключил: «Все они, начальники штабов, такие... Сухари».

А майор? Видел уже Костя это скуластое лицо с чуть продолговатыми глазами и упрямым широким подбородком. Видел в своей дивизии— больше нигде. Но где именно и когда?

Выслушав какое-то указание майора, хмурый капитан ответил:

— Будет сделано, Михаил Эрастович.

Эрастович! Все ясно теперь... Отчество «Эрастович» Ватолин запомнил, услышав его еще там, в лагере под Вологодой, где формировалась дивизия. Запомнил, потому что Эрастом, Эрастом Антоновичем звали его любимого артиста театра музыкальной комедии. А не имеющий никакого отношения к артисту Михаил Эрастович— это Кормановский, командир стрелкового полка. Того самого

полка, который Ватолин, вернее его второй дивизион, должен поддерживать своим огнем.

Боль от ушиба в спине и затылке у Кости внезапно прошла, зато ощущение неприязни к самому себе усилилось. Не так, совсем не так он, командир поддерживающего дивизиона, собирался встретиться с командиром поддерживаемого стрелкового полка. Собирался встретиться почти как равный с равным, потому что «поддерживающий» — это отнюдь не «приданный». Приданный полностью подчинен. Тому командир стрелковой части вправе приказать, а поддерживающему — не вправе, его он может только попросить, ну, в крайнем случае, потребовать.

Словом, командир артиллерийского дивизиона для командира стрелкового полка — фигура очень значительная. Эту истину Ватолин усвоил еще в училище, убеждался в ее непреложности на фронте. А теперь вот в применении к нему, Ватолину, какая он сейчас фигура? Жалкая!

— Артиллерист? — спросил Кормановский, обратив, должно быть, внимание на Костины петлицы.

Секунду помедлив, Ватолин встал:

— Исполняющий обязанности командира второго дивизиона лейтенант Ватолин.

Майор улыбнулся и развел руками:

— Так бы сразу и сказали. Очень рад. — Повернулся к капитану: — Видите, Николай Петрович, артиллерия к нам на помощь идет.

— Вижу. Дойдет ли только, — буркнул, попрежнему не поднимая головы от бумаг, капитан.

— Дойдет. Я их, артиллеристов, знаю. Храбрый был воин бывший командир дивизиона. Вечная ему память... И новый, уверен, не подкачает.

Спохватившись, майор спросил:

— Вы что, совсем один? Или оставили кого в дороге?

— Один.

— Ну ладно, ничего. Ваш энпэ тут недалеко. А пока отдохните. Вот папиросы. Закуривайте.

Командир полка подошел к столу, взял карандаш, пометил что-то на карте, потом в блокноте и обратился к капитану. Ватолин не слышал их разговора. Он слышал, как за дверью рвались снаряды, как завязался воздушный бой и бомбы падали у переправы и дальше — восточнее. Он тянул «Беломорканал» и наблюдал, как майор говорил по телефону и хмурился. Казалось, он не замечал, как вздрагивал блиндаж и сквозь невидимые щели обшивки сыпалась земля, как крупные осколки бомб жужжали над блиндажом, били в дверь. Однажды только, когда погасли свечи, он шумно фыркнул и зашагал из угла в угол, пока сержант зажигал их.

Бомбежка стихла. Ватолин поднялся:

— Я пойду.

— Прошу подождать. Сейчас, — майор взял трубку, назвал какого-то «тринадцатого», сказал, чтобы тот был внимателен к соседу слева, берег «карандаши» (людей), а ночью вывез груз, то есть раненых. Потом поговорил с «шестнадцатым», с «двадцать вторым». Подумал и подошел к Ватолину: — Слышали, как тяжелая батарея била? По нашим тылам она часто бьет. На днях продовольственно-фуражный склад разнесла. Весьма мешает обороне. Так вот, лейтенант, батарея эта дальнобойная на нашем с вами участке находится. Надо бы ее накрыть. Подумайте. С наблюдательных пунктов ее не видно. По площади стрелять — снарядов не хватит. А от переднего края она близко... Подумайте. Может быть, откуда-то она просматривается все же, а?

— Подумаю.

— Ну, желаю удачи, — командир полка протянул руку, весело сверкнул продолговатыми глазами. — И выше голову, товарищ лейтенант, — дальше видеть будете.

Когда Ватолин добрался до района наблюдательных пунктов, немецкие бомбардировщики снова долбили лощину. А здесь, на переднем крае, было самое тихое место — здесь немцы не бомбили, чтобы не попасть в своих. Командир четвертой батареи Долгополых первым увидел Костю и бросился к нему:

— Ты?!

Ватолин, чуть было не отчеканив в ответ: «Так точно, товарищ старший лейтенант», улыбнулся устало; он никак не предполагал, что своим появлением вызовет у дяди Васи такую радость.

— Я самый. Меня кто-нибудь спрашивал?

— Спрашивали. Из полка звонили и начальник штаба Хабаров спрашивал.

— Что сказал Хабаров?

Долгополых пожал плечами и ответил нерешительно:

— Высказал недоумение.

У большой норы, выкопанной под фундаментом стоявшего здесь когда-то дома и называемой все же блиндажом, Костю встретил ординарец Недайвода и доложил, что приказание выполнено — обмундирование для командира дивизиона получено.

— Какое обмундирование? Ах да, — вспомнил Ватолин о разговоре с капитаном Зараховичем. Ему бы эти заботы! А надо дивизионом командовать. И свое место найти. И голову держать выше, чтобы дальше видеть. И думать о вражеской батарее, которую следует подавить неведомо как.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ



# У рояля — Михаил Кедров

Виталий НОВОСЕЛОВ

В автобиографии профессионального революционера, большевика Михаила Сергеевича Кедрова есть такие строки:

«...Административная ссылка в Хотин, а затем в Вологодскую губернию. Устраивал в пользу ссыльных концерты, лично участвовал в них (1903—1904 гг.)».

М. С. Кедров приехал в Вологду за две недели до торжественного открытия здесь Пушкинского народного дома, которое состоялось 10 октября 1904 года.

Пушкинский народный дом, что стоял на Большом бульваре, у пересечения улиц Дворянская и Пятницкая (сейчас это вологодский ТЮЗ, пересечение улиц Октябрьской и Мальцева), стал крупным просветительным учреждением. Скорей всего здесь и прошли концерты административно-ссыльного пианиста Кедрова...

Холодная и дождливая осень 1904 года. Поздний вечер. Деревянные улочки окраин утопают во мраке, лишь кое-где они тускло освещены керосиновыми фонарями. Но центр города и Большой бульвар освещают электрические фонари системы Кертинга.

У рояля стоит высокий, смуглый молодой человек, с открытым и умным лицом, черно-смоляной шевелюрой и аккуратной бородкой. На нем ладно сидящая, но изрядно поношенная серая студенческая тужурка юридического ведомства. Это двадцатипятилетний политссыльный Михаил Кедров.

Сегодня у Михаила Сергеевича приподнятое настроение: наконец-то удалось перевестись из бессарабского городка Хотин в Вологду. А отсюда — рукой подать до Ярославля. Здесь уже второй год живут под гласным надзором полиции товарищи по ярославскому подполью — Мария Дидрикуль и Екатерина Новицкая. Несколько дней назад поменяла астраханскую прописку на вологодскую другая соратница по борьбе в Ярославле — Ольга Афанасьевна Варенцова.

Хорошее настроение в эти дни и у жены Ольги: она не только вернулась в родную Вологду, но и встретила Марию, старшую сестру. Правда, омрачают материальные трудности. Вот что писала в те дни Ольга Кедрова (Дидрикуль) сестре Нине из Вологды в Ярославль:

«Дорогая, мы сейчас буквально без гроша, а у всех позанимали, пора расплачиваться. Если ты не выслала деньги Эк. Н. (Екатерине Новицкой. — Автор), то выручай...»

Ольги на концерте нет. Она с сыном-первенцем Бонифатием, которому около года.

К организации в Вологде бенефисов для пополнения партийной кассы большевиков имели прямое отношение сестры-вологжанки Дидрикуль. В одном из писем из Ярославля в Вологду осенью 1904 года Нина Дидрикуль

договаривалась с сестрой Марией о проведении благотворительного концерта певца из Ярославля. Причем местом концерта прямо назывался вологодский Народный дом. В другом письме Нина сообщала:

«Если надумаете устраивать концерты впредь, обращайтесь к некоему Потайсову (если не перепутала фамилии), студенту здешнего лицея, управителю малороссийского студенческого хора. Переговоры вел он и с радостью исполнит всякие просьбы в этом роде...»

Сейчас мы знаем, что речь шла о Николае Ильиче Подвойском, который учился тогда в Демидовском юридическом лицее (ныне — Ярославский государственный университет) и руководил студенческим хором. Подпольная кличка большевика Подвойского в то время была — Гулак, в честь украинского певца и композитора Гулак-Артемовского.

Возможно, Нина Дидрикуль из конспиративных соображений искажила в письме его фамилию. Но скорее всего она была еще мало знакома со своим будущим мужем — ведь семья Подвойских возникла только в 1906 году.

...Дом-то, конечно, народный, но Михаил Кедров знает, что первые ряды в зрительном зале сверкают погонами офицеров, золотым шитьем вицмундиров чиновников, бриллиантами и мехами декольтированных дам. Ведь посетить Народный дом — в те дни было делом хорошего тона.

Вот под окном, в полоске электрического света, мелькнул элегантный экипаж на бесшумных дутиках. Это тройка рысаков с ветерком подбросила к белоснежным колоннам портала Пушкинского народного дома его превосходительство, губернатора Ладыженского с супругой и дочерьми. Господин губернатор играет в либерала, и довольно тонко. Сейчас губернатор сядет в первый ряд, и поднимется занавес.

А во втором ряду сидит запойный офицер-жандарм могучего телосложения, что допрашивал гласноподнадзорного Кедрова несколько дней назад. Допрашивая, он вчитывался в личное дело Михаила Сергеевича. Пальцы офицера дрожали, и эта дрожь передавалась листам бумаги. Взгляд жандарма остановился, когда в графе «ремесло» он прочитал — «музыкальное». Он даже с интересом меломана взглянул на поднадзорного, а может, не столько с интересом, сколько с иронией.

Перед концертом ротмистр в голубом мундире, конечно же, «позволил себе». И на душу его снизошла благодать. Вот он склонился к очаровательной спутнице и доверительно шепчет ей секреты бенефицианта: «Сын богача, потомственный дворянин, дважды исключен из

императорских университетов, был в побеге, стал изгоем. Сейчас мы разберемся, какой он музыкант, этот мазурик».

Жандарм не знает, что было предварительное прослушивание, что впечатление об игре осталось единодушным, и не случайно на концерт пожаловал сам хозяин губернии.

Но не для этих людей зазвучит сейчас музыка. Михаил Кедров будет играть для милостивых, скромно одетых женщин с гладкими прическами — для Ольги Варенцовой, Марии Дидрикуль и Екатерины Новицкой. Он будет играть для простых вологжан, что пришли в Народный дом. А самое главное — для тех, кого нет в этом зале. Ведь только в Вологде сегодня около сотни ссыльных товарищей. Они остро нуждаются, многие болеют. А буржуа и чиновники пополняют партийную кассу: не так уж дешево стоят билеты в первых рядах.

Едва ли предполагают сидящие в уютных креслах перед занавесом темно-вишневого бархата, что через год, осенью 1905 года, этот зал станет местом бурных политических митингов, исчезнут аксельбанты и вицмундиры, бриллианты и дорогие меха. А те, кто сегодня сидят в последних рядах, заполнят весь зал.

Именно здесь юный техник-железнодорожник Володя Панов в декабре 1905 года предложит собравшимся выпустить пар из паровозов, подготовленных на станции Вологда для перевозки военных эшелонов. И предложение Панова будет немедленно претворено в жизнь.

В Пушкинском народном доме будет проводить совещания и хранить оружие боевая дружина большевиков. А 1 мая 1906 года «дом крамолья» загорит, подожженный черносотенцами. Вспыхнет темно-вишневый занавес, сгорят двойные софиты, декорации, библиотека и многое другое. Сгорит рояль, который должен зазвучать через несколько минут. От Народного дома останется лишь кирпичный остов.

На погром в Вологде откликнется в печати лидер большевиков Ульянов-Ленин...

Однако господин губернатор с семьей уже заняли свои места. Пора начинать бенедикс. Вот медленно поднимается занавес. В зале выжидательная тишина. Молодой человек в студенческой тужурке сдержанно поклонился и сел у рояля. Пальцы пианиста приблизились к клавишам. Через секунду зал заполнят этюды Фридриха Шопена...

Семья Кедровых не находилась в вологодской ссылке и трех месяцев. Вероятно, игра Михаила Кедрова произвела впечатление на вологодского губернатора и его семью. И вскоре была удовлетворена просьба Михаила Сергеевича — продолжить обучение в Демидовском юридическом лицее.

В конце 1904 года М. С. Кедров с женой Ольгой Дидрикуль (Кедровой) и сыном Бонифатием переехали из Вологды в Ярославль. Интересно отметить, что в период вологодской ссылки Кедров находился под гласным надзором полиции, а жена Ольга — под «особым», как очень деятельная социал-демократка...

В начале 1906 года свет рамы в Твери увидел пианист с паспортом на имя Иванова. У него короткая стрижка, он не носит бороду, на музыканте безукоризненно сидящий фрак и белоснежная сорочка. Жандарм-меломан из Вологды узнал бы в нем Михаила Кедрова.

Шел 1905 год. Концертно-финансовая деятельность Кедрова отошла на второй план. Партия использовала его в качестве боевика в Москве и Костроме. На его счету подкуп под Таганскую тюрьму, снабжение оружием и обучение московских пролетарских дружин, экспроприации боеприпасов и взрывчатых веществ.

В начале 1906 года костромская организация большевиков была разгромлена. Под угрозой неизбежного ареста Кедров перешел на нелегальное положение и

уехал в Тверь. Он оказался талантливым пианистом, этот «Иванов». Большевики Твери получили заметную финансовую поддержку...

Осенью 1906 года М. С. Кедров получил крупное наследство — шестьдесят тысяч рублей золотом — и создал в Петербурге легальное издательство «Зерно». Вместе с Н. И. Подвойским, сестрами Дидрикуль и другими большевиками он попытался издать собрание сочинений В. И. Ленина. Эта попытка в условиях политической реакции закончилась лишь частичным успехом. Затем Михаила Сергеевича ожидало почти трехлетнее одиночное заключение в тюремной крепости.

После тюрьмы М. С. Кедрову удалось, воспользовавшись несогласованностью в действиях петербургской и московской охраны, вместе с семьей выехать за границу.

Самое яркое впечатление в эмиграции — первая встреча с В. И. Лениным. Произошло это летом 1913 года в швейцарском городе Берне, на одном из концертов Кассы взаимопомощи русского студенчества. Под этой вывеской работала финансовая организация большевиков.

Закончив играть увертюру Бетховена «Кориолан», Михаил Кедров покинул сцену. За кулисами кто-то назвал его имя. Повернулся на оклик и увидел двоих: товарища по бернской партийной организации и второго — невысокого, крепкого телосложения, с большим лбом и пытливым взглядом. «А хорошо играете. Я и не предполагал в вас таких талантов», — сказал с добродушной улыбкой новый знакомый. Так М. С. Кедров впервые встретился с В. И. Лениным.

Владимира Ильича интересовало многое, но в первую очередь история издательства «Зерно». Прощаясь, Ленин сказал: «Как-нибудь зайду к вам... музыку послушать».

И действительно через несколько дней он навестил семью Кедровых. При этом настолько просто держал себя, что через какие-нибудь полчаса сыновья Михаила Сергеевича обступили его со своими игрушками, а взрослые готовы были поведать ему самые сокровенные тайны. Старший сын Кедрова, 9-летний Бонифатий, вмешался в разговор и задал гостю какой-то очень мудреный вопрос. Владимир Ильич погладил его по голове и, улыбаясь, перефразировал известный стих: «Вырастешь, Фаня, узнаешь...»

Затем Кедров стал играть для Владимира Ильича. Весь вечер Ленин просидел на диване, погруженный в мир чарующих звуков. Вот как позднее описал это событие М. Кедров:

«Больше всего нравилась Ильичу музыка Бетховена. Его сонаты — патетическая и d-moll, его увертюры «Кориолан» и «Эгмонт».

Но комментарии к музыке, которые не совсем удачно мною делались, вызвали проницательные замечания со стороны незабываемого слушателя: «Только без комментариев».

С большой охотой слушал Ильич также некоторые произведения Шуберта — Листа («Лесной царь», «Приют»), прелюдии Шопена, но не нравилась ему чисто виртуозная музыка и вовсе не выносил слащавых «Песен без слов» Мендельсона.

«Замечательно играет!» — отзывался Ильич о моей игре и рекомендовал Надежде Константиновне обязательно послушать мою игру.

Думаю, не в моей игре, которая не заключала в себе ничего особенного, а в самом Вл. Ильиче и его настроении лежала загадка...

Еще несколько раз Вл. Ильич заходил к нам слушать музыку»...

В период эмиграции Михаил Кедров гастролировал по курортам Швейцарии. В одну из таких поездок он взял с собой старшего сына Бонифатия, будущего совет-

ского академика. То была поездка в курортное местечко Давос, расположенное в снегах швейцарских Альп.

Бонифатий Михайлович запомнил, что завтракали они в Берлине, «летом». Ехали на поезде до Цюриха, там пересели на местный и ужинали уже «зимой», в Давосе. Концерты продолжались несколько дней. Ночевали в маленькой, тихой гостинице, ее обслуживала всего одна женщина-хозяйка. Фактически то была большая изба швейцарского крестьянина.

С ними ездил и принимал участие в концертах политэмигрант Александр Антонович Трояновский. Он пел басом, на немецком языке. Бонифатий Михайлович запомнил два произведения в исполнении Александра Трояновского: «Жил-был менестрель» и «Во Францию два гренадера из русского плена брели».

В Швейцарии М. С. Кедров окончил медицинский факультет университета. Причем учебу он начал в немецком Берне, а закончил во французской Лозанне. Цель такого перехода — изучая медицину, параллельно в совершенстве овладеть немецким и французским языками.

Кем бы стал Кедров, если бы он посвятил себя не революции? Он мог стать известным юристом или врачом. Но скорее всего он состоялся бы как выдающийся музыкант. Ведь Михаил Кедров не только владел обширным репертуаром музыкальной классики и высокой техникой исполнения. Он имел свою, неповторимую манеру игры, свой стиль, что, как известно, и отличает талантливого музыканта от ремесленника. В исполнении Кедрова звучали по-новому, казалось бы, знакомые и известные сочинения.

А жизнь и деятельность профессионального революционера отнюдь не способствовали регулярной игре на фортепиано. О том, как любил Кедров музыку и как непросто было совместить эту любовь с революционной работой, говорит эпизод, о котором рассказывается в не опубликованных воспоминаниях его дальней родственницы (речь идет об аресте Кедрова в Ярославле, еще до ссылки в Хотин и Вологду):

«...Уже закончился традиционный чай и начался концерт Михаила Сергеевича. В этот вечер он очень много играл и между прочим сыграл «Кампанеллу» Листа. Он был в ударе, играл вдохновенно. Но вот все услышали стук в дверь, в значении которого никто не мог сомневаться. Все насторожились, подтянулись. Только Михаил Сергеевич не снимал рук с клавиатуры и продолжал игру, как ни в чем не бывало. Ввалились жандармы. Не поворотив головы, не бросив ни единого взгляда на вошедших, Михаил Сергеевич продолжал играть. Жандармский офицер попытался предъявить играющему ордер на обыск. Напрасно! Михаил Сергеевич не обратил на него никакого внимания: он играл «Кампанеллу»... Вот жандармский офицер приближается к нему и начинает его всего ощупывать, выворачивать карманы, заглядывать за воротник. Михаил Сергеевич абсолютно пассивен, но рук с клавиатуры не снимает и продолжает играть... Михаила Сергеевича прямо от инструмента подхватили под руки с двух сторон, посадили на извозчика и увезли...»

...Лето 1917 года. Петроград. Шла подготовка социалистической революции. М. С. Кедрова партия направила в «Военку» — так называли военную организацию при ЦК партии большевиков, которую возглавил Н. И. Подвойский.

В мраморном зале особняка балерины М. Ф. Кшесинской «Военка» организовала солдатский клуб «Правда». Для приезжавших с фронта солдат и матросов здесь проводились митинги, доклады, концерты. В этих концертах принимал участие пианист Михаил Кедров. И выступления его пользовались особым успехом, потому что

солдаты видели в нем не только музыканта, но и близкого человека, товарища по борьбе.

...Весной 1918 года М. С. Кедров получил новое задание партии. С мандатом, подписанным В. И. Лениным, народный комиссар Кедров выехал на Север для ревизии военных и государственных учреждений.

Тогда, после 13-летнего перерыва, и состоялась вторая встреча Кедрова с Вологдой. Пятого июня 1918 года к перрону станции Вологда подошел охраняемый латышскими стрелками «поезд Кедрова». Возглавляемая им «Советская ревизия» начала работу в Вологде.

Комиссар Кедров не был прирожденным оратором. Но бесстрашием и обаянием личности он умел восстанавливать порядок во взбунтовавшейся воинской части. Памятуя уроки Парижской коммуны, М. С. Кедров был беспощаден к ярым врагам Советской власти. «Красным якинцем» называли его товарищи по борьбе. «Кедровщиной» окрестили этот период в жизни города вологодские буржуа...

Как известно, сразу после выхода Советской республики из мировой войны послы США и Антанты демонстративно покинули Петроград и в первых числах марта 1918 года обосновались в Вологде. Провинциальный город неожиданно стал центром острой политической борьбы.

Из посольств осуществлялось руководство разветвленной сетью белогвардейского подполья. Только в июле, когда в соседнем Ярославле 16 дней полыхал белый мятеж, в Вологде удалось раскрыть два контрреволюционных заговора.

М. С. Кедров и возглавляемая им «Советская ревизия» имели прямое отношение к ликвидации заговора псов в Вологде.

Много раз в течение 1918—1919 гг. на запасных путях станции Вологда останавливался «поезд Кедрова». Штаб наркома М. С. Кедрова располагался обычно в здании железнодорожного вокзала. Сейчас на этом здании висит мемориальная доска. Жили Кедров и его сотрудники в вагонах поезда.

В гражданскую войну Михаил Сергеевич Кедров, находясь в постоянных разъездах, выполнял ответственные задания В. И. Ленина, Ф. Э. Дзержинского.

Михаил Сергеевич никогда не отмечал своих юбилеев. И только в день 60-летия, в феврале 1938 года, он собрал детей и товарищей. В этот вечер он рассказывал о своей нелегкой жизни и борьбе, о русских революциях, эмиграции, гражданской войне.

Центральной фигурой его рассказов был Владимир Ильич Ленин. Ведь образ Ленина прошел и через яркую жизнь, и через творчество Михаила Кедрова.

В то время Кедрова знали уже как литератора. Он написал воспоминания «Из Красной тетради об Ильиче», ряд трудов по истории гражданской войны на Севере, несколько брошюр по тактике подпольной работы, две драмы.

Моложавый мужчина с чуть-чуть усталыми и грустными карими глазами, черно-смоляная шевелюра и борода с проседью, на груди орден Боевого Красного Знамени и знак «Почетный чекист», Михаил Кедров много и вдохновенно играл на своем белом рояле, по несколько раз исполнял любимые произведения Владимира Ильича Ленина...



# СОКРОВИЩА В ПЕСКЕ

Григорий ЦАУР

Рисунок Г. Копыриной

Песок нам знаком с детства. Но для большинства песок — это прежде всего солнечные пляжи, приятное на ощупь дно под водой... Нам недосуг посмотреть на песок более внимательно.

На первый взгляд кажется, что все песчинки одинаковы. В действительности диапазон их размера довольно широк — от одного до десятой доли миллиметра. И обратите внимание: какие разноцветные эти песчинки! Более тридцати минералов создают их. Здесь и кварц, и полевой шпат, и слюда, многие рудные минералы, и даже... драгоценные камни.

Интересная и непростая у песка биография. Началась она миллионы и даже миллиарды лет назад, в пору «бурной молодости» нашей планеты.

Днем солнечные лучи нагревают поверхность земли, ночью она остывает. Колебания дневной и ночной температур в некоторых местах земного шара достигают 40—50 градусов. Это ведет к растрескиванию горных пород, к постепенному разрушению их, чему способствуют вода и ветер. Проникая в трещины и замерзая в них, вода как стальной клин раскалывает огромные глыбы камня, которые скатываются к подножию гор, образуя вокруг них гигантские осыпи. Крупные обломки под действием тех же сил — температуры, воды и ветра — подвергаются дальнейшему разрушению, обращаясь в конце концов в мельчайший песок и тончайшую пыль. Так происходит уничтожение горных хребтов и выравнивание рельефа земной поверхности.

Считается, что Урал за мезозойское и кайнозойское время (100 миллионов лет) понизился на 500 метров.

Как бы медленно ни шло разрушение, поверхность земли в конечном счете должна была бы обратиться в гладкую равнину, если бы не происходили новые горообразовательные процессы.

Водные потоки, крупные реки и маленькие ручейки непрестанно выполняют огромную работу, пере-

мещая миллиарды тонн ила и песка. Ежегодно в мировой океан выносятся столько разрушенных горных пород, что из них можно соорудить вал высотой более двух километров, протяженностью около тысячи километров и шириной в основании четыре-пять километров.

К песку, приносимому реками, присоединяется обломочный материал с самих морских берегов — своеобразный трофей прибойных волн, ведущих наступление на сушу фронтом длиной в миллион километров. А если учесть, что крупная волна создает удар мощностью в 250 лошадиных сил, станет понятным, какую огромную массу песка «вырабатывает» этот необычный «комбинат-разрушитель».

На берегу, в затишках, бухточках, наиболее тяжелые минералы, составляющие песок, накапливаются, образуя россыпи. Они отлагаются вдоль побережий всех континентов. Многие страны даже ведут промышленную разработку этих месторождений прямо на пляжах. Так, например, магнетитовые пески — основной источник железной руды для Японии — страны, где нет своих железорудных месторождений.

Поговорим подробнее о трех минеральных группах в песке, а именно о кварце, полевых шпатах и слюдах. Они широко распространены на Урале. Это полезные ископаемые. Кварц и его разновидности, в частности горный хрусталь, начали использовать на заре человеческой истории, а полезные свойства полевых шпатов стали известны гораздо позднее. А современная слюдная промышленность — порождение электротехники.

## КВАРЦ — ОТЕЦ СТЕКЛА

Кварц — самый распространенный минерал. Окатанные в шарик частички кварца были когда-то кристаллами удивительной красоты. Люди дали им новую жизнь. Используя свойства кварца, они нашли способы заставить песок перевоплощаться во множество красивых и полезных вещей. О самой знамени-

той (и древней) роли песка, которая сделала его буквально незаменимым в нашей жизни, рассказывает история стекла.

Стекло было известно уже в четвертом тысячелетии до нашей эры. Археологи нашли его ранние образцы на территории Древнего Египта и Месопотамии. Есть легенда о том, как царь Соломон пригласил к себе во дворец царя Савскую. Гостью принимали в зале с полом из хрустального стекла. И царя, подумав, будто это вода, приподняла край платья, чтобы не замочить его.

Особую популярность изделия из стекла завоевали в период расцвета Киевской Руси в XI—XII веках. Это были многоцветные мозаичные смальты, браслеты, бусы, посуда, оконное стекло. Во время татаро-монгольского ига, которое лишило народы Руси возможности совершенствовать свое искусство, многие секреты сложного дела были утеряны. Возрождение стекольного производства началось лишь в 40-е годы XVII века. Под Москвой, а потом и в других районах России стали строить заводы, вырабатывающие «искусственный хрусталь».

Изумительные изделия из стекла хранятся в лучших музеях мира. Прославилось венецианское стекло, впитавшее в себя, кажется, все краски природы. Не менее знаменитым стало богемское. Изделия из него появились на европейском рынке в XVII веке и сразу обрели почитателей. Около двух столетий стекловары Богемии хранили секрет своего хрустала, и лишь в конце прошлого века он был опубликован. Основой богемского стекла по-прежнему служил кварцевый песок. Он же стал сырьем для изготовления стекловолокна, которое по прочности на разрыв превосходит легированную сталь.

Возможно ли перечислить все области современного применения этого чудесного сплава — стекла? Линзы для очков и электронная аппаратура, жаропрочное стекло для кухонной утвари и для нужд авиации и космонавтики, тончайшие

стеклянные нити для световодов и громадные зеркала телескопов... Восхищаясь красотой стекла, дивясь мужеству его профессий, как не вспомнить о простом песке, без которого все это было бы невозможно.

Бурное развитие техники «переквалифицировало» хрусталь. Вот как это случилось. В конце XIX века П. Кюри совместно с братом Ж. Кюри открыли удивительные явления. При сжатии и растяжении кристаллы горного хрусталя электризовались, а при этом самопроизвольно сжимались. Этот эффект был назван пьезоэлектрическим (от греческого «пьезо» — давлению). В дальнейшем было замечено, что если кристалл хрусталя особым образом разрезать на пластинки, каждая из них сохранит свойства пьезоэлектрика. С каждым годом удлиняется список профессий таких пластинок. А вот и последнее сообщение: наша промышленность начала выпуск световодных кабелей, что позволит начать переход на кабельное телевидение в больших городах.

Волновод — это стеклянная проволока, похожая на светлый человеческий волос, ее толщина лишь на 20 (!) микрон больше. Она прочна, гибка, совершенно не боится коррозии. Это новшество позволяет получать на экранах телевизоров яркое, устойчивое, без малейших помех изображение.

В составе уральских песков наряду с горным хрусталем встречаются и его многочисленные родственники: непрозрачный молочно-белый кварц, сероватый дымчатый кварц и его черный собрат морион. В природе бывают не только сероватые, но и золотисто-коричневые, бурые, темно-серые (дымчатые) кварцы. Они обязаны названием цветовой гамме, которая включает разные оттенки дыма. Чуть мрачные дымчатые кварцы преобразуются в огранке.

## ПОЛЕВОЙ ШПАТ

Какой песок самый пестрый? Зачерпнем его, например, на Исетском озере, у самой кромки воды. Здесь песчинки крупные и цвет каждой виден отлично. Особенно богатым разноцветьем поспевают осколки полевых шпатов. Они составляют чуть ли не половину этого песка и принадлежат обширнейшему семейству минералов. Для обозначения ста разновидностей полевых шпатов условились применять просто порядковые номера от 0 (альбит) до 100 (анортит).

На правах главного компонента полевой шпат входит в состав боль-

шинства пород. Четкие брусочки его кристаллов определили название — шпат (от шведского «шпат» — брусочек). На камнях Швеции таких брусочков хоть отбавляй, и вот уже шведское слово «фельд» — пашня — объединилось со словом шпат. Получилось «фельдшпат», а по-русски — полевой шпат.

Цвет каждого кристалла в той или иной степени связан с его химическим составом. От структуры минерала зависят формы частей, на которые при ударе раскалывается кристалл. Те, что дают косое расщепление, получили название «плаггиоклазы» (от греческого «плагнос» — косой, «клясис» — расщепление). Именно к плаггиоклазам относятся самые красивые и ценные камни семьи полевых шпатов. Они носят загадочные, романтические имена, с ними связаны легенды, суеверия, открытия.

На Урале исстари ходит такой сказ.

Жили две сестрицы. Старшая была солнца краше, а младшая — тихая и нежная, как лунный свет. По соседству жил юноша, красивый, синеглазый. Полюбила его младшая сестрица. Только не ей была отдана душа парня. Ох, каким густо-синим, а то огненным светом горел его взгляд, встречаясь со взором старшей из сестер!

Младшая от любви своей безответной в землю ушла. Извела тоска и старшую. Покинул тогда юноша родные края. А потом на Урал весть пришла: сложил парень голову в далеком краю. С тех пор будто стали находить камни чудной красоты. Один белый, с переливами, как снег под луной, да что там снег — как сам лунный свет! Другой никогда с ним рядом не живет, сам черный, а сполохи по нему то синевато-желтые, то малиновые, но больше всего — густо-синие, голубые, словно очи того уральского юноши.

Встречается этот камень не только на Урале, но и на Украине, в Финляндии... Но имя свое — лабрадор — получил по месту находки в Северной Америке, на полуострове Лабрадор в 1770 году.

Впрочем, оказалось, что народы Старого Света уже знали этот минерал, только называли его по-другому. В странах Востока он был «тавусиным камнем» (по-персидски «тавуск» — павлин). В Финляндии, например, называют его «каменной радугой» — спектролитом.

Богата история лабрадора в нашей стране. Еще во время Киевской Руси этот самоцвет широко использовался для украшения церквей. В прекрасной многоцветной

мозаике алтаря Десятиной церкви в Киеве были кусочки «синеглазого» камня из местных украинских месторождений. А ведь церковь была построена в 991—996 годах! В 1178 году из такого же лабрадора (горная порода, основным минералом которой является лабрадор) изготовили гробницу киевского князя Мстислава. Неизвестно, как звали тогда этот удивительный камень, но по крайней мере за шесть веков до находки в Северной Америке его знали и высоко ценили на Руси.

Темные до черноты с синими огнями сверкающих «глаз» лабрадориты создают впечатление суровой торжественности. Вот почему именно этот камень использован для Мавзолея В. И. Ленина. Из лабрадора сделаны также пьедесталы памятников В. И. Ленину в Москве и в Ереване, В. П. Чкалову — в Горьком, И. Д. Черняховскому — в Вильносе.

По народной примете, минералы эти (плаггиоклазы — альбит и лабрадор) не встречаются вместе. Но вот они у нас перед глазами: окатанные обломки светлого и темного плаггиоклазов соседствуют в пригоршне песка! Не разглядеть в них игру цвета, очень уж мелкие песчинки, но зато они побудили нас к поиску, помогли увидеть в обычном необычное.

В той же пригоршне песка, только что открывшей нам полевошпатовую «аристократию» — лунный камень и лабрадор, незрелыми ягодками розовеют их вовсе не имевшие родственники — микроклины. Это странное название пришло из греческого языка и означает «незначительные отклонения». Кристаллы микроклина достигают огромных размеров — известен случай, когда в одном гиганте заложили каменоломню! А в Норвегии при разработке месторождений полевых шпатов выпадают десятиметровые кристаллы.

Микроклин бывает невзрачным, беловато-серым, бледно-розовым, нередко и красные, оранжево-красные и даже зеленые кристаллы. Зеленая разновидность микроклина называется амазонитом. Именно они, эти яркие брусочки полевого шпата, придают рядную красоту гранитам. Вспомните, как пестрит оттенками вымощенная гранитом и умытая дождем мостовая! А как торжествен красен гранит памятников М. И. Калинину, М. И. Кутузову в Калининграде!

Но есть у полевого шпата и другая красота. Ее творят люди. Они добывают из недр земли огромное количество этого ценного минерала,

перерабатывают его в порошок и используют для изготовления тонкого, голубовато-белого фарфора. Без полевого шпата не обходится и фаянсовое производство. В персидских рукописях XIII века белая разновидность этого минерала названа «сахарным камнем» и «первым из материалов, необходимых для производства фаянса». В те далекие времена фаянсовая посуда ценилась довольно высоко, и лишь богатые люди могли себе позволить пользоваться ею. В наши дни изделия из фаянса есть в каждом доме, даже в каждой ванной комнате, как, впрочем, и эмалированные предметы, так как для производства эмалей также используется полевой шпат.

## СЛЮДА

Если вы окунете ладонь с горстью песка в озеро или море и слегка пошевелите рукой, вода унесет самые легкие песчинки — лепестки слюды. Вы думаете, ушла только слюда, а между тем из песка на вашей ладони исчезло сразу несколько минералов, ведь «слюда» — название целой их группы.

Есть признаки общие для всех слюд. К примеру, способность лущиться на тончайшие, перламутрово сверкающие, гибкие и прозрачные листочки.

Первые случаи использования слюды в окнах, видимо, имели место в древнем Новгороде в X—XII веках. В самом начале XVII века существовала в Карелии достаточно крупная слюдяная промышленность. Имеются сведения, что уже в 1608 го-

ду обнаружен указ московского правительства о сборе «подачи» с добываемой слюды в размере одной десятой ее количества. Реформы Петра I и создание флота резко увеличили потребность в слюде, которая шла в основном для защиты пламени фонарей от ветра. В 1706 году вышел указ, запрещающий продажу слюды частным лицам и закреплявший ее добычу за государством.

Наверно, вы заметили, что в пляжных песках слюдистых минералов немного. Это потому, что они легко уносятся волнами и откладываются на дне моря или озера. Там под воздействием воды они из обычных превращаются в гидрослюды (водные слюды). Подобное перерождение происходит не только под водой, но и на суше в процессе химического выветривания. Например, флогопит превращается в прелестный золотистый или серебристый минерал вермикулит. Не правда ли, это слово похоже на «вермишель»? И не удивительно: оба происходят от латинского слова «вермикулус» — червячок. Но вермишель получила свое название благодаря способности после отваривания чуть набухать, становиться мягкой и гибкой, как червячок, — тут все ясно. А вот отчего так назван камень? Может быть, и его надо варить, как вермишель? Только не в воде, а нагревать всухую. Тогда происходит чудо: плотный кристалл вермикулита вдруг начинает вспучиваться, извиваться, распадаться на пластинки, причем пластинки отходят друг от друга без растрескивания и поломки, и кристалл увеличивается в объеме в 40 раз!

А дело в том, что в состав вермикулита входит вода. При нагревании образуется водяной пар, он-то и раздвигает пластинки вермикулита. После нагрева этот минерал становится отличным звуко- и теплоизолятором, даже используется в этом качестве для оборудования пилотской кабины самолетов.

Наш рассказ о слюде был бы неполным, если бы мы не упомянули еще об одном минерале — о железистой слюде, которая называется биотит. Имя это слюда получила в честь французского физика XVIII века Биота.

Кристаллы биотита красивы, достигают порой огромных размеров.

С открытием электричества понадобились не только различные электропроводящие материалы, но и надежные изоляторы. Здесь-то и нашли применение мусковит и флогопит. Они попали в конденсаторы и кинескопы телевизоров, в авиасвечи и электропаяльники и даже в космические корабли.

Все слюды, которые мы упомянули, довольно часто образуют россыпи, правда, не на берегу, а на дне моря. Слюды из этих россыпей не добываются, а песок, слишком богатый слюдистыми минералами, не пригоден даже для строительства. Так считалось, по крайней мере, до недавнего времени. Но вы, наверное, обратили внимание на посверкивающие слюдой стены многих зданий? Их нарядная облицовка — песок, слюда и гранитная крошка — еще одно доказательство того, что нет ничего бесполезного, а есть нераскрытые возможности природных минералов, их неразгаданные тайны.





## О ФАНТАСТИКЕ — ВСЕРЬЕЗ...

Кто вы — сегодняшние фантасты? Каков ваш возраст? Что успели сделать в жизни? И что — написать и напечатать? Как пришли к фантастике, чем она вас к себе притянула? Зачем вы ее пишете — и почему? Что считаете в ней самым важным? Что в ней категорически не приемлете — и чего ей, на ваш взгляд, недостает сегодня?

В сентябрьском номере прошлого года мы обратились с этими вопросами к тем, кто пишет фантастику, и к тем, кто ее не пишет, однако близко к сердцу принимает ее заботы.

Публикуем первые отклики. Приглашаем аудиторию к дальнейшему разговору...

Я принадлежу к «резервистам» (по вашей терминологии). Мне 19 лет, образование 10 классов, работаю корректором в редакции районной газеты, готовлюсь поступать на факультет журналистики. Писать фантастику начала с 12 лет. Первую попытку напечататься предприняла в 9 классе. Получала вежливые ответы...

Написала довольно много рассказов. Вначале мне просто нравилось строить свои миры. Потом рассказы помогали мне понять мир, его законы, людей: когда пишешь — замечаешь много нового. Сейчас я пытаюсь выразить свое представление о мире и разуме, передать другим людям мои мысли и чувства.

Фантастика — это своеобразный зонд, который человек забрасывает в неведомое. И главное в ней — Человек и Человечество, судьбы которых неразделимы. Она судит своих героев по самым высшим, «космическим» меркам, иногда заставляя нас пересмотреть привычные критерии. НФ помогает нам понять себя. Но все это относится, естественно, только к хорошей фантастике.

К сожалению, иной более чем достаточно. Особенно неприятное впечатление оставляет философская неграмотность, незнание основ обществоведения. По иным рассказам невозможно понять, при каком строе разворачивается действие, другие протаскивают в коммунизм хамов-

ство, хиппование, приклатненный стиль поведения — в качестве идеала! И это при том, что НФ, как и всякая литература, является оружием идеологической борьбы.

Такие крайности редки, но то тут, то там режут глаза обветшавшая, неизвестно где выкопанная теория, странноватые рассуждения, авторское восхищение не очень умными героями и их поступками. Попадают и этически сомнительные ходы: например, с искусственным интеллектом (разумом, пусть нечеловеческим!) люди обращаются как с вещью. Возврат к рабству на супер-научном уровне?

Некоторые почему-то забывают, что обязательным условием возникновения и существования разума является труд, и наделяют мышлением существ, у которых нет органов для труда, цивилизации которых (по мнению авторов, очень высокие) не имеют никакой материальной базы. Самый распространённый пример — дельфины.

Я отнюдь не призываю к ограничению сюжетов и ходов. Автор волен моделировать ситуацию, давать ей законы, но дальше он должен следовать логике развития созданного мира, думать о правдоподобности, непротиворечивости написанного. Любая фальшь лишает автора доверия читателей, а оно в НФ не менее важно, чем в любом искусстве. Без него герои, их чувства, идеи — мертвы.

Тревожит, что в последнее время в нашей фантастике появилась бесчеловечность и, как я могу судить, продолжает «освоение территории». Наша литература, в том числе и НФ, справедливо гордится традициями гуманизма, так почему же стали появляться «жестковатые» идеи и герои? Даже очень хорошие авторы стали вводить их в свои произведения! И появляются в будущем космонавты, которые боятся, что если товарищи узнают о том, как они пострадали, их просто выкинут в космос. В эпilogе выясняется, что опасения не беспочвенны... Я специально взяла для примера «Лунную радугу» Павлова — книгу в целом очень интересную и хорошую.

НФ уже давно имеет право на оценки без скидок на жанр. Она — полноправная часть литературы, и незачем унижать ее принижением спросом. Это только повредит ей.

Т. СУВОРОВА  
(Верхотурье Свердловской обл.)

Мне 22 года, сделать я успел немного — окончить с красным дипломом техникум, отслужить (с медалью «За трудовое отличие») в строительных войсках. Сейчас учусь на втором курсе института.

Вначале фантастика меня захватила остросюжетностью (период со второго по шестой класс), затем понемногу мое отношение, интерес к ней стали меняться. Сейчас для меня главное — язык и образ героя, его внутреннее состояние. Поэтому последние абзацы в «Пикнике на обочине» я не променяю на тонну «звездных опер».

Строго говоря, я ее не пишу. Во время сельхозработ и практик рассказываю по памяти. Иногда экспромтом и почти неожиданно для себя нахожу неплохой сюжет. Безусловно, в большой мере это игра, но я даю себе в этом отчет и пока не собираюсь коллекционировать отказы из редакций: переказывая фантастику, я делюсь своим настроением и мыслями...

Вопросы вами поставленные прямо — и вопросы, наболевшие для фантастики. Что самое важное и почему?

Самое важное не то, что происходит на страницах произведения, а то, что творится в душе читателя. Казалось бы, такая трактовка снимает все ограничения с воображения — да, возможно. Но простите, сейчас я напомню вам о принципе, слишком часто забываемом по отношению к фантастике: о принципе партийности литературы. По-моему, принцип партийности — это не писать аршинными буквами лозунги, а воспитывать читателя. Пусть после прочтения фантастики температура души у читателя достигает «451° по Фаренгейту» — чтобы выгорел хлам мещанства.

О. ТЫШЛЕР (Алма-Ата)

# На перекрестках времени: год 1986-й

Следуя традиции, мы составили с помощью наших читателей краткий список памятных дат НФ на нынешний год. Для удобства все даты в нем даны по новому стилю.

**Январь, 8.** 85 лет со дня рождения украинского писателя-фантаста Владимира Николаевича Владко (1901—1974), автора книг «Аргонаты Вселенной», «Потомки скифов» и др.

**Январь, 12.** 110 лет со дня рождения известного американского писателя Джека Лондона (1876—1916), автора ряда НФ произведений («Железная пята», «До Адама» и др.).

**Январь, 22.** 425 лет со дня рождения английского философа-гуманиста Фрэнсиса Бэкона (1561—1626), автора утопии «Новая Атлантида» (не раз переводилась на русский язык).

**Январь, 27.** 160 лет со дня рождения великого русского сатирика Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина (1826—1889), охотно обращавшегося к фантастике («История одного города», «Сказки»).

**Январь, 27.** 95 лет со дня рождения известного советского писателя Ильи Григорьевича Эренбурга (1891—1967), автора фантастического романа «Трест Д. Е.» (1923).

**Февраль, 21.** 140 лет со дня рождения чешского писателя Сватоплука Чеха (1846—1908). В 1977 году изданы на русском языке его повести о путешествиях пана Броучека на Луну и в XV столетие; первой из них исполнится ныне 100 лет.

**Апрель, 16.** 70 лет со дня рождения Евгения Павловича Брандиса (1916—1985), литературоведа и критика, много сделавшего для развития отечественной НФ. Им написаны книги о творчестве И. Ефремова, Ж. Верна, работы по истории и современному состоянию советской и зарубежной фантастики.

**Май, 14.** 95 лет со дня рождения известного советского писателя Михаила Афанасьевича Булгакова (1891—1940), не раз обращавшегося к фантастике («Иван Васильевич», «Мастер и Маргарита» и др.).

**Май, 18.** 100 лет со дня рождения советского писателя-фантаста Григория Борисовича Адамова (1886—1945), автора романов «Победители недр», «Тайна двух океанов», «Изгнание Владыки».

**Июль, 14.** 95 лет со дня рождения Александра Мелентьевича Вол-

кова (1891—1977), автора популярной сказочной серии «Волшебник Изумрудного города», писавшего и НФ («Приключения двух друзей в стране прошлого», «Тайна заброшенного замка»).

**Июль, 17.** 85 лет со дня рождения известного советского писателя Бруно Ясенского (1901—1941), автора фантастического романа-памфлета «Я жгу Париж» (1928).

**Август, 17.** 240 лет со дня рождения Василия Алексеевича Левшина (1746—1826), автора утопии «Новейшее путешествие» (1884), где впервые в отечественной литературе описан полет на Луну.

**Сентябрь, 2.** 80 лет со дня рождения (1906) известного советского писателя-фантаста Александра Петровича Казанцева, лауреата премии «Аэлита-81».

**Сентябрь, 12.** 65 лет со дня рождения (1921) польского писателя-фантаста Станислава Лема, хорошо известного и в нашей стране.

**Сентябрь, 21.** 120 лет со дня рождения Герберта Уэллса (1866—1946), знаменитого английского писателя-фантаста.

**Ноябрь, 11.** 165 лет со дня рождения великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского (1821—1881), неоднократно обращавшегося к фантастике («Сон смешного человека», «Бобок», «Крокодил» и др.).

Кроме того, в наступившем году исполняется:

**90 лет** со дня рождения Владимира Григорьевича Брагина (1896—1972), автора книг «В стране дремучих трав» и «Искатель утраченного тысячелетия»; Юрия Александровича Долгушина, автора романа «Генератор чудес»; Николая Николаевича Шпанова (1896—1961), автора книг «Первый удар», «Война невидимок» и др.;

**80 лет** со дня рождения Георгия Сергеевича Мартынова (1906—1983), автора романов «Каллисто», «Гианэя» и др.; Леонида Дмитриевича Платова (1906—1979), автора дилогии «Повести о Ветлугине» и др. книг;

**75 лет** со дня рождения Михаила Прокопьевича Белова, автора романа «Улыбка Мицара» и др. книг; Михаила Петровича Михеева, автора книг «Вирус В-13», «Милые роботы» и др.; Николая Владимировича Томана (1911—1974), автора книг «Говорит Космос!», «Неизвестная земля» и др.;

**70 лет** со дня рождения Петро-

ния Гая Амадуни (1916—1982), автора романа-трилогии «Гаяна»; Михаила Николаевича Грешнова, автора книг «Обратная связь», «Волшебный колодец» и др.; Ариадны Григорьевны Громовой (1916—1981), автора повестей «Поединок с собой», «В круге света» и др.; Виталия Григорьевича Мелентьева, автора книг «33 марта», «Черный свет» и др.; Наталии Викторовны Соколовой, автора повестей «Захвати с собой улыбку на дорогу», «Пришедший оттуда» и др.;

**60 лет** со дня рождения Генриха Сауловича Альтова, автора книг «Опалющий разум», «Создан для бури» и др.; Анатолия Федоровича Бритикова, автора монографии «Русский советский НФ роман» и др. работ о фантастике; Глеба Николаевича Голубева, автора повестей «Огненный пояс», «Гость из моря» и др.;

**50 лет** со дня рождения Виктора Дмитриевича Колупаева, автора книг «Случится же с человеком такое!..», «Фирменный поезд «Фомич» и др.; армянского писателя-фантаста Карэна Арамовича Симоняна (на русский язык переводились его роман «Аптекарь Нерсес Мажан» и рассказы).

Исполняется также: **470 лет** знаменитой «Утопии» Т. Мора (1516); **120 лет** роману Ж. Верна «Путешествие и приключения капитана Гаттераса» (1866); **100 лет** повести Р. Стивенсона «Странная история д-ра Джекиля и м-ра Хайда» (1886); **90 лет** роману Г. Уэллса «Остров доктора Моро» (1896) и **85 лет** его роману «Первые люди на Луне» (1901); **75 лет** популярному «доисторическому» роману Ж. Рони-старшего «Борьба за огонь» (1911); **60 лет** первой НФ книге А. Беляева «Голова профессора Доуэля» и роману В. Обручева «Земля Санникова» (1926); **50 лет** роману К. Чапека «Война с саламандрами» (1936); **45 лет** последнему роману А. Беляева «Ариэль» (1941); **40 лет** первым повестям Г. Гуревича «Человек-ракета», В. Немцова «Огненный шар» и первым рассказам В. Охотникова и В. Сапарина (1946); **25 лет** повести А. и Б. Стругацких «Полдень, XXII век» и роману Е. Войскунского и И. Лукодьянова «Экипаж «Меконга» (1961).

Не забудем и о юбилеях наших журналов. **125 лет** исполняется старейшему из них, журналу «Вокруг света»; **25 лет** выходит приложение к нему — журнал «Искатель»; **60 лет** исполняется журналу «Знание — сила».



# РОТМИСТР АВИАЦИИ

Анатолий РОМОВ

Рисунки С. Сухова

12.

Сидящий за столиком черноволосый красавец не первой молодости осклабился:

— Иероним Стэнгулеску. Граф Стэнгулеску.

Красив, ничего не скажешь. Правда, великоват нос, глаза чуть бычьи и похож на жулика, но красив.

— Меня зовут Александр Остерман.

— Просто Остерман?

— Нет, князь Остерман.

Губарев хотел позвать официанта, но Стэнгулеску почти лег на него, зашептал:

— Вы, я вижу, тут новичок, князь; а я рад... Наконец хоть один приличный человек рядом... Если позволите? — знака официанту Губарев не уловил, тот уже был рядом и разливал шампанское. Выпрямившись, граф поднял бокал.

— Прошу, не отказывайтесь! Живем один раз, кордебалет ленится, вокала нет, программа надоела, но все равно, это лучшее место в Петербурге! Выпьем! Прозит!

Стэнгулеску пригубил. После третьего бокала общих тем нашлось масса: граф сообщил, что часто бывал в родной князю Остерману Херсонской губернии, там у него родственники, рядом же, в милых сердцу молдавских садах, собственное поместье. Обожает австрийцев, бильярд, бридж и покер, готов хоть сейчас составить партию и найти клиентов. Что до зала, знает всех, дипломатам же просто брат родной. К началу первого выступления Ставровой, в половине одиннадцатого, Стэнгулеску был уже пьян и запросто звал Губарева Алексом, попросив себя называть Джерри. После объявления номера сделал страшные глаза.

— Мадемуазель «В холодном Париже!», Алекс, па-атрясающая дама! Поля Ставрова! С виду стерва, глаза холодные, но поет, доложу — а-абалдеешь! — Нахмурился.

Дружище, ползала ходит сюда из-за нее, и я тоже.

Ставрова запела. Стэнгулеску добавил шепотом:

— Хочешь, после выступления — за кулисы? Опасно, у нее два любовника, один финансист, другой дипломат, видишь, страшила у сцены, япощка? Но я знаком и с тем, и с тем... Клянусь, Алекс, для тебя это сделано! Весь кордебалет — мои подруги, на любовников — п-плевать! Да мы под невинным предлогом... — заговорщицки пошевелив бровями, Стэнгулеску сделал знак метрдотелю. — Цветы от меня и Алекса Ставровой, понял?

Нужна ли ему Ставрова, подумал Губарев. Нужна, убеждал он себя. Во-первых, возможная связь с Танакой, во-вторых, укрепление репутации князя Остермана. Но наблюдая за исполнением модной песни, а затем за Танакой, вновь посланным конверт, вынужден был признать: его интересует еще и она сама.

Стэнгулеску не обманул: официант отнес за кулисы ящик бордо, вернувшись, шепнул: «Ждут-с». И они прошли в общую для кордебалета и дебютанток грим-уборную. Молдаванин, изредка целуя в щеки девушек, подошел к трюмо Ставровой. Она кивнула, не повернувшись. Губарев отметил: четыре корзины с цветами, одна из них — от него. Многие голоса похожи, да и тогда была другая обстановка, вряд ли она запомнила его голос. Певица осторожно снимала грим. Стэнгулеску подсел, сказал бархатно:

— Конечно, мы здесь вторые, а может, и третьи, но, Полиночка, — на секунду! Мой друг князь Остерман, Александр Остерман, жалуй его — он от тебя в восторге!

Глядя на Губарева, граф поднял брови. Пришлось заговорить, хотя он хотел бы сделать это позже:

— Мадемуазель, а действительно в восторге. Это прекрасно. Все, что я скажу, прозвучит банально, но ваш голос выше всяких похвал.

— Вообще сносная чушь, как раз

то, что нужно. Ставрова обернулась лишь на миг.

— Благодарю, князь... Садитесь... Простите, артистический беспорядок, через час номер... Садитесь, расскажите что-нибудь... Джерри, усади друга...

Все скороговоркой, мимоходом, одной рукой снимая грим, другой придерживая шаль. Сейчас она совсем другая, особая, лживо-свойская, артистическая, не похожая на ту, смеющуюся в подъезде, когда они удирали от Десницкого. Но все-таки ему было приятно, когда на прощанье, еще с одним поворотом на полсекунды и дежурной улыбкой, он услышал:

— Спасибо, князь, вы милы. Розы обворожительны.

13.

Он выдержал битву с Курново, но в конце концов доказал, что от услуг штатных филеров надо отказаться. Пусть Киёмура выпадет на какое-то время из их поля зрения, пусть ему удастся что-то скрыть — лишь бы он ничего не заподозрил. Лучше найти хоть что-то, чем потерять все.

Господин Юдзуру снимал большую квартиру в доме, где жил японский торговый атташе, на Второй линии Васильевского острова. В этом же доме жил и Танака. Контора «Ицуми» находилась далеко, на Садовой, около Гостиного двора, но Киёмура приезжал или приходил туда пешком ежедневно, ровно к десяти. Кроме того, он бывал на предприятиях, с которыми «Ицуми» поддерживала торговые связи. В первые же два дня, попавшие под контроль Губарева, японец посетил представительство завода «Гаррис» на Кирочной, контору «Мастерских ротативных двигателей «Гном» в Солдатском переулке и техническую контору фабрики «Эльмет» на Нижегородской. Эти три адреса были почти сразу проверены агентами ПКРБ; выяснилось, что ни-

какими секретными заказами предприятия не занимаются, и деятельность Киёмуры во всех трех фирмах законна и оговорена в соответствующих инстанциях.

Времени у Губарева было мало, он знал — отчет перед Курново висит дамокловым мечом. Сейчас — после многократных посещений «Аквариума» — он был почти убежден: Танака и Киёмура ведут какие-то общие дела, но пока он не выяснит, что нужно Киёмуре, именно Киёмуре, связь представителя «Ицуми» с морским атташе ни о чем ему не расскажет.

В последующие пять дней Губарев всерьез пожалел, что отказался от услуг филеров. Он практически изучил все маршруты представителя «Ицуми», расписание его завтраков и обедов, мог издали узнать все детали туалета — от шляпы до портфеля. Киёмура редко пользовался авто или пролетками, больше — пешком. Чтобы не попасться японцу на глаза, приходилось проявлять изворотливость. Губарев проявлял, но награда была скудной, за все дни выявилось лишь два новых адреса: контора акционерного общества «Российский мотор» на Шпалерной и мастерские «Климов и сыновья» на Литейном. ПКРБ снова проверило оба предприятия и снова не обнаружило ничего, что говорило бы о шпионаже.

За пять дней торговый агент «Ицуми» посетил «Аквариум» три раза. Как всегда, он сидел за одним столиком с Танакой, а уезжая, как и раньше, садился в одну пролетку с атташе. Получалось, или Танака не отпускает Киёмуру от себя, или, наоборот, Киёмура не может обойтись без Танаки.

Стэнгулеску обещал познакомить Губарева с Танакой, как только представится случай. Губарев терпеливо ждал. В «Аквариуме» он по-прежнему сидел каждый вечер, но к Ставровой пока решил не заходить, лишь отсылал розы. У Зубина в госпитале был два раза; нога у инженера почти не болела, он уже обходился одним костылем. В последний приход Губарева они говорили о Киёмуре, и Зубин снова предположил: интерес «Ахмета» к змейковому сектору скорее всего — прикрытия чего-то более важного.

14.

Как и ожидалось, шеф земельного банка Десницкий оказался за всегдатаем варьете; чуть ли не каждый вечер он занимал один и тот же столик, в центре, недалеко от



эстрады. Обычно Десницкий являлся к канкану перед выступлением Ставровой, слушал «В холодном Париже» и исчезал, чтобы уже не вернуться. По словам приглядывавшего за ним Развалова, за кулисы Десницкий зашел за все время только два раза, и то «на айн секунд, чтобы отмазку схлопотать».

В один из вечеров, запасшись букетом роз, Губарев встал за кулисы, прикрывшись складкой занавеса. Пока Ставрова пела, ему хорошо была видна сцена и часть зала — та, в которой сидел Десницкий. Как только песня кончилась, Десницкий оставил на столе деньги и ушел, не дожидаясь повторных выходов. Губарев ждал, прикрывшись занавесом. После третьего вызова Ставрова прошла мимо к грим-уборной. Прошелестело платье с буфами и разрезом, мелькнуло лицо — в густо наложенном гриме, сбросившее маску жеманства, усталое, безразличное. Мимо на сцену пробежали хористки. Выждав, он повернулся — Ставрова стоит у двери в фойе. Вдруг вернулась к занавесу, остановилась совсем рядом, прикрылась складкой — он видел теперь часть ее плеча. Только он подумал, что она от кого-то скрывается, и очень похоже — от Десницкого, как Ставрова повернулась.

— Господи, князь... Вы меня напугали.

Вытагнется понять, видел ли он ее возвращение.

— Мадемуазель, я проклинаю себя. Сейчас исчезну.

Улыбнулась.

— Наоборот, останьтесь. Вы кого-то ждете?

— Давно, с трепетом и, надеюсь, не нужно объяснять, кого.

Протянул цветы, она рассеянно взяла букет.

— Спасибо. Князь, я хотела вас попросить... — делая вид, что нюхает розы, обернулась к двери. — Вас не затруднит проводить меня?

— Вы еще спрашиваете... Всегда к вашим услугам, мадемуазель.

Кивнула, он пошел за ней. В грим-уборной пусто, все девушки на канкане. Прошел следом, подождал, пока она сядет к трюмо. Улыбнулась — все так же напряженно; он поклонился:

— Мне вас оставить?

— Нет, нет, побудьте со мной. Устраивайтесь. — Подождав, пока он сядет, взяла пуховку, тронула переносицу. — Вообще я хочу сделать вам выговор.

— За что?

— С тех пор, как вы появились с графом Стэнгулеску, вы так ни разу и не зашли. Спасибо за розы,

но совершенно не исключено, что я хотела вас видеть.

— Я не решился быть назойливым.

— Полно... Конечно, у вас свои заботы, своя жизнь, но все-таки можно было вспомнить.

— Вы отлично понимаете, я хотел бы зайти...

Повернулась, изучая что-то в нем и в то же время прислушиваясь к тишине в коридоре.

— Почему же не зашли?

— Я действительно хотел вас видеть.

Шаги. Точно, кто-то идет по коридору. Почти тут же постучали. Ставрова взглянула в зеркало.

— Князь, пожалуйста... Если стучат ко мне, я никого не принимаю.

— Вы уверены, что этот человек вам не нужен?

— Уверена. Вы поможете мне?

— Извольте.

Он встал, подошел к двери, открыл и столкнулся лицом к лицу с Десницким. Финансист на секунду отступил. Тут же, заметив сидящую у трюмо Ставрову, подался вперед. Так как Губарев держал руку на косяке — невольно ткнулся в нее грудью. Оба смотрели друг на друга в упор, Десницкий чуть надавил, пришлось выпрямить локоть. Кажется, шеф земельного банка разозлился.

— Разрешите пройти, милостивый государь, — прошипел он.

Губарев улыбнулся.

— Не разрешу.

— То есть как не разрешите?

— Так. Не напирайте, милейший, не напирайте.

Отлично, этот толстяк сейчас сгорит от ненависти.

— Вы... Вы... Что вы себе позволяете?

— Милейший, я всегда позволяю себе то, что позволю.

— Я вам не милейший! Вы ведете себя непристойно!

— Тише. Лучше будет, если вы удалитесь, — легко вытеснил Десницкого в коридор, прикрыл дверь. — Я предупредил вас, теперь же вы меня всерьез рассердили. Поговорим спокойнее?

Изучая пляшущие глаза, вдруг услышал шорох. Кто-то стоит за поворотом к сцене. Кто? Надо проверить. Он цепко ухватил финансиста под локоть, почти волоком подтащил к сцене, глянул мельком — никого. Десницкий почти рычал:

— Вы за это ответите! Отпустите, черт вас возьми! Я позову полицию!

Развернул Десницкого спиной к коридору.

— Не нужно полицию. Настоятельно советую: никогда больше не появляться в этом коридоре.

Финансист готов разорвать, просто глаза лезут из орбит.

— Мальчишка! Хам!

Со сцены выбежал закончивший выступление кордебалет, и Губарев коротко и хлестко дал пощечину. С шумом, толкая и оттесняя их друг от друга, девушки спешили к себе; через чьи-то обнаженные плечи и воздушные прически Губарев, все еще улыбаясь, бросил:

— Любезнейший, если вы собираетесь вызвать меня на дуэль, я бываю здесь каждый вечер. Вы поняли?

Кордебалет исчез. Десницкий поправил лацкан, достал платок.

— Я обещаю вам, вы пожалеете об этом.

Вышел, нарочито тихо прикрыв дверь в фойе.

Вернувшись, Губарев прошел к трюмо, сел рядом со Ставровой. Он понимал, сейчас не нужно ничего объяснять. Судя по шушуканью за спиной, здесь уже обсуждали историю с пощечиной. Ставрова так и не повернулась, лишь сказала тихо:

— Когда б вы ни пришли, я буду вас ждать. Вы слышите?

— Спасибо.

Встав и поклонившись, вернулся в зал. За столиком Стэнгулеску пригнулся, зашептал, дыша перегаром:



— Что там у Ставровой? Я просто извелся.

— Джерри, ты о чем?

— Как «о чем»? Надеюсь, ты был у Ставровой?

— Нет, а что?

— Врешь, Алекс, но это меня не касается... — Стэнгулеску хохотнул. — Смотрю, вы все исчезли... Следом за Десницким — Танака. Ладно, не изображай голубка... Милая компашка составила, не находишь?

— Джерри, компашка действительно милая, но поверь, я был не там.

— Понимаю. Ля дискресьон дю месей э ленор дэ ля дам\*. Алекс, ты ведешь себя как настоящий мужчина, поздр-р-равляю!

15.

Склонившись над столом, адъютант Курново осторожно положил бумаги.

— Владимир Алексеевич, простите, здесь материалы по Десницкому. Пока все, что удалось собрать.

— Вы ознакомились?

— Владимир Алексеевич, внимательно. По нашим каналам выявлены законспирированные счета Десницкого в двух немецких банках. Кроме того, зарегистрировано несколько неясных по содержанию встреч. Вот, посмотрите... — адъютант тронул листок с фамилиями. Курново всмотрелся.

— Люди, связанные с немецким посольством... Короче, не исключено, что он работает на немцев?

— Думаю, не исключено.

Изучив содержимое папки, полковник подумал, стоит ли ему связываться с Десницким. В любом случае нужно сначала узнать, кто за ним стоит.

— Станислав Николаевич, поручите Полуэктову заняться Десницким плотней. Да, и... Поставьте в известность о нем Губарева. Только прошу, не делайте это через агентуру. Достаточно телефонного звонка. И вот еще что... — Курново хотел попросить Николаевского поинтересоваться деятельностью фирмы «Иуцими», но вовремя решил: доверять это адъютанту рискованно. — Впрочем, все, вы свободны.

Прислушиваясь к резкому скрежету колес на поворотах, покачиваясь в такт хода трамвая, Губарев еще раз прикинул, что можно извлечь из только что полученного

## НАЙДЕН ДОМИК ДЕКАБРИСТОВ

Владимир СТАХЕЕВ

В Кургане в период с 1830 по 1857 год проживало тринадцать декабристов. Это установили зауральские краеведы.

Здесь, вместе с товарищами, отбывали ссылку после каторжных работ поэт Вильгельм Кюхельбекер, разжалованный из полковников в рядовые Флегонт Башмаков, друг Рылеева Андрей Розен, друг Пестеля Николай Лорер — один из самых активных участников восстания 1825 года на Сенатской площади.

В доме, где жила семья ссыльного Михаила Нарышкина, теперь размещается музей декабристов. Музейной «жемчужиной» называют этот удивительный уголок середины XVIII века. 1300 интереснейших экспонатов, свидетельствующих о жизни и деятельности дворянских революционеров, собраны энтузиастами-историками Е. С. Колушаевой, Л. П. Ковалевой, С. Н. Малых и их помощниками.

До сего времени считалось, что дом Нарышкиных — единственное подлинное здание в Кургане, принадлежавшее семье декабристов. Так считал и Б. Н. Карсонов, курганский искусствовед и журналист, более пятнадцати лет занимающийся поиском материалов о жизни в Зауралье героев 1825 года. Результатом его многолетних исследований, поисков в государственных архивах страны, в библиотеках Москвы и Ленинграда стало открытие еще не известных страниц биографии декабристов.

Недавно в Курганском церковном архиве того времени им обнаружен любопытный документ — «Брачный обыск». Странное название церковного документа объясняется следующим образом. За несколько недель до венчания в церкви на видном месте вывешивалось объявление: в нем назывались жених и невеста и указывались их имущественные и сословные данные. Сообщение имело конкретный смысл: чтобы с венчавшимися, еще до заключения гражданского брака, могли выяснить отношения, к примеру, кредиторы или люди, вызывавшие в свое время жениха на дуэль... Поэтому церковные объявления и назывались «Брачным обыском».

Эта интереснейшая находка рассказала, что отбывавший ссылку в Кургане известный декабрист Петр Николаевич Свистунов 25 января 1842 года обручился с местной красавицей, дочерью земского исправника Татьяной Дурановой. Поручителями со стороны жениха при бракосочетании выступали декабристы Иван Семенович Швейковский (так он расписался, настоящая фамилия — Повало-Швейковский) и Флегонт Минович Башмаков. Не мог присутствовать при венчании друга Иван Федорович Фохт — он болел. И Свистунов со своей шестнадцатилетней невестой зашел к нему отдельно, чтобы получить благословение. Был на свадьбе у товарища и Александр Федорович Бригген.

Текст церковного объявления Б. Н. Карсонов начал сопоставлять с содержанием купчих крепостей о продаже и покупке домов, с объявлениями, напечатанными в приложениях к Санкт-Петербургским и Московским сенатским ведомостям. И — счастливый случай — нашел описание домика, в котором состоялось свадебное торжество декабриста!

Вкратце судьба деревянного пятистеника такова. В 1856 году дом был продан священнику Богородице-Рождественской церкви Иоанну Волкову. Священник прожил в нем до конца века. Затем дом переходил к разным владельцам... Современный его адрес — улица Климова, 52.

Сложенный из толстых бревен, как минимум, полтора столетия назад, от старости он по окну врос в землю. Но это скромное жилище, если не считать дома Нарышкиных, — последний и единственный свидетель далеких дней изгнания «штурманов бури» в Зауральском крае.

\* «Честь дамы зависит от сдержанности кавалера» (фр.).

сообщения. Десницкий работает на немцев... Теперь легко объясняется интерес Танаки к их встрече. Сам факт, что Десницкий может работать на немцев, отлично действует — как прикрытие. Вдруг понял: сейчас его занимает только одно: собственное отношение к Полине Ставровой. Что бы он о ней не думал, это та самая женщина, в которую он мог бы безнадежно влюбиться. В то же самое время Ставрова сейчас в «Аквариуме» — единственный наверняка ни с кем не связанный человек. Получается — он просто обязан ее оболстать. Немедленно, как только представится случай. Глупость, нелепица, но это так...

Трамвай повернул к госпиталю, он спрыгнул на ходу, не дожидаясь остановки, — его ждал Зубин.

Пройдя по больничной аллее, Губарев увидел: рядом с инженером на скамейке лежали газета и журналы. Зубин кивнул: «садись», подождал, пока он сядет, взял сверток.

— Саша, не совершишь ли ради меня подвиг? Нужно отнести вот эти журнальчики, отдать их моей старой знакомой. Журнальчики забавные, «Аполлон», два последних номера, читал их от скуки, теперь надо вернуть. Глянь, если хочешь. — Протянул журналы, Губарев взял один из номеров, перелистал.

— Проверка?

— Мы друг друга уже проверили, — Зубин взял журналы, аккуратно завернул в газеты. — Впрочем, может быть, ты прав, в наше время все проверка. В любом случае прошу как о милости. Отнесешь?

— Конечно. Куда?

— Запомниай: Старо-Невский, сто тридцать один, вход с улицы, третий этаж, квартира восемнадцать, Таисия Афанасьевна... Запомнил? Если сейчас отнесешь, замечательно. Эта Таисия Афанасьевна... Понимаешь, милая пожилая дама, ангел во плоти, а добираться сюда ей трудновато, молила слезно вернуть чтиво...

— Что, только отдать журналы и все?

Посмотрел в упор.

— Нет. Пусть Таисия Афанасьевна передаст Анечке, что со мной все в порядке. Скажи, никаких передач не нужно, кормят не ахти, но терпимо... Еще... Еще, если будет удобно, поинтересуйся, как там Анечка...

— Хорошо.

— Видишь ли, это моя... Невеста, не невеста... Ну, что объяснять, скажешь, и все.

— Все сделаю, не волнуйся.

— Еще одно: когда выйдешь от Таисии Афанасьевны, позвони сюда, ладно? Дежурной в коридор. Скажешь — меня, Зубина, из двенадцатой...

Таисия Афанасьевна оказалась сухонькой старушкой с буклями, в изрядно ношенном опрятном шифоновом платье. Открыв дверь, она сощурилась, даже пригнулась, разглядывая Губарева, — на лестнице было темно.

— Кто это? Извините, что-то не помню.

— Таисия Афанасьевна, я от Зубина. От Андрея Григорьевича Зубина.

Сжала ладони, потеряла их друг о друга, словно согревая.

— Господи, от Андрюши, — руки двигались мягко и ласково. — Что же вы стоите, миленький? Что стоите? Заходите, как вам не стыдно, заходите, не стойте. — Сухая ладошка потянулась к его плечу, обняла, вовлекая в прихожую. — Проходите, у меня тут темно, не обращайтесь внимания. — Ему показалось, она попыталась открыть дверь, которая была закрыта, и тут же взялась за соседнюю. — Темно, да? Как вас зовут? Да проходите, это просто окна во двор, там светлей... Как вас все-таки зовут?

— Александром.

Посмотрела отстраненно, вслушиваясь в звук имени.

— Живете в Петербурге?

— В Петербурге.

— И родители в Петербурге?

— Нет. Мама в Екатеринбурге.

Губарев незаметно осмотрелся: комната большая, с высокими лепными потолками. Четыре окна, над каждым — тяжелые, собранные в большие складки портьеры. Старушка обошла вокруг стола, поправила вазу с яблоками, вернулась. Ведет она себя совершенно естественно, но в ее движениях есть что-то особое, не от хозяйки.

— Саша. Сашенька, — решительно повернула его к свету. — Дайте поглядеть на вас... Ну, просто... Просто добрый молодец. Наверняка хотите есть?

— Таисия Афанасьевна, спасибо, я сыт. Я и зашел на минутку, просто передать журналы. Вот.

Губарев не знал, что в эту минуту за одной из портьер стоит Алексей Солодовников — высокий, худой, с несколько тяжеловатым, будто рубленным лицом, пенсне на этом лице выглядело бы совершенно чужой деталью, если бы не глаза —

внимательные, ничего не упускающие. Прижавшись к стене, Солодовников прислушивался к разговору — от того, решится ли он довериться этому человеку, зависело все. В какое-то время, угадав, что Таисия Афанасьевна развернула гостя спиной, Солодовников осторожно откинулся, открыв себе обзор и наблюдая за гостем.

Взяв сверток, Таисия Афанасьевна не спеша осмотрела его, развернула, нащупала на столе очки, надела. Бережно раскрыла один из журналов, вгляделась. Сняла пальцем сбившийся на висок длинный волос.

— «Аполлон» прислал, как вам это нравится, а? И из-за этого он вас гонял?

Губарев улыбнулся.

— Ну что вы, Таисия Афанасьевна. Мне было не трудно.

— Вы не сердитесь на меня? Назойливая старуха, пристаёт?

— Это совсем не так.

— Так, так... Вы ведь Анечку знаете?

— Нет, не знаю.

— Славная девушка, — помолчала. — У них есть отношения, и, по моему, это достаточно серьезно... Скажите Андрюше, что Анечка по нему скучает, часто звонит, иногда два раза в день. Вчера забегала... Он просил ей что-то передать?



Абсолютно прозрачная проверка, ярко выраженные условные фразы. И в то же время не верится, что эта доброжелательная сухонькая старушка самым спокойным образом проверяет его.

— Да, Андрей просил передать, пусть Анечка не волнуется. Чувствует он себя хорошо, кормят тоже хорошо, так что передачи носить не нужно.

Сняла очки, аккуратно сложила, поправила скатерть. Недоверчиво прищурилась.

— Разве там могут хорошо кормить?

Эта Таисия Афанасьевна большая дока, расхождение поймала сразу. Кажется, квартира все-таки чужая. Проверка, хорошо продуманная Зубинным. Если допустить, что он, Губарев, провокатор, то, наведя на след этой бросовой квартиры, он сразу себя выдаст. У этой Таисии Афанасьевны приятная улыбка — мягкая, спокойная.

— Если быть точным, он сказал: кормят не ахти, но терпеть можно.

— Вот это уже ближе к истине. Сашенька, я видела, что там творится, это же для нижних чинов, ужас просто! Скажу Анечке, пусть все несет — творог, сметану, яички... Вы куда-то спешите, Саша?..

— Таисия Афанасьевна, мне действительно нужно спешить.

— Посидели бы? Я чай поставлю.

— Спасибо, — он встал.

— Ну, ну, ну... Не за шиворот же вас держать, — засеменила с ним к двери, тронула за плечо мягкой ладошкой.

— Передайте Андриюшеньке поклон, — улыбнулась хитро. — Скажите: «Я старухе понравился». Даже нет: «Она от меня без ума».

Выйдя, Губарев позвонил в госпиталь Зубину, передав все, что услышал. Таисия Афанасьевна, проводив гостя, подошла к Солодовникову, заглянула в глаза, спросила:

— Алеша, ну как?

— А вам как?

— Мне кажется, этот человек... —

Таисия Афанасьевна задумалась. — Этот человек именно таков, каким обрисовал его Андрей.

— Хотелось бы верить.

— Алешенька, понимаю вас. Но весь ужас в том, что мы можем только верить, сейчас у нас нет другого выхода.

## РЯДОМ С НЕТТЕ

Борис ЗЕЛИЧЕНКО

Рисунок С. Малышева

Когда утром 5 февраля 1926 года поезд Москва — Рига остановился у перрона Рижского вокзала, в вагон № 2 влетел поверенный в делах СССР Г. И. Боркусевиц. Его остановил голос окровавленного Иогана Махмасталя:

— Не подходите к почте, буду стрелять. — На слова вошедшего: «Я Боркусевиц, поверенный в делах», — был ответ: — Я вас не знаю, пусть придет Шеншев.

Шеншева Махмасталь знал в лицо.

...Советские дипкурьеры сражались насмерть, когда ночью в вагон ворвались агенты вражеской разведки. Теодор Нетте был убит. Пять пуль бандита прошли его тело. Махмасталь, истекая кровью, отстреливался, он сразил убийцу Нетте.

О Теодоре Нетте мы знаем много, о жизни Махмасталя значительно меньше.

В старинном уральском селе Багаряк 5 февраля 1976 года состоялся митинг, посвященный памяти Теодора Нетте и Иогана Махмасталя. Красные следопыты села подготовили к этому дню литературную композицию. На сельском кладбище на могиле Иогана Адамовича Махмасталя были возложены венки от уральцев, от Министерства иностранных дел СССР.

Осенью 1941 года Иоган Махмасталь эвакуировался в Багаряк, здесь он жил в доме Н. И. Говорухиной. В начале 1942 года Иоган Махмасталь умер от паралича сердца. Вскоре умерла и хозяйка дома Говорухина. Лишь много лет спустя ее сын узнал, кто такой был дядя Иоган...

Когда в июне 1963 года на Балтийском заводе был спущен на воду новый лесовоз «Теодор Нетте», пионеры дружины имени Теодора Нетте московской школы № 584 прислали на Балтийский завод такую телеграмму:

«Юные теодоровцы приветствуют спуск корабля «Теодор Нетте», поздравляют с этим торжественным событием, обещают учиться еще лучше, собрать больше металлолома на постройку нового корабля «Иоган Махмасталь».

Газотурбоход «Иоган Махмасталь» был спущен на воду 30 декабря 1964 года.

Участник большевистского подполья и Великой Октябрьской революции эстонец И. А. Махмасталь с 1923 года работал в Наркоминделе. За три года до начала войны Иоган Махмасталь, оклеветанный нечестными людьми, был исключен из партии. Судьбой дипкурьера-героя заинтересовался М. И. Калинин. Он не поверил клевете, и вскоре Махмасталь был восстановлен в партии и на работе. Интересна и такая деталь биографии командира боевой рабочей дружины Выборгской стороны Иогана Махмасталя: со своим отрядом он освобождал в дни Февральской революции заключенных Петроградской тюрьмы «Кресты». Среди тех, кому он принес свободу, был Теодор Нетте...



пирамиду. Когда это случилось, когда Стэнгулеску, паясничая, представил их и они молча поклонились друг другу, Губарев поздравил себя. Похоже, знакомства с ним искал и японец. Так как Губарев понимал подоплеку этого интереса и сам с помощью Курново подготовил сближение, это была хоть и маленькая, но победа.

По ударам, дыханию, взглядам он видел — Танака настоящий игрок, игрок по крови, из тех, кто не любит проигрывать и проигрыша не прощает. Тем лучше, усмехнулся про себя Губарев, есть ради чего рисковать. Партия шла очко в очко. Так как залог отдали Стэнгулеску, граф нервничал, понимая, что оба бьются всерьез и неизвестно, чем все кончится. Когда на столе осталось три шара, Губареву не хватало пяти пунктов, Танаке — семи. Бил атташе. Он целился долго, но то ли сорвал кисть, то ли глаз подвел — так или иначе, после удара в угол десятка откатилась в центр. Присев, Губарев всмотрелся: образовалось что-то вроде подставки в среднюю лузу. Да, он точно видел, десятка падает, важно, чтобы не дрогнула рука. Стало тихо. Танака, показывая, что спокоен, опустил веки, начал осторожно мелить кий. Губарев не спешил, даже спиной ощущая напряженность японца. Нарочно подлив масла в огонь, улыбнулся.

— Господин атташе, я готов ответную. Может быть, поставим?

Танака глянул мельком, взгляд для понимающего человека — страшный. Атташе понятия не имеет, что Губарев изучал синтоизм. Иначе он бы так не посмотрел, для японца этот взгляд означает смерть. Вот, будто что-то переборщит в себе, оставил кий. Уголки глаз дернулись.

— Приятно удивлен, я уже забыл, когда проигрывал. Бейте, князь, прошу.

— Извольте, — пригнувшись и почти не целясь, Губарев сильным ударом вогнал шар в лузу. — Реванш?

— Пожалуйста, в любой день. Надеюсь, предупредите? Имею честь.

Танака чуть заметно поклонился и вышел. Губарев облегченно вздохнул: такой уход был залогом, что они еще встретятся.

После, в варьете, Стэнгулеску без конца обсуждал партию и собственные переживания. Перед самым разездом, когда граф окончательно напился и бессмысленно тарашился на бутылки, официант положил перед Губаревым записку. Шепнул: «Велено передать-с», — и тут же исчез. На бланке с вензелем неровно и наискось было написано: «Удивлена. Мо-

жет быть, хоть сегодня вы меня проводите? П. С.»

Повертел бланк, подумал мрачно: кажется, это судьба. Именно сегодня он хотел наконец-то в подходящей обстановке поговорить со Ставровой и, если разговор повернется в нужную сторону, попросить ее о помощи. Помощь ему нужна сейчас позарез.

17.

Выйдя в три, около получаса он простоял среди колонн у выхода. Ставрова, как всегда, вышла в половине четвертого. Гости уже разъехались, у тротуара, как обычно, скучал одинокий экипаж. Увидела Губарева, нервно кивнула, взяла под руку. Подошла с ним к пролетке, он помог ей сесть, опустил рядом. Ставрова подняла глаза.

— Вы заставляете очень долго ждать.

Возможно, это игра, но нарочно посмотреть так, как она сейчас смотрит, нельзя. В глазах горечь, настоящая горечь.

— Как раз сегодня я хотел с вами поговорить. И поговорить серьезно.

— Разве со мной можно говорить серьезно?

Оставил вопрос без ответа, покачал головой.

— Наверно, мы куда-то поедем? К вам или ко мне?

— Давайте ко мне, если хотите.

— Извозчик, будь любезен, Рос-

танная, двадцать семь.

— Слушаюсь, барин... Н-но, пошла!

Кобыла легко взяла пролетку, заюкала по брусчатке.

— Откуда вы знаете мой адрес? — серые глаза смотрят настроенно.

— Мне уже приходилось вас подвозить. Когда мы вместе ударили от Десницкого.

Цоканье копыт, вздрагивание пролетки... Улыбнулась растерянно.

— От Десницкого? Не понимаю.

— Пролетка, лихой кучер, его звали Саша. Неужели не помните?

Смотрит в упор, ничего не понимая. Губарев улыбнулся:

— Без броды человек всегда выглядит по-другому, так ведь? Неужели вы не помните голос? У вас ведь хороший слух?

— Значит, сейчас вы тоже не тот, за кого себя выдаете?

— Тоже.

— Как я понимаю, это и есть серьезный разговор?

— Это и есть... В одном я вас не обманул.

— В чем?

— Я действительно Саша. И тогда был Саша, и сейчас Саша, и всегда буду Саша. Единственное, что я хотел бы получить — надежду, что вы мне когда-нибудь поможете.

— Не понимаю.

— Просто мне действительно может очень понадобиться ваша помощь.

Они свернули на Ростанную. Отвернулась, спросила тихо:

— Это все, что вы хотели мне сказать?

— Не все. Еще одно: я не могу без вас.

Нагнулась, он почувствовал щекой ее волосы, плечом — легкий подбородок. Показалось: они вдвоем медленно плывут сейчас в блеклое петербургское утро, будут плыть бесконечно, остальное не важно.

К себе на Большую Дворянскую он вернулся к семи. Кое-как снял одежду, упал на кровать — и тут же заснул, впервые за долгое время почувствовав себя счастливым.

Выспаться не пришлось. Около восьми задремал телефон, он снял трубку:

— Да, слушаю.

— Квартира господина Остер-

мана?

— Да, квартира Остермана.

— Будьте любезны, сегодня в двенадцать вас ждут в банке.

— Хорошо, приду.

Условная фраза: к двенадцати Курново ждет его на конспиративной квартире.

18.

Дверь после звонка открыл сам Курново; молча кивнул, и Губарев прошел в комнату. Квартира казалась нежилой, хотя было ясно, что ее регулярно убирают. Казенный уют, полы натерты до блеска, на них аккуратно постелены половики, на диванах чистые чехлы.

Курново долго ходил вдоль шкафа, рассматривая книжные корешки. Переставил бронзовую девушку на полке. Подошел к окну, понюхал герань.

— Александр Иванович, у меня вопрос. Надеюсь, ответите?.. Да, садитесь, садитесь, Александр Иванович.

Губарев сел на диван, Курново опустился в кресло. Оловянные глаза смотрят в упор, ничего хорошего ждать нельзя.

— У вас есть основания жаловаться?

Разнос? Что ж, надо выдержать.

— Владимир Алексеевич, я не могу жаловаться.

## ПИСАЛ ЛИ АЙВАЗОВСКИЙ ЗИМУ?

Александр ХЛЕБНИКОВ

Филокартия... Это — коллекционирование иллюстрированных почтовых открыток. Крупнейшая в мире коллекция ленинградца Н. С. Тагринна насчитывает их свыше 690 тысяч.

У иных возникает вопрос: а зачем вообще коллекционировать открытки?

— Что вы можете сказать по этому поводу? — обратился я к наиболее известному в Выборге филокартисту С. И. Семенову, работающей методистом в Выборгской центральной городской библиотеке имени Н. К. Крупской. Светлана Ивановна рассмеялась:

— Разве в нескольких словах расскажешь о своей страсти? Приходите-ка ко мне домой...

Девять длинных ящичков (типа каталожных) наполнены открытками.

— Здесь их почти 13 тысяч, — поясняет Светлана Ивановна, — репродукции картин: около 5 тысяч русских, свыше 5 тысяч советских и 2 тысячи иностранных. Открытки расставлены в хронологическом порядке и представляют творчество выдающихся живописцев, начиная с XVIII века...

«Ну и что? — легкомысленно подумал я. — Какой в них прок? Пусть и тысячи, но стоят и стоят...»

Очевидно, поняв по моему лицу, что цифры не произвели на меня впечатления, Светлана Ивановна немного расстроилась.

— Не впечатляет? — сказала она и, подумав, спросила: — А что писал Айвазовский?

— Детский вопрос, — снисходительно улыбнулся я. — Разумеется, море.

Минута — и Светлана Ивановна веером разложила передо мной открытки с репродукциями картин Айвазовского. Горные пейзажи: «Крымский вид», «Ной спускается с горы Арарат», «Вид с Каранских гор».

— А как по-вашему, писал ли Айвазовский зиму?

— Уж ее-то наверняка нет!

Усмехнувшись, Светлана Ивановна быстро извлекает и кладет передо мной еще открытки — репродукции картины Айвазовского «Зимний обзор в пути».

— Так что, может быть, Айвазовский писал и портреты? — поколебавшись, спросил я.

— Совершенно верно, — подтвердила Светлана Ивановна, положив передо мной портрет А. М. Айвазовской.

— Это — жена художника. Портрет выполнен, как видите, на достаточно высоком уровне... Айвазовского я взяла наугад, — продолжала хозяйка коллекции. — Мне хотелось показать, что собрание открыток позволяет раскрывать творчество вроде бы хорошо нам известных художников с новой стороны. Да и не только художников. Взять хотя бы А. Н. Воронихина. Все его знают как гениального архитектора, но он же был еще и художником. Полюбуйтесь!

И передо мной уже лежит репродукция картины Воронихина «Вид Строгановской дачи в Петербурге».

— Кроме того, — говорила Светлана Ивановна, — коллекция даже и в таком объеме уже способна дать ответы на весьма сложные вопросы из истории живописи.

— В таком случае, — решил проверить я, — нельзя ли, например, увидеть изображение... знаменитой «Пиковой дамы»?

Светлана Ивановна уверенно вытащила из ящичка открытку:

— Пожалуйста. Рокотов. Портрет Н. П. Голицыной.

— А самое первое полотно, положившее начало Третьяковской галерее?

И на стол сразу же ложится репродукция картины Н. Г. Шильдера «Искушение».

— Действительно, такое собрание открыток — сокровище! — восхищенно признался я Светлане Ивановне.

— Я все это собирала свыше двадцати лет... Родилась и выросла в Перми, там же закончила библиотечный техникум, институт — уже позже. В 1961 году студенткой приехала на экскурсию в Ленинград. Конечно — Эрмитаж, Русский музей. Их посещение настолько взволновало, что я накупила открыток — репродукций картин, хранящихся в этих музеях. Они-то и положили начало коллекции...

— Еще бы вам жаловаться. Вас внедрили в «Аквариум», вам выделили необходимые средства, наконец, пошли на ваши условия, в том числе на совершенно абсурдные, как я считаю, — отказ от наружного наблюдения. И что же?

— Владимир Алексеевич, простите — требуется время.

— Не нужно мне объяснять, что такое время, ротмистр.

— Но ведь в самом деле требуется время.

Курново дернул подбородком.

— Времени у вас было достаточно. Дорогой мой, прошло больше месяца. И то лишь с момента, когда вы устроили инцидент с Десницким. Разве не так?

— У меня есть сдвиги.

— Какие же? Или вы считаете сдвигом знакомство со Ставровой?

Быстро до Курново доходят сведения.

— Считаете или нет?

— Нет, не считаю.

— Тогда в чем сдвиги? Вы выяснили, кто такой Киёмура Юдзуру?

— Нет, но я познакомился с Танаккой.

— Вы познакомились с Танаккой? И что же, Александр Ионович?

Смотрит в упор. Неясно, что сейчас лучше, промолчать или ответить. Хорошо, он ответит.

— Пока ничего.

— Правильно. Учтите, Танака официальное лицо, тут нужно трижды подумать, прежде чем что-то предпринимать. У него масса связей, в том числе и при дворе. Вы понимаете?

— Понимаю.

— Пока не вижу. Если он что-то не выкинет совсем из ряда вон — а он не выкинет, — нас из-за него сотрут в порошок. Хоть это представляете себе?

— Да, Владимир Алексеевич, отлично представляю.

— Какие соображения по поводу Десницкого?

— По-моему, единственное — его можно использовать как прикрытие.

— Правильно, — Курново подошел к окну, посмотрел на плечо, щелчком сбил пылинку. — Вы помните, я разослал агентуре указание — немедленно сообщать любые данные о человеке, сколько-нибудь напоминающем Киёмуру Юдзуру?

Еще бы не помнить, подумал Губарев. Я сам и предложил разослать эти указания.

— Да, Владимир Алексеевич. Есть какие-то данные?

Курново порылся в кармане, достал сложенную вчетверо бумажку. Но разворачивать не стал.

— Есть. Только что получено

сообщение от спецагента из Курска. Офицер, которому я вполне доверяю, видел человека, похожего на Киёмуру,— протянул листок.— Ознакомьтесь сами.

Губарев прочел:

«Его высокоблагородию нач-ку ПКРБ полковнику Курново. Согласно Вашему запросу сообщая: человек, по всем приметам отвечающий высланному Вами описанию «татарина Ахметшина», а также фотографии, служил с марта по апрель с. г. на Курском аэродроме в частном услужении у авиатора-изобретателя А. Г. Уфимцева. Этот человек был нанят в состав группы г-на Уфимцева под фамилией Шарипов и выполнял вместе с двумя другими рабочими вспомогательные операции по подготовке к запуску в воздух «Сфероплана» г-на Уфимцева. В апреле с. г. Шарипов из группы г-на Уфимцева уволился. Поскольку деятельность вышеуказанного Шарипова может быть противозаконной, сообщая некоторые данные о «Сфероплане» А. Г. Уфимцева. Сфероплан представляет собой летательный аппарат тяжелее воздуха оригинальной конструкции с мотором, созданным по собственному проекту А. Г. Уфимцева. Отдавая должное смелости технической мысли изобретателя, замечу, что при испытательных полетах сколько-нибудь обнадеживающих результатов сфероплан не показал, и извлечь практическую пользу из этого проекта вряд ли возможно. Сфероплан представляет собой несущую поверхность, которая является одновременно его корпусом и представляет собой сферу, напоминающую лепесток цветка или крыло насекомого — отсюда и название «Сфероплан». Оригинальна и конструкция двигателя... Общий вес аппарата — 11 пудов, поддерживающая поверхность, включая оперение, — 40 кв. м. Шарипов уволился накануне сезона полетов «Сфероплана». К сему — агент по особым поручениям шт.-рот. Будылев».

Губарев прочитал донесение несколько раз и знал уже текст наизусть, почти не вдумываясь в смысл, только ощущая радость. Молодец Будылев! Это подтверждение; пусть пока неизвестно чего, но подтверждение. Японцы что-то ищут. Что — он пока не выяснил, но ведь должен же он когда-то найти ответ... Должен...

Впрочем, когда первая радость прошла, он подумал: что здесь конкретного? О чем все это говорит?

Он хорошо знает Уфимцева. Этого человека знают все, кто причастен к авиации. Конструктор, авиатор, летчик отчаянной храбрости, без

раздумий ухнувший все состояние на сфероплан. Этот Уфимцев не раз бывал со своим аппаратом у них на Гатчинском аэродроме. Человек странный — хмурый, неразговорчивый, иногда даже неприятный. Все время проводит около аппарата, непрерывно что-то усовершенствует. Спецагент Будылев прав: реально у изобретения Уфимцева никаких перспектив. Конечно же, сфероплан утопия, будущее не за этой странной конструкцией, а за показавшими отличные летные качества бипланами. Но что-то ведь заставило Киёмуру заинтересоваться именно сферопланом Уфимцева? Что? Совершенно не понятно. Если говорить прямо — сфероплан никчемное изобретение. Но ведь и змеи никчемное изобретение. Просто дьявольщина какая-то. Вот когда нужен Зубин.

Полковник смотрит настороженно, встал, сделал несколько шагов, остановился, делая вид, что изучает паркет.

— Что вы на все это скажете? Кстати, Александр Ионович, надеюсь, вы не в обиде на преамбулу? Как человек военный, вы должны понять, я обязан был все это высказать.

— Что вы, Владимир Алексеевич. Какие могут быть обиды.

Курново ногтем осторожно выцарапал из бумажника крохотную вырезку.

— Вот, прочтите еще. Сообщение газеты «Петербургская хроника» недельной давности.

Вырезка набрана мелким шрифтом, ясно — последняя страница, раздел «Новости».

«Сфероплан А. Г. Уфимцева в Курске вновь разбит бурей, теперь уже окончательно. Починка его совершенно невозможна. Однако, по сообщениям нашего корреспондента, изобретатель не оставляет надежды повторить опыт и, собрав необходимые средства, приступить к постройке еще одного сфероплана».

Ничего удивительного и в этом сообщении нет, летчики сейчас бьются ежедневно. Грохаются «Фарманы», «Антуанетты», в последнее время даже «Блерио-2 бис», что там сфероплан. Информация лишь подтверждает несурзность выбора Киёмуры. Интересоваться аппаратом, заведомо обреченным на аварию, — зачем? Ответа пока нет, но в поисках японца проглядывает закономерность.

— Владимир Алексеевич, лично я ничего удивительного в гибели сфероплана не вижу. Будылев совершенно прав, изобретение Уфимцева не имеет никакой перспективы.

— Никакой перспективы... Но

агент фирмы «Ицумя», тайком проникая на наши аэродромы, почему-то интересуется именно этими объектами. Почему?

— Не знаю. Мы столкнулись в некотором роде с парадоксом.

— Вы знаете не хуже меня, ротмистр: парадоксы контрразведку не интересуют. Нужен реальный материал. Вы понимаете — реальный?

А ведь дело сдвинулось, он это ясно чувствует. Знакомство с Танаккой — раз, письмо Будылева — два, в дальнейшем можно рассчитывать на знакомство с Киёмурой. Ничего, еще повоюем.

— Александр Ионович, я жду ответа!

— Владимир Алексеевич, думаю, ждать придется недолго.

19.

Сидя на их излюбленной уединенной скамейке, Зубин перечитывал документы. Обе бумажки, донесение Будылева и вырезку из «Петербургской хроники», он держал в разных руках, поочередно поглядывая то на одну, то на другую. Казалось, он тщательно сверяет тексты. Наконец, вздохнув, сложил листки, отдал Губареву.

— Жаль Уфимцева, талантливый человек.

— Мне кажется, он немного не от мира сего.



— Правильно, к тому же неудачник. А Киёмура ведет себя странно. Какой-то патологический интерес к неудачным конструкциям. Не имеющим перспективы, абсолютно никакой.— Зубин некоторое время следил, как по гипсовой ноге ползет муравей, сбил его легким щелчком, усмехнулся.— Абсурд, наполненный неким смыслом, вроде этого мураша, да?.. Размышляя на досуге, я представил — в России сделано какое-то интересное открытие в области авиации. И японцы за ним сейчас охотятся.

— Что за открытие?

— Не знаю. Оно или скрыто так, что о нем не подозреваем даже мы, или здесь, в России, ему пока не придает серьезного значения. Ты знаешь — такова судьба многих великих изобретений. Не будучи признаны на родине, они с успехом использовались другими.

— Как не знать... Но если об этом изобретении неизвестно нам — откуда о нем пронюхали японцы?

— Положим, пронюхать что-то, тем более для японцев, да при нашей охране — раз плюнуть. Они именно пронюхали, но что это конкретно, не знают. Поэтому и перебирают варианты — один за другим. Попробовали изучить сфероплан, не нашли ничего; взялись за змейковый поезд.— Зубин встал.— Сейчас начнут раздавать обед. Проводишь?

Когда они остановились у входа, Губарев спросил:

— Слушай, Зубин, открой мне еще одну тайну. Ты же сам объяснил: вы хотите разрушить Россию, эту Россию. Но, помогая мне, объективно укрепляешь царскую армию. Зубин покрутил костыль.

— Саша, ты затронул сложный вопрос. С одной стороны, я вместе с тобой защищаю сейчас интересы царской авиации...— усмехнулся.— Но если посмотреть с другой стороны, может быть, наоборот — сейчас ты, агент ПКРБ Губарев, сам того не желая, работаешь на будущую Россию? Свободную.

20.

Знакомство с Киёмурой стоило Губареву пятидесяти рублей — он проиграл контрольную Танаке. Но зато — получил приглашение разделить ужин с японцами.

За столом Танака представил его Киёмуре Юдзуру. Юдзуру-сан выглядел престолюдином: широкое плоское лицо, закругленный нос, оттопыренные уши. Но, так же как и у Танаки, его манеры были безупречны, он бегло говорил по-русски

## КУПЕЦ НАБЛЮДАЕТ КОМЕТУ

Свои наблюдения за кометой Галлея в 1835 году на небосклоне Урала оставил нам екатеринбургский купец (правда, в тот год еще пока «купеческий сын») Василий Александрович Набатов в дневнике, который он вел на чистых страницах «Месяцеслова» — своеобразного настольного календаря тех времен.

Судя по дневнику, этот купеческий сын был вообще любопытным человеком. Старообрядец-беспоповец, исправно соблюдавший все религиозные службы и обычаи, предписанные дедами, он в то же время не гнушался посещать балы местных тузов, любил кутнуть в знакомых компаниях, ходил в театр и даже, как выяснилось, был подписчиком на столичный журнал «Репертуар и пантеон». В дневнике встречаются стихи — возможно, его собственные. Женат он был на сестре знаменитого в летописях города, богатейшего купца Аники Рязанова (но сам был небогат, имел в гостиниом дворе лавку скобяного товара).

В «Месяцеслове» Набатова на листах 1835 года, наряду с наблюдениями за погодой и природой (метеорологическими и фенологическими, как сказали бы мы сейчас), можно встретить и записи о комете:

«Сентябрь. 27-е ч(исло) в 9 часу вечера в перьвой раз усмотрел простыми глазами комету Галлея на северном небе.

2-е ч(исло) октября, прекраснейший ведренный день. Вечером в 8 часу комета Галлея видима с блеском, сияние, примерно, на 10 сажень. Место ее на северо-западе...

28-е ч(исло). Холод 15 градусов. После нескольких пасмурных дней в сегодняшний ясный вечер кометы уже было не видно».

Наблюдения эти, хоть и скромные, интересны и важны уже тем, что в то время в городе (да и вообще на Урале) астрономов не было — метеорологическая и геофизическая обсерватория появилась лишь в следующем году, и эти свидетельства остались единственными в своем роде.

**А. ПОХОДОВ**

## ПАМЯТНИК ДОРОГЕ

Невероятно, но факт! Дорога между деревней Шиловой и селом Маминским, что в Каменском районе Свердловской области, до сих пор измеряется и верстами. Есть на этой дороге в небольшом лесочке каменный мостик. У него-то и стоит указатель: до села Маминского 3 версты, до дороги Свердловск — Каменск-Уральский — 11 верст. Ровно через 1 километр 67 метров — второй такой же столб с цифрами «2/12».

Эти указатели — чудом сохранившиеся верстовые столбы. Историю создания дороги мне поведал старожил Гаврила Лаврентьевич Брагин. «Соружало ее в начале нашего века земство, — начал он неторопливо свой рассказ. — В деревне Шиловой через реку Исеть строили тогда большой мост. По проекту он должен быть каменным, цементовым. А инженер-то молодой был Николай Николаевич. Решил он, когда котлован для быков копали, применить вместо частокола щиты деревянные. Чтоб, мол, дело ускорить. Однако ничего не вышло из этого. Щиты воду не держали, котлована не выкопали, а деньги ухлопали. На другое уж лето частокол сделали. Отпущенных средств достроить мост, конечно, не хватило. Тогда Николай Николаевич и построил мост с деревянными фермами».

До сих пор стоит в Шиловой арочный мост. Его крутые съезды обставлены тесаными столбиками, точно из такого же камня, что и верстовые столбы. Интересно, что гранит на строительство дороги добывали и тесали тут же — за рекой.

После рассказа Г. Л. Брагина было ясно, что сведения об этой дороге надо искать в материалах Пермского земства. И отыскался «Отчет Пермской губернской земской управы о расходах из дорожного капитала за 1903 год», изданный в Перми в 1904 году. В нем содержалось все или почти все, что хотелось бы знать о строительстве этой дороги.

Тогда-то и были поставлены на участке от Исетского тракта до села Маминского 13 верстовых столбов. До наших дней сохранились два. Своеобразные памятники уральской дороге.

**В. ЕРМАКОВ**

и по-французски, почти не спотыкаясь на звуке «л», лишь чуть усиливая его. Весь вечер шла беседа на европейский манер, обо всем и ни о чем, с шутками, забавными историями и замечаниями в адрес женщин. В конце застолья, перед тем, как проститься, Танака поднял бокал:

— Князь, спасибо, вечер был замечательный! И все-таки вы страшный человек!

— Вы имеете в виду...

— Я имею в виду тот оборотный в угол в самом начале партии, помните?

— А ваш прямой в конце?

— А первая партия? Кого обыграть? Меня! Меня, Танаку Хироси!

— Боюсь, барон, вы мне просто поддались. Было? Из традиционной японской вежливости.

— Давайте выпьем за вашу русскую вежливость! Прозит!

Губарев поднялся вслед за Киёмурой.

— Прозит! — Он так и не понял, узнал ли его Юдзуру-сан. Надежда на то, что не узнал, была — на Гатчинском аэродроме они почти не встречались.

21.

Должно же было ему когда-нибудь повезти, должно было прийти вознаграждение за бесконечную слежку, за усилия, которые, как ему казалось, он тратит совершенно впустую.

Был день, он шел за Киёмурой по оживленной части Невского проспекта. Пройдя Елисейский магазин, заметил, как японец скрылся в одном из подъездов. Слившись с пешеходами, прошел мимо; этот дом, серый, шестиэтажный, стоял как раз напротив Александринки. На стене вывеска, таких на Невском десятки, мелькнуло: «Патентная контора». Читать дальше не стал, прошел, не задерживаясь, перешел на другую сторону Невского и стал ждать.

Примерно через сорок минут японец вышел. Вел он себя, как обычно, спокойно, уверенно. Некоторое время Губарев шел за ним, когда тот остановил извозчика, подождал — и сел в стоящую у тротуара свободную пролетку. Экипаж с японцем остановился на Вознесенском проспекте, у дома № 28. Этот адрес Губарев знал отлично, здесь размещалась редакция журнала «Вестник воздухоплавания». Дождавшись, пока Киёмура войдет, велел кучеру развернуть пролетку и ждать. Через полчаса японец вышел и сел в трамвай. Губарев еле успел расплатить-

ся и догнать вагон. Две остановки пришлось ехать сзади, на битком набитой площадке. Сойдя на Васильевском, он проторчал около часа в укрытии около «японского дома». Убедившись, что Киёмура не выходит, поспешил на Невский, к дому напротив Александринки. Прочитал табличку у подъезда полностью:

«Патентная контора. Исходатайствование привилегии на изобретения в России. Юридическая защита промышленной собственности. Разработка изобретений в области воздухоплавания. Инж. Д. М. Левенштейн. (Сущ. с 1900 г.)».

Сопоставив эти два адреса — журнала, освещающего вопросы авиационной науки, и патентной конторы, — Губарев почувствовал, что, может быть, впервые за долгие дни попал на верный след. Понял еще одно: промедление смерти подобно. Не мудрствуя лукаво, вызвал городского, вошел с ним сначала в контору, потом в редакцию и, быстро проверив сотрудников на перекрестных вопросах, выяснил истину. Оказалось, Киёмура приходил по этим адресам для покупки технических материалов. С представителем «Ицуми» уже около года имели дело два человека: делопроизводитель патентного бюро Левенштейна г-жа Скульская и технический секретарь журнала «Вестник воздухоплавания» г-н Полбин.

22.

Рядом с инженером на скамейке лежала целая кипа технических журналов, газет, вырезок, фотографий, сам же Зубин смотрел на Губарева торжествующе.

— Саша, хочешь новость?

— Хочу.

— Видишь? — Зубин отстранился от костыля.

— Не совсем.

Зубин вздохнул, положил костыль на скамейку.

— Теперь видишь? Ну, Саша? Стою. Нет, как вам это нравится? Я стою, даже делаю шаг, а он что? Он молчит!

Глядя на обиженное лицо инженера, Губарев засмеялся, подумал: «Замечательно, что есть такой человек».

— Да нет, я в восторге, просто не заметил сразу.

— Ладно, это мои радости... Я вот тут, — тронул кипу, — изучил все, что есть в технической периодике последних месяцев.

Губарев посмотрел заголовки: «Научное обозрение», «Вестник воздухоплавания», «Коммерческая эн-

циклопедия», «Морской сборник», подборка вырезок...

— Есть что-то новое?

— Нового нет, но моя идея, что японцы пронюхали про какое-то серьезное изобретение и охотятся за ним, находит подтверждение. При всем желании иметь сильную авиацию наше правительство все время промахивается. Тут — целый роман с дирижаблем Костовича. Сначала Костович предложил проект изобретения нашей армии, проект отвергли. И англичане, узнав об этом, быстро провели переговоры. Твои коллеги из контрразведки донесли Столыпину, он, испугавшись, вызвал Костовича к себе и вроде уговорил. Тот отказал англичанам. Но что ты думаешь? Главное инженерное управление Костовичу снова отказало, а англичане заложили проект на ступель и почти уже его закончили... Далее — проект летательного аппарата Чанецкого, интереснейшая идея. Но комиссия во главе с генералами Кирпичевым и Величко без тени сомнения ее зарубила...

Зубин прав, теоретически японцы могут охотиться за каким-то важным изобретением, но слишком много вопросов остаются без ответа. Главное — то, что он узнал в патентном бюро и редакции журнала. Достал из кармана кипу пробитых дыроколом копий — улов, снятый в конторе Левенштейна и «Вестнике», выбрал две бумажки, протянул:

— Прочти.

Зубин взял листки, расправил.

— Что это?

— Прочти, прочти. Поймешь.

Стал следить, как Зубин, по привычке покусывая губу, читает текст; сам он эти письма давно уже выучил.

«Милостивый государь господин редактор, мне попал ваш журнал библиотека воздухоплавания, вот это и заставило меня к вам обратиться. Я мастеровой человек по профессии слесарь, на что имею аттестат, около трех лет работал над летательным аппаратом и наконец последняя модель вышла очень удачна. Для постройки модели я пользовался токарным станком, который построил сам специально для этой цели. Модель моего аэроплана только расположением плоскостей напоминает моноплан антуанет, но механизм вовсе непохож на один современный аппарат.

Мой аппарат имеет два мотора и два постоянно действующих пропеллера и один запасной пропеллер неизвестной никому формы. Моя последняя модель разбилась во время розбега когда я производил опыт.

Я сын бедного крестьянина и считаю себя несчастным, что и на мою долю выпало быть изобретателем, но недостигнуть цели. Днем я обыкновенно работаю как и другие мастера, а ночью занимаюсь с летательными аппаратами через чего часто сваливаюсь в постель и лишуюсь заработка что для меня очень дорого.

Господин редактор, в вашем журнале принимают участия лица имеющие высокое образование и имеющие доступ всех воздухоплавательных кружках.

Я прошу дать мне рекомендации в какое-нибудь общество, где производится постройка или починка аэропланов. Лица желающие развить воздухоплавание не в коем случае не должны отказать.

С почтением А. Николаев. Адрес Хвалынк Саратовская губ.

Отделение почтовой станции Старая Лебежанка село Еремкино Федору Николаеву передать Алексею Николаеву.

Дочитав письмо до конца, Зубин посмотрел на Губарева невидящими глазами. Взялся за второе. Губарев знал, это второе письмо читать легче, оно написано грамотным человеком.

«Я С. В. Гризодубов, живу в Харькове. По образованию техник, человек я небогатый, живу только на те средства, которые дает мне моя профессия. Заработок мой невелик, да еще с семьей, поэтому из-за такой дорогой «затеи», как постройка аэроплана, мне приходится во многом себе отказывать. Уже к концу 1907 года у меня были готовы чертежи и разработан проект моего летательного аппарата. Мой биллан мне приходилось конструировать по схематическим рисункам и немногим снимкам, т. к. у нас литература по воздухоплаванию очень скудна, и человеку, не знакомому с иностранными языками, приходится ограничиваться очень немногим. В начале 1908 года я приступил к постройке. Все части аэроплана, за исключением цепей для пропеллеров, вала, цилиндров, я изготовил в собственной мастерской. В хвостовой части я установил стабилизатор, на который имею приоритет, так как я разработал это устройство впервые в мире в 1907 году, до бр. Райт, и зафиксировал свое изобретение в Южном авиационно-техническом обществе. На аэроплане я установил мотор в 40 HP собственной конструкции с карбюратором «Зенит» и водяным охлаждением. Весит мотор 7 пудов 30 ф. Все деревянные части, так же как и расчет пропеллера, поддерживающих поверхностей и т. д.,

## СЕРЫЙ РЫЦАРЬ

Владимир КУРБАТОВ

Рисунок Е. Таршиш

Вена Морозов после окончания университета был оставлен на кафедре микробиологии. Два года он проработал над какой-то культурой вируса. Эта работа должна была завершить его диссертацию. Оставались последние недели для окончания опытного цикла, и Морозов, горя нетерпением, спешил. Спал Морозов беспокойно, рано приходил в лабораторию и сразу с головой погружался в работу. Его ассистентка Верочка думала: «Сумасшедший какой-то, ничего не видит, кроме своих крыс!»

В вольере биоотсека стояли клетки с морскими свинками, хомяками и белыми крысами. Верочка, несмотря на то, что в ее обязанности входило следить за этими животными, их не любила.

Морозов самоотверженно работал. Верочка дула губки и сердилась на Морозова и на своих подопечных. Но вдруг в вольере стали происходить непонятные вещи. Клетка самочки белой крысы стала таинственно открываться по ночам, однако животное не захотело воспользоваться свободой.

Первый заметил раскрытую клетку Морозов и сделал разгон ассистентке. Вечером, уходя с работы, она проверила клетки.

На следующий день клетка белой крысы снова оказалась открыта. Кто открывает? И почему только эту? Почему крыса не убегает? Верочка боялась смотреть на Морозова. Он, сердитый, за весь день не сказал ей ни слова. А вечером, никому не доверяя, проводив всех, закрыл клетку сам.

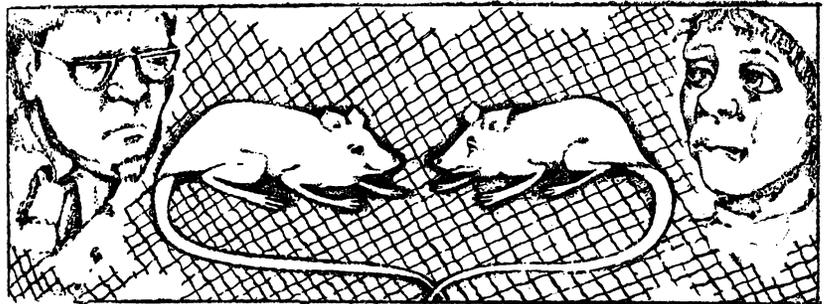
Утром пришел первым. Клетка была открыта... Любопытные сотрудники с улыбочками спрашивали у Верочки: «Что у вас там за тайны Мадридского двора?»

Клетку завязали пеньковым шпагатом. Но следующим утром все повторилось. Любопытство сотрудников было доведено до крайности. Вечером на клетку повесили замок. В этот раз клетка утром осталась закрытой. Многие, кажется, были разочарованы таким оборотом дела. Прошла благополучно неделя. Событие стало забываться.

Однажды утром Верочка принесла корм животным. Открыла и злополучную клетку. Вдруг из-под радиатора отопления выскочила огромная серая крыса. Она, будто ватаясь, поджидала, когда откроют клетку. С неприятным шумом, как живой снаряд, прошмыгнула у ног Верочки и юркнула в клетку. Верочка закричала. На шум сбежался народ. Серая крыса, не обращая внимания на людей, прижалась к своей пленной подружке. Она тяжело дышала, бока ее западали. С удивлением и каким-то почтением люди смотрели на животных. Среди белого дня бесстрашный серый рыцарь явился к своей белоснежной красавице! И смотрел на людей без страха. Он не мог быть больше в разлуке со своей подружкой.

«Что это — инстинкт или... любовь?» — в раздумье сказал кто-то. И все услышали голос Морозова: «К микробиологии это не имеет отношения!». И увидели, как он твердым шагом вышел из вольера.

Верочка вздрогнула от его голоса. «Да он одинок, — вдруг подумала она, — и одиночество его от робости». И ей стало жалко его. Она простила ему все-все резкости...



я делал в своей мастерской. Данные аэроплана: длина 10,5 м, ширина 12,5 м, расстояние между поддерживающими плоскостями — 1,8 м, ширина главных поддерживающих плоскостей — 2 м, задний стабилизатор — 2 кв. м., руль глубины — 6,5 кв. м., вес аппарата — 29 пудов.

В октябре 1910 года мой аэроплан был почти готов, не хватало только колес, но вместе с тем не осталось совершенно денег. Для приобретения колес я сейчас хочу устроить платную выставку, в пропаганде которой и прошу редакцию мне помочь. В случае удачи выставки будут приобретены колеса и тогда же будет приступлено к пробным полетам.

О себе. Мне 26 лет, в 1904 году я окончил Харьковское техническое училище.

Закончив читать, Зубин поправил спадающую со здоровой ноги тапку, вздохнул:

— Потрасаюше!

За листвою деревьев желтела часть госпитали с редкими кирпичными пропеллинами — там, где отвалилась штукатурка. По дорожкам госпитального сада, наслаждаясь свободой и предвкушая обед, бродили больные в халатах. У кухни истопник в сапогах и рваной рубахе, надетой на докрасна загорелое тело, рубил дрова. Жилистый торс равномерно поднимался и опускался, чурки, легко отскакивая, издавали слабый щелкающий звук. Показалась дергающаяся лошадиная шея, за ней сама лошадь. Плоская телега с котлами вздрагивала, двигалась рывками — в палаты везли обед. Зубин прошелстел бумажками.

— Я не знаю, где ты все это достал, как эти две бумаги связаны с Киёмурой и с этой историей — но какие два документа.

Телега завернула к приемному покою, кобыла, остановившись, затрясла головой, пытаясь отогнать слепней, и затихла. Облепленные мухами язвы кровоточили; судя по движениям губ и неподвижно опущенной шее, лошадь к этому привыкла.

— Потрасающие человеческие докуменгы. А? Судьбы какие. Да за ними, за этими судьбами, за Николаевыми и Гризодубовыми, — вся Россия!

Зубин поднял бумажки, будто разглядывая на свет.

— Где ты их достал? Я гляжу, у тебя их много.

— Да, тут не только они, — перелистал кипу. — Мне удалось выяснить, что Киёмура после приезда в Россию начал поддерживать не совсем обычные контакты... Пока я

откопал два. Делопроизводителя патентного бюро Скульскую и секретаря журнала «Вестник воздухоплавания» Полбина. Знаешь, что от них было нужно японцу? Не поверишь... За небольшие суммы он скупал у них все, что отсеивается от производства. Непринятые предложения, письма, короч — отходы.

Зубин вытянул загипсованную ногу.

— Интересно. Как интересно! То есть он скупал все, что не принято или не опубликовано... Может быть, тут все дело в Гризодубове? Фактически это изобретатель стабилизатора. Что, его письмо так и провалялось у них?

— Оригинал в архиве, копию купил Киёмура — за три рубля.

— Вполне возможно, что он успел съездить в Харьков. Нет, какие мерзавцы... — Зубин замолчал. — За это время братья Райт успели задуматься до стабилизатора сами. Гризодубов пишет, он взял патент?

— Взял, но этот документ не действителен. Я консультировался с Левенштейном. Привилегия, которую выдало Гризодубову самодельное Южное авиационное общество, в международном праве не признается.

— Может быть, я прав, они охотятся за стабилизатором?

— Андрей, при всем моем уважении к тебе... а почему, скажем, не за пропеллером «не известной никому фирмы» Николаева? Пока у меня много наблюдений, но нет серьезных улик. Если японцы действительно за чем-то охотятся — мне нужно выяснить, за чем. Для этого я должен получить хотя бы крохотный намек, что это... Чисто работают. Просто не знаю, что делать. За чем военной разведке отсыянные идеи? Это... — помедлил, — с чем же можно сравнить? — Кивнул на небо. — Видишь облака? Это все равно, что похищать облака.

— Любопытно. Хорошо сказано — «похищать облака».

— Меня это не утешает. Нужно идти к начальству, а с чем?

Зубин бесцельно перелистывал журнал. Повернулся.

— А ты уверен, что в вашем ведомстве не знают, за чем охотятся японцы? Сдается мне, что Курново какую-то информацию от тебя утаивает.

— Что ж, мне включить в свою схему еще и полковника? Я и так устал от него.

— Боюсь, еще не так устанешь... И вот что. Тут с нашим братом шибко не церемонятся, меня, кажется, скоро выпишут, долечиваться

буду дома... Нам нужно не потеряться в этом городе. Запиши, пожалуйста, телефон, по которому меня можно найти.

23.

Губарев понимал, что рано или поздно то, что возникло между ним и Полиной Ставровой, кончится, но думать об этом не хотел. Сейчас у него в «Аквариуме» был человек, которому он мог до конца доверять. Такой человек ему нужен, пусть даже он сам не знает, чем кончится игра, в которую он ее втянул.

История Полины Ставровой была проста.

Родилась и выросла в Кисловодске, родители были достаточно состоятельными, и ей с сестрой с пяти лет давались уроки музыки. Потом у младшей, Полины, обнаружился голос и артистические данные — и она стала брать уроки пения. Дальше — больше: увлеклась театром, играла в любительских спектаклях, в семнадцать против воли родителей уехала в Петербург — в надежде на артистическую карьеру. Увы, путь был обычен: в театральную студию Полина не попала, поступила в «Первую в России спецшколу шансонеток, цыганского пения и фантастических танцев». Весь курс длился пятнадцать дней. После школы стала пробоваться в музыкальные театры — не прошла по конкурсу. Пела в ресторанах, подрабатывала на званых вечерах. Наконец как будто повезло — получила сезонный ангажемент в «Аквариуме».

Однажды, когда она ждала его в пустой грим-уборной, он решился на объяснение.

— Поля, ты могла бы мне рассказать до конца о своих отношениях с Десницким и Танакой?

Застыла у зеркала. Усмехнулась.

— Почему ты спросил об этом?

— Потому что хочу знать о тебе все. Все до конца.

— Несмотря на то, что я о тебе всего до конца не знаю?

— Когда-нибудь узнаешь, обещаю.

— Дай бог... Не буду убеждать тебя, что родилась только сейчас. Но... если бы... Если бы ты знал все унижения, сквозь которые приходилось идти. Если бы знал... Вот, например, у нас... У нас, шансонных субреток, есть слово «раскрутить». Это значит: получить много, дав взамен мало. Лучше — ничего. Понимаешь?

— Я слышал это выражение.

— Тем лучше... Иногда приходится кого-то раскручивать. Без

этого просто не проживешь, сама не выкрутишься,— тронула обеими руками щеки, сцепила пальцы.— Ты ведь знаешь, Танака присылает деньги на мое имя.

— Знаю, но не хочу знать.

— Я не хотела с тобой говорить об этом. Но раз уж начали... Подразумевается, эти деньги даются всей труппе, дебютанткам и кордебалету. Ну и, естественно, за это надо как-то отблагодарить. В любовницах Танаки ходили сначала Гарновская, потом Ринк, потом кто-то еще. Я тоже жду, когда-нибудь придет моя очередь... Извини, от этого никому не деться. Тогда...

— Что — тогда?

— Тогда — прощай заработки.

Придется уйти.

Он почувствовал, она говорит правду — и испытал легкость.

— А с Десницким... С ним было именно то самое, мне пришлось его раскрутить. Он сходил с ума, каждый день присылал подарки. Я отсылала назад, не принимала. А один раз... Он прислал очень дорогую вещь. Ну вот. А у меня именно в этот момент было ужасное положение. Я эту вещь взяла. А потом... Потом ты все видел сам.

Осторожно сжал ее щеки, заглянул в глаза. Моргнула.

— Ты что?

— Ничего. Запомни: я люблю тебя. И повторяй это ежедневно, слышишь?

24.

Справка по фирме «Ицуми» лежала на столе Курново. В нее вошли данные и сообщения, полученные от разных агентов. Данные были разрозненны, но контуры деятельности фирмы просматривались довольно определенно. Полковник еще раз похвалил себя за сметку — в этом стоило разобраться. Но сейчас его на конспиративной квартире ждал Губарев.

...На Кронверкской все было как обычно. Губарев подробно рассказал о своих находках в патентной конторе и редакции журнала «Вестник воздухоплавания», положил перед Курново письма. Полковник внимательно просмотрел их, вернул.

— Киёмура за эти документы платил?

— Платил. И не только за эти документы.

— Разъясните.

— Не считая других мест, только в двух названных точках он приобрел около четырех десятков сообщений такого рода. Я имею в виду описания, схемы, фотографии и так далее.

## «КЛАДОВКИ»

# СТРАННИЦЫ-КЕДРОВКИ

Александр БАРКОВ

В ясный февральский денек, когда голубые снега искрятся на солнце и ветер доносит робкое дыхание весны, рябохвостые кедровки затевают игры. Садятся на макушки кедров и начинают перекликаться друг с другом.

В сухом морозном воздухе голоса птиц звучат приглушенно и мягко: «Крей-крей-крей...» Вот одна из них срывается вниз, парит над землей, касаясь поверхности снега крыльями. На поляне, укрытой белоснежной скатертью, остаются причудливые узоры — птичьи письмена.

Поиграв, пощелкав клювами, темно-бурые кедровки направляются к дальнему бору. В таежном краю знают, что излюбленная еда птицы — кедровые орехи. От кедра и пошло название — кедровка или ореховка.

Летит над тайгой стайка кедровок. Вдруг одна птица заметит издали шишки в пышных зеленых кронах, сложит крылья и упадет вниз. А за ней и вся стайка опустится. Птицы тут же известят лесных жителей о своей находке громкими трескучими голосами. И сразу начнут проворно лущить шишки крепкими клювами. Причем орехи кедровка не дробит, не очищает от скорлупок, а заглатывает целиком и прячет в мешочек под языком: набирает запасы до той поры, пока мешочек не отвиснет, будто кошелка. С этим грузом птица направляется в скалы, планирует с высоты к густой зеленой гриве. Опустится на землю и сунет длинный, острый клюв под замшелую валежину, уронит орехи. Потом отлетит недалеко, увидит дупло на сосне — и туда насыплет. Облюбует укромную ямку под корнями пихты и там «кладовку» устроит. И так носится по тайге, пока все орехи не растрясет. А когда «кошелка» опустеет, птица вновь принимается за привычное дело.

Сборщики кедрового ореха напрасно обижаются на прожорливых неугомонных птиц. Ведь, если поразмыслить, пользы от кедровки куда больше, чем вреда. Случается, «навалится» на тайгу летом вредная гусеница. Вот тут-то на помощь и придет кедровка. Птица до тех пор не усойкоится, пока не облетит и не осмотрит все деревья, не уничтожит всех вредителей.

В урожайные годы кедровка быстро растаскивает и прячет орехи, запасая их на зиму впрок. «Кладовки» птиц медведь, соболь, бурундук находят в суровую голодную пору во мхе, под слоем палого листа, в дуплах, в расщелинах скал... Однако далеко не все спрятанные орехи удается отыскать даже зоркой проворной кедровке. Многие «кладовые» сохраняются целыми и невредимыми, а по весне скорлупки лопаются, и орехи прорастают.

...Гарь — место в тайге, где все выжжено огнем, куда ни помотришь — черная пустошь: ни травинки, ни куста, ни дерева. Лесные пожары, случающиеся от разных причин, настоящее бедствие. Огонь бушует на огромных пространствах, испепеляя и пожирая все живое на своем пути, оставляя после себя лишь черные головни да уголья. В страхе и смятении убежали звери. Разлетелись птицы. Под слоем золы и пепла покоятся мыши, кроты, насекомые.

Лишь пестрая кедровка пронесется над гарью, прокричит отрывисто и печально над выжженной пустошью.

Порывистый ветер взвихрит, поднимет в небо облако пепла. И вдруг из ямки в земле выглянул-проклюнулся на свет крохотный зеленый росток кедр. Разве не чудо! Ведь поблизости нет ни воды, ни человеческого жилья. Кто же лесовод?! Оказывается, за десятки-сотни километров принесла сюда в клюве шишку вездесущая странница-кедровка. Принесла и распотрошила ее, обронив несколько орешков, а остальные припрятала в «кладовки». Через год-другой из земли покажутся тонкие росточки кедрочка. Закраснеет брусника на моховых кочках, по солнечным полянам зарумянятся кусты малины и смородины, зашелестят молодой листвою березы и осины. Минут десяток лет, и вновь зашумит в этих, казалось бы, гиблых местах тайга. И полетят, пронесутся с криками над ней каштаново-бурые, словно припорошенные снежинками быстрокрылые птицы — кедровки.

— Любопытно. Тексты, конечно, забавные, но в чем тут дело? Давайте уточним: он интересовался изобретениями? — взгляд у Курново добродушный, он готов посоветоваться и подсказать. — У вас есть подтверждения, что он интересовался изобретениями?

— Видите ли, это не совсем обычные изобретения... Но я подумал: может быть, вы что-то подскажите?

— Что я могу подсказать?

— Ведь вы обладаете более обширной информацией. Может быть, стоит покопаться в том, на что сначала мы не обратили внимания? Проанализировать то, что покупал Киёмур? Попробовать выяснить истинную ценность некоторых откритий?

— Насколько я понял, у этих «изобретений» нет ценности, они никому не нужны. Правильно? Это отходы, ведь так? Убежден, что серьезная разведка такой чепухой заниматься не будет. Простите, ротмистр, но мы с вами гоняемся за собственной тенью. Пытаемся выяснить, что нужно было Киёмуре — и не можем. Вы же опытный, профессионально мыслящий человек! Никогда не поверю, что у вас не созрела какая-то определенная версия. Есть она у вас?

— Возможно, что японцы охотятся за важным изобретением, подзревая его во всех не привлекающих внимание проектах?

Курново достал из кармана платок, осторожно тронул лоб и шею.

— Что ж, мысль любопытная. Но ни я, ни вы, ни кто-нибудь другой о таком изобретении пока не знает. В наши задачи входит одно: определить, представляет ли деятельность Киёмуры угрозу безопасности государства и армии.

— Уверен, представляет.

— А я не уверен. Поймать «Ахметшина» или «Шарипова» на месте преступления на Курском или Гатчинском аэродромах нам не удалось. Впрочем, и там его преступления были лишь относительными. Что же осталось?

— Тайная деятельность в столице дружественного государства.

— Сомнительно.

— Но ведь фактически — это самая настоящая кража! Потенциальных военных секретов.

Курново подошел к окну. Выходит, все заканчивается. Да, ясно по его позе.

— Потенциальных... Юриспруденция такого слова не знает. И потому, голубчик, если мы попробуем привлечь Киёмуру к ответственности только на этом основании... Мы, без-

условно, наткнемся на крупный дипломатический скандал.

— Выходит, надо все им спустить?

— Вы сами понимаете, такой скандал будет сейчас крайне нежелателен для России. И уж во всяком случае нас с вами за него по головке не погладят. И еще одно: на кого, спрошу я вас, работает Киёмур? На свое военное ведомство?

— Почему бы и нет? Он — кадровый разведчик!

— Это нужно доказать.

— Я докажу.

— Докажете, будем говорить. Поставим вопрос о высылке.

— Кроме того, я убежден, Киёмур действует в тесном контакте с морским атташе Танакой. Это уже официальное лицо.

Курново побарабанил пальцем по стеклу, сказал:

— Осторожней с Танакой, ротмистр. Я уже высказал мнение по этому поводу. Запомните: без веских оснований предъявить Танаке обвинение в шпионаже мы не можем.

— Основания будут.

— Кто их представит?

— Я. Мне хотелось бы использовать еще один шанс.

— Хвалю за упорство. Что-то конкретное?

— Я имею возможность видеться каждый вечер с Танакой и Киёмурой. Для них я пока не раскрыт.

Курново все-таки заинтересован, чтобы расследование, начатое ПКРБ, завершилось успешно. Отвернулся, сказал тихо:

— Хорошо, ротмистр, попробуйте, я не против. Но в случае неудачи — я вынужден буду сделать выводы.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ



МИР  
НА ЛАДОНИ

## Игра деловых людей

Тысячекратное сжатие времени, при котором весь сельскохозяйственный год сокращается до нескольких часов, позволяет за один рабочий день «прокрутить» на электронно-вычислительной машине весь процесс возделывания культур. Такой программный комплекс, предназначенный для обучения методам рационального земледелия, разработан в Институте кибернетики имени В. М. Глушкова Академии наук УССР совместно с Украинским НИИ земледелия.

Обработка почвы и сев, уход за посевами и жатва, сдача урожая и подготовка семян — весь цикл сельскохозяйственных работ можно выполнить в буквальном смысле за один присест, если воспользоваться «Кибернетическим фитотроном».

Идею создания «КФ» подсказали психологи. Любые знания во время увлекательной игры усваиваются в четыре-пять раз быстрее, чем при академическом обучении. Проверить свои силы, эрудицию и организаторские способности на «КФ» может агроном и экономист, председатель колхоза и начальник управления сельского хозяйства, партийный работник и плановик, ученый и юноша, обдумывающий житье.

ЭВМ сама ведет регистрацию играющих, число которых в турнире может доходить до нескольких тысяч человек, выдает каждому «государственное задание», определяет номенклатуру и объем продукции, подлежащей продаже по шкале закупочных цен, выделяет соответствующие «фонды» удобрений.

«Кибернетический фитотрон» учит ориентироваться в области аграрного производства, формирует земледельческую интуицию, развивает способность схватывать суть сельскохозяйственных проблем и, наконец, помогает овладеть навыками общения с ЭВМ.

Эту игру можно применять для профориентации молодежи и для пропаганды сельскохозяйственных знаний.

В. ХОХЛАЧЕВ

## «Аврора» на ремонте

18 августа 1984 года крейсер «Аврора» покинул станицу у Петроградской набережной. Сквозь разведенные днем мосты по Неве прошел легендарный корабль на судостроительный завод имени А. А. Жданова.

За многие десятилетия своей бессменной вахты подводная часть крейсера серьезно обветшала. Даже железобетонная рубашка, в которую она была одета после Великой Отечественной войны, оказалась недолговечной. Судостроителям предстоит изготовить подводную часть «Авроры» заново, сохранив бронзовые форштевень и ахтерштевень. Три тысячи тонн крепчайшей стали пойдет на это, зато специалисты гарантируют, что после ремонта плавучесть корабля будет обеспечена еще минимум лет на триста.

...Корабль был построен руками питерских рабочих и вошел в состав военных кораблей русского флота в 1903 году. Его водоизмещение — 6731 тонна, длина корабля — 123,7 метра, ширина — 16,8 метра. Крейсер развивал скорость до 20 узлов. Артиллерию главного калибра составляли 152-миллиметровые орудия. Команда — 570 человек.

Первое боевое испытание крейсера произошло в период русско-японской войны, в памятном всем Цусимском сражении.

Потом были бои на Балтике в годы первой мировой войны. 28 февраля 1917 года над крейсером взвился алый флаг, а 3 апреля авроровцы встречали Ленина на Финляндском вокзале...

За три года, которые уйдут на ремонт крейсера, предстоит восстановить архитектурно-исторический облик «Авроры», чтобы выглядела она такой же, какой видели ее в памятную ночь 1917 года. Будут восстановлены матросские кубрики, машинное отделение, котельная, боевая рубка и радиорубка.

Экспонаты с борта корабля временно перенесены в Центральный военно-морской музей. Впоследствии экспозиция на «Авроре» пополнится новыми реликвиями, станет еще более впечатляющей.

К 70-й годовщине Великого Октября крейсер «Аврора» вернется на Большую Невку. Только стоять на этот раз он будет значительно ближе к гранитной стенке.

**Б. ГАЛИН**

## Сыновья помогли...

Этьен Паскаль, отец будущего великого французского ученого Блеза Паскаля, был в 1640 году переведен в Руан на должность интенданта. Семнадцатилетний Блез, помогавший отцу в подсчете приходских налогов, чтобы облегчить работу, построил арифметическую машину.

Земляк Паскаля — Леон Боле в том же возрасте снискал известность тем, что изобрел в 1883 году машину для умножения. Его отец отливал колокола и также тратил много времени на математические расчеты.

Еще один юный француз прославился изобретением велосипеда со свободным ходом. Отец Пьера Камина ежедневно ездил на работу на велосипеде, сильно уставая от непрерывного вращения педалей. В 1887 году Пьер придумал новую передачу, при которой крутить педали непрерывно не требовалось.

**Ф. ГЕОРГИЕВ**

● Бригада лауреата премии Ленинского комсомола Сергея Примакова сдала досрочно в эксплуатацию новый комплекс тонкой очистки газа на Оренбургском гелиевом заводе. Он действует на основе сверхдавления и сверхнизкой температуры...

Инертный газ гелий, «солнечный» газ... Известен давно, но со временем его значение в деятельности человека все возрастает. Это не только лучший газ для заполнения оболочек аэростатов и дирижаблей. Без гелия не могут работать системы поддержания плазмы в реакторах. Его используют для получения эффекта сверхпроводимости.

● Деревню, которой около 9 тысяч лет, раскопали на юго-востоке Турции участники международной археологической экспедиции. Каменные строения ее свидетельствуют, как утверждают ученые, о достаточно высоком уровне развития человека в то время. Выказывается предположение, что эта турецкая деревня — едва ли не древнейшая в мире.

● Народы Земли разговаривают, как утверждают ученые из ГДР, на 5600 языках. Из них 1400 — малораспространенные и отмирающие. В Австралии, например, на 250 языках говорят менее сорока тысяч аборигенов.

● На одной из южных плантаций Бразилии овощеводы обнаружили при сборе урожая огурец, который потянул на 26 килограммов. Там же был выкопан клубень картофеля весом 15 килограммов.

● Изучив небольшой метеорит, найденный в 1979 году в Антарктике, специалисты установили: содержащиеся в нем инертные газы — те же, что есть в

марсианской атмосфере. Высказано предположение, что примерно 180 миллионов лет назад падение на Марс крупного космического тела «выбило» с поверхности «красной планеты» осколок вулканической породы, который долго скитался во Вселенной, а затем попал на Землю.

● Американские биологи обнаружили растения, обитающие в океане на глубине 270 метров. Это — красивые водоросли. Они получают на такой глубине лишь сотые доли процента солнечного света, падающего на поверхность воды.

Прежде считалось, что подобное просто невозможно. Для человеческого глаза, кстати, даже один процент света — это полный мрак.

● В Китае открыта затерянная в горах долина, где благодаря особому микроклимату растут более 450 видов цветов — розы, орхидеи, пионы, азалии, камелии... Некоторые растения в долине сохранились первозданными с ледникового периода. Площадь горной «оранжереи» — 3 тысячи квадратных километров.

● В штате Аризона (США) найден скелет динозавра, обитавшего на Земле 225 миллионов лет назад. По размерам он напоминает современного страуса. Вероятно, считают археологи, это наиболее древние останки динозавра.

● Непрístupную горную вершину высотой около двух тысяч метров чехословацкие спортсмены... покорили с неба, с помощью парашютов. К такому «восхождению» они готовились пять лет. Спуск с вершины занял совсем немного времени. И прежде спортсмены «прыгали на горы», но это покорение вершины оказалось в ЧССР рекордным.

## Мыльное озеро

За полночь истошно заверещал телефон. Мало что соображавший спросонья главный геолог поднял трубку:  
— Что-о?.. Какая еще вода? На каком горизонте? Сейчас буду...

Бурча и чертыхаясь, не попадая в рукава и дергая непослушную молнию на куртке, он рассуждал на ходу: «Там же сплошные граниты... В штреках, как в метро,— сухо... С поверхности, что ли?»

У подъезда ждал «газик». Рядом с шофером сидел директор рудника.

— Дмитрий Степанович, что там за вода?! Кто обнаружил?.. Приток большой или только капёж? Холодная?..

— Приедем — увидим... — вздохнул директор.

По поселку уже с утра поползли слухи, один фантастичнее другого: «Вода Ледовитого океана, разрушив предохранительный целик, хлынула и затопила штреки!», «Внезапно начала таять вечная мерзлота!», «Вскрыты межмерзлотные воды!»...

В шахту спустился отряд горноспасателей. Трудились насосы, откачивая воду. По подъемнику спускали материал — строили перемычку. Горноспасатели и добровольцы менялись каждые четыре часа...

Из химической лаборатории, куда на анализ была отправлена проба воды, пришел краткий ответ: «Морских солей не обнаружено». Так отпала версия о вторжении вод океана. Предположение же, что затопление началось с таяния многолетней мерзлоты, казавшееся прямо-таки невероятным, получило неожиданное подтверждение: вода была теплой!..

Среди геологов начались яростные дискуссии. Одна версия была особенно авторитетной: «По соседству с шахтой захоронены древние воды, оставшиеся со времен, когда по Чукотке бродили стада мамонтов». Противников этой гипотезы не нашлось.

Местные острословы уже придумывали название подземному озеру. Женщины радовались: «Вот хорошо, не надо будет снег пилить на бруски и таскать в кадки.. Наверняка водопровод протянут...»

И тут пришли результаты повторного анализа шахтной воды. Весть мгновенно облетела всех: вода оказалась... мыльной.

Сообразить, откуда она попала в шахту, не состав-

ляло труда: много лет по соседству с копром работала баня с душевой, и мыльную воду сливали в воронку, возникшую когда-то при обрушивании верхнего горизонта одного из очистных забоев... Вот так образовалось мыльное озеро, введшее в заблуждение самых умных специалистов...

Чукотские старожилы вспоминают эту историю не без улыбки.

А. АДАМАЙТИС

## Могикане растительного царства

Максимальный возраст деревьев хвойных пород обычно колеблется от 200 до 500 лет. А на каменных склонах горы Уайт-Маунтинз (США) растут так называемые бристльконские сосны, которым более 4000 лет. Это самые древние живые растения на земном шаре. Среди них есть дерево, которому через век исполнится ровно 5000 лет.

Некоторые мертвые бристльконские сосны, сохранившиеся благодаря пустынной сухости воздуха, начинали расти еще девять тысячелетий назад.

Как оказалось, для жизни этих деревьев достаточно образования под корою ничтожного количества новых клеток. За сто лет диаметр ствола сосен на склонах горы Уайт-Маунтинз увеличивается всего на два с небольшим сантиметра. В этом секрет их долголетия.

В Европе деревом-рекордсменом по продолжительности жизни считается дуб. В СССР дуб (черешчатый, или летний) — одна из основных пород широколиственных лесов. Он доживает до 400—1000 лет; начиная с 40—60 лет цветет и обильно плодоносит каждые 4—8 лет. Желуди используются для производства суррогата кофе и как корм скоту, древесина — твердая, долговечная, красивая по рисунку — в кораблестроении, подводных сооружениях (не гниет), в мебельной промышленности. Кору молодых ветвей дуба черешчатого применяют в виде отвара при воспалительных процессах, для лечения ожогов.

А. СИДОРОВ

Главный редактор С. Ф. МЕШАВКИН

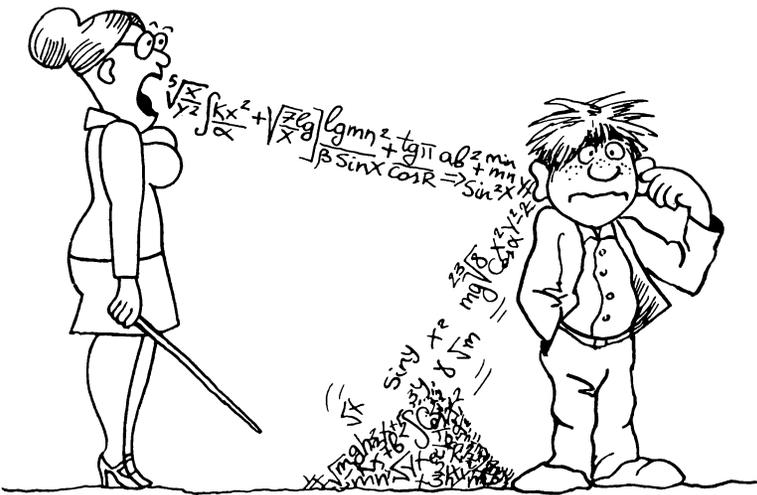
Редколлегия: Е. Г. АНАНЬЕВ, В. П. АСТАФЬЕВ, М. ГАЛИ, В. П. КРАПИВИН, Ю. М. КУРОЧКИН, Д. Я. ЛИВШИЦ (зам. гл. редактора), Н. Г. НИКОНОВ, А. П. ПОЛЯКОВ (зав. отделом краеведения), О. А. ПОСКРЕБЫШЕВ, Л. Г. РУМЯНЦЕВ (зав. отделом прозы и поэзии), А. К. СЕМЕРУН, К. В. СКВОРЦОВ, В. А. СТАРИКОВ (отв. секретарь), А. Н. СТРУГАЦКИЙ

Редакция: Ю. С. Борисихин (отдел публицистики), В. И. Бугров (отдел фантастики), Л. С. Будрина (технический редактор), М. В. Бурангулова (корректор), Л. Г. Гончарова (секретарь-машинистка), А. Д. Кононова (отдел писем), Ю. В. Липатников (отдел науки и техники), Е. И. Пинаев (художественный редактор), Н. А. Широкова (отдел следопытской жизни)

Адрес редакции: 620219, Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 22в  
Телефоны отделов: 51-55-56 (писем, публицистики), 51-22-40 (секретариат), 51-09-71 (прозы и поэзии), 51-53-20 (наука и техника, следопытской жизни), 51-09-69 (краеведение)

Сдано в набор 30.09.85 г. Подписано к печати 14.11.85 г. НС 29665. Формат бумаги 84×108<sup>1/16</sup>. Высокая печать. Усл. печ. л. 8,82, Усл. кр.-отт. 11,34. Уч.-изд. л. 10,9. Тираж 307 000. Заказ 467. Цена 40 коп.

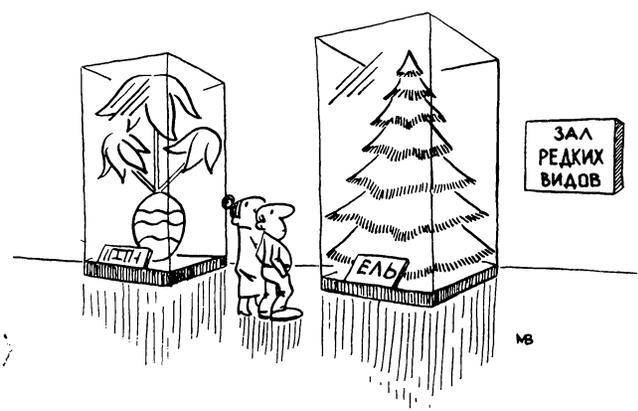
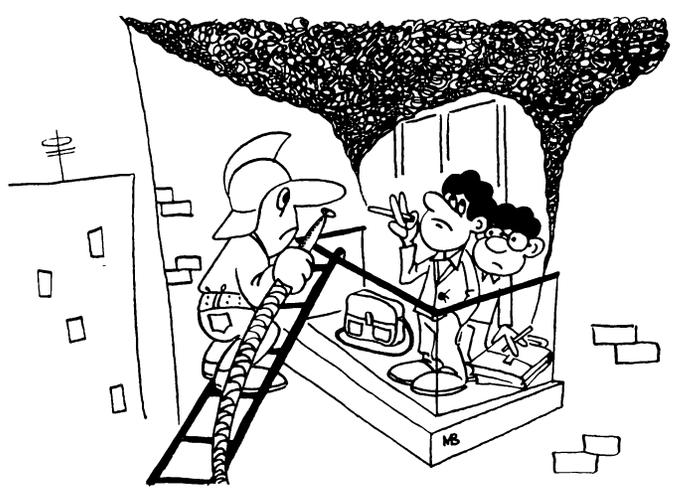
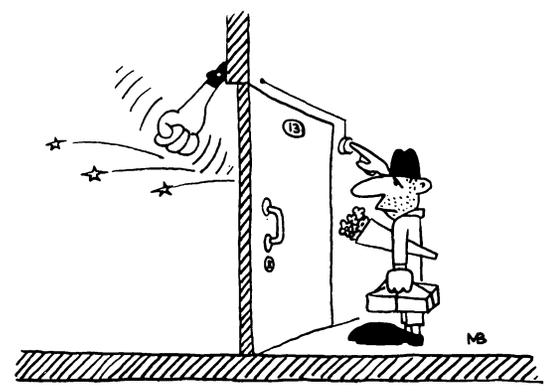
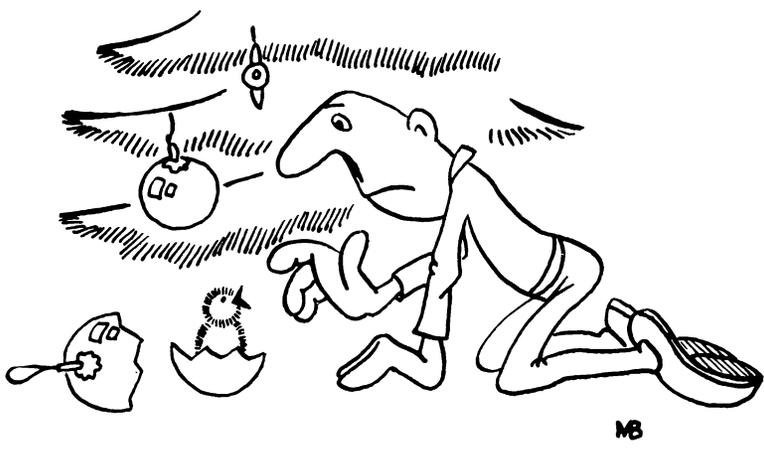
Типография издательства «Уральский рабочий». Свердловск, пр. Ленина. 49.



РИСУНКИ АНДРЕЯ КОНЮХОВА,  
г. НЕФТЕКАМСК.



РИСУНКИ ВАЛЕРИЯ МЕРКУЛОВА,  
г. СВЕРДЛОВСК.



ПОЛОВОДЬЕ.  
Лист из серии «Родное Прикамье».  
К. Собакин, г. Пермь.



6-я ЗОНАЛЬНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА  
«УРАЛ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ» в г. Свердловске.

ГРАНАТЫ.  
В. Старков, г. Челябинск.



ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «КОНАРМИИ» И. Бабеля.  
Е. Бортников, г. Нижний Тагил.



# ГРАФИКА



«МОЛОДЫЕ — СЕЛУ».  
Лист из серии.  
О. Перевощиков, г. Тюмень.

Цена 40 коп. Индекс 73413  
Уральский СЛЕДОПЫТ, 1986, № 1, 1—333